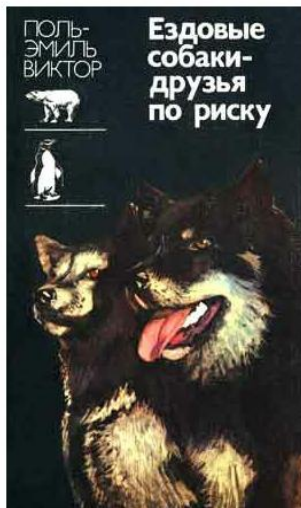

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

ПОЛЬ-ЭМИЛЬ ВИКТОР

Ездовые собаки-друзья по риску

OCR, spellcheck, read check, оформление: ТаКир, 2008

Москва
«Мысль»
1980

ПОЛЬ-ЭМИЛЬ ВИКТОР

**Ездовые собаки-друзья
по риску**

ПОЛЬ-
ЭМИЛЬ
ВИКТОР

Ездовые собаки- друзья по риску

OCR, spellcheck, read check,
оформление: ТаКир, 2008

Москва

«МЫСЛЬ»

1980

Поль-Эмиль Виктор – известный
французский полярный

исследователь и писатель, участник многих экспедиций в арктические и антарктические области земного шара, и в большинстве из них его верными помощниками были ездовые собаки. С ними прошел он тысячи километров пути, многократно выручали они его в минуты опасности, и их он сделал главными героями этой книги. Поль-Эмиль Виктор мастерски рисует портреты животных, рассказывает об особенностях их поведения, показывает решающую роль ездовых собак в покорении обоих полюсов Земли.

28.685

В 43

РЕДАКЦИИ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

PAUL-EMILE VICTOR

Chiens de trainaux compactions du
risque

Flammarion, 1974

Перевод с французского В.Г.
Дмитриева

Послесловие доктором
биологических наук С.М. Успенского

Художник Л.А. Кулагин

© Перевод на русский язык
«Мысль». 1980

Пролог

люблю собак. Люблю кошек.
люблю волков. Не люблю голубей,
они, как и люди, бывают
ки. У собак и волков
итель облизывает сдавшегося, а
тицы, якобы кроткие, ударами
ов насмерть забивают
сденного.

сущности я люблю всех
ных, но неодинаково.

Восхищаюсь гепардами, они мне
нравятся. Гепард особенно мил,
когда кладет голову на чьи-либо

колени, урча, словно засорившийся вентилятор. Но никогда не заведу гепарда: ведь он создан не для того, чтобы жить в комнатах или хотя бы в саду, даже в парке, если он там родился и вырос.

Не меньше, чем кошек, люблю мангуст. Ручные – а они приручаются за несколько дней – они умилительны, как кошки, когда в порыве привязанности тычутся мордочками в шею, прежде чем пуститься обшаривать все уголки комнаты. Но я не стал бы их держать, так как на свободе они счастливее.

Люблю волков и думаю, что

среди млекопитающих это наиболее интересные звери. Но не стану заводить волка, даже прирученного, потому что, как и оцелот, и гепард, он никогда не станет вполне ручным, его инстинкт рано или поздно даст себя знать. Сказанное в равной мере относится и к тем волкам, оцелотам и гепардам, которые родились и выросли в «цивилизованной» обстановке.

«Чем больше я узнаю людей, тем больше ценю собак». Кто придумал эту якобы остроумную фразу? По-моему, она глупа. Если вникнуть в ее суть, она ничего не говорит, и первый, кто ее сказал, не подумал

хорошенько над ее смыслом.

В нашу эпоху, когда человек уничтожает рабство и колониализм, создает государственные системы, позволяющие договариваться, а не воевать, началось пробуждение многочисленных народностей, косневших во власти страха перед злыми духами и феодалами-эксплуататорами; когда человек осознал — не прогневайтесь, ворчуны, — что все люди на этой Земле (а может быть, и на других) — братья, все одного рода, и, осознав эту основу гуманизма конца XX века, обнаружил, что Земля едина, мала, ограничена в размерах и замены ей у

людей нет. И наконец, в нашу эпоху человек ступил на Луну.

Вот почему, какова бы ни была тема, захватившая меня, вдохновившая на написание книги, она имеет для меня смысл лишь постольку, поскольку касается роли и обязанностей человека на Земле.

Религия, проповедующая совершенствование за счет подавления потребностей и изгнания радостей жизни, несостоятельна и должна быть отвергнута.

Философия, изображающая человека созданием природы не

более и не менее важным, не более и не менее ценным, чем любое другое живое существо, например краб или москит, несостоятельна и должна быть отвергнута.

Политика охраны природы, ставящая целью сберечь ее, не считаясь с людьми, которые составляют ее часть, т.е. вопреки интересам людей, также несостоятельна и должна быть отвергнута.

Чтобы пояснить сказанное, приведу злободневный пример. Вы догадываетесь: речь идет о нефти.

Несколько лет назад открыли богатые ее залежи на севере Аляски, в Прадхо-Бэй. Возникла проблема транспортировки нефти в страны-потребители, в данном случае в США. Для этого имелись две возможности: возить морем или переправлять сушей.

Поиски решения вопроса о морских перевозках нефти привели к замечательному рейсу «Манхэттена», танкера водоизмещением 110 тыс. тонн, с корпусом, усиленным для плавания во льдах. «Манхэттен» благополучно форсировал Северо-Западный проход.

Это был эксперимент. В случае его удачи и выбора морского пути пришлось бы построить много полярных танкеров в несколько сот тысяч тонн каждый и направить их с полными трюмами в плавание во льдах. Риск заключался в том, что не исключалась катастрофа, подобная той, какая произошла с «Торри Кэньоном» [\[1\]](#), причем ее последствия оказались бы в тысячу раз губительнее, ибо арктические моря – среда, где биологическое равновесие крайне неустойчиво.

Наземная транспортировка нефти потребует прокладки через тундру трубопровода длиной

несколько тысяч километров. А тундра — среда еще более неустойчивая, чем арктический океан: трактор, проходя по вечной мерзлоте, нарушает покрывающий ее слой лишайников, она начинает таять — образуется трясина, нарушается водный режим, меняется характер растительного покрова, одни виды животных исчезают, взамен появляются другие.

Хорошо ли все это или плохо для людей? Кто может ответить?

И еще мне хочется сказать, что животные, в частности собаки и кошки, а особенно ездовые собаки,

для меня важны и ценны, так как я чувствую их близость, привязанность, верность, мужество, силу, помощь.

Я попытаюсь доказать, что и для вас, для всех людей (хотя некоторые утописты и закрывают глаза на реальное положение вещей), дело обстоит точно так же.

И если сейчас говорят, что человек — неотъемлемая часть той среды, которую он сам систематически разрушает, значит, люди поняли наконец, что все до единого элементы этой среды, без которой человек не может обойтись,

без которой он погибнет, равно нужны ему: и леса, и болота, и горы, и реки, и злаки, и водоросли, и насекомые, и орлы, и кролики, и ястребы, и коровы, и волки, и овцы, и змеи, и крокодилы, точно так же как кошки и собаки.

Люди поняли, что функционально связаны со всеми этими созданиями, что все они нужны человеку, что без них он — ничто.

Это сознание ставит человека на его настоящее место и должно внушить ему уважение ко всему, что его окружает.

1. Завоевание полюсов

Жорители полюсов

задам читателям два вопроса:

Кто достиг первым Северного
полюса и когда? А Южного?

ответчу за них:

Северного полюса —
шведская собака, 6 апреля 1909

Южного полюса тоже
шведская собака, 14 декабря 1911
года. Первая была вожакom упряжки
Пири, вторая — вожакom упряжки
Амундсена.

Это в самом деле так. То была величайшая победа, ибо еще никто раньше не достигал 90° ни северной, ни южной широты.

Если бы собаки обладали даром речи и были склонны к человеческому тщеславию, то потребовали бы, чтобы те, для кого они остались простыми ездовыми собаками, поделились с ними почестями и славой.

Друзья по риску

Собака эскимосской породы — лайка, или маламут, бывшая до недавних пор спутником всех полярных исследователей, остается одной из загадок Арктики. Когда живешь бок о бок с этими великолепными животными, у которых густая шерсть, хвост в виде пышного султана, необычный разрез глаз и уши, часто разодранные в схватках, то отдаешь себе отчет в том, что они принадлежат к странному, неведомому миру. Немногие люди могут похвастаться, что знают его, а тех, кто его понимает, еще меньше.

Край, где они обитают, —

Арктика, долго считалась непригодной для жизни. Тайга — необъятный северный лес с многовековыми деревьями, образующими непролазную чащу, и тундра — безграничная равнина, посещаемая песцами, медведями и тысячными стадами карибу — так называют в Северной Америке дикого северного оленя, занимают треть — целую треть! — всей суши земного шара. Эти пространства окаймлены северными берегами Евразийского и Американского континентов, образующими кольцо, разорванное на востоке Беринговым проливом, а на западе —

Гренландским морем; оно омывается обширным Арктическим морем с Северным полюсом в центре. Это край вечных льдов, всегда находящихся в движении. Это владения тюленей, моржей, белых медведей.

Это мир, неподходящий для людей, по нашим понятиям. Здесь, за исключением берегов Норвегии и юго-западной Гренландии, где чувствуется влияние Гольфстрима, температура воздуха колеблется между несколькими градусами выше нуля и минус 40°. В Сибири и на ледяном куполе Гренландии нередки и 50-градусные морозы. Месяцами

тут царит нескончаемый мрак,
угнетающая, трагическая ночь, когда
солнцем служит лишь звезда Вега.
Льдины шуршат, трескаются,
грохочут; это не Великое Белое
Безмолвие, не Мир Молчания.

Нескончаемые свирепые ветры
следуют один за другим, порождая
пургу — вихрь поднятых в воздух
кристаллов снега и льда, от которого
и животные, и люди в страхе
зарываются в снег.

Это странный, фантастический,
чарующий мир, как бы другая
планета.

И все же в этом «белом аду» живут и люди и звери. Уже тысячи лет они населяют его в полной гармонии со средой, которая кажется нам противоестественной.

Представьте себе, как были изумлены европейцы, отправившиеся на завоевание этих страшных, непреодолимых льдов, когда их экспедиции обнаружили людей, живущих в этих льдах, по-видимому, не бедствуя.

И в наши дни Арктика осталась Арктикой, невзирая на то что истребление тюленей и белых медведей — трагическая

действительность; несмотря на то что эскимосским собакам грозит исчезновение, ибо их все более и более вытесняют аэросани, вертолеты и самолеты.

В течение веков люди, населявшие Арктику, могли охотиться, а следовательно, и жить там лишь благодаря собакам. И только с их помощью исследователи Арктики и Антарктики сумели завоевать и покорить полюсы.

С незапамятных времен ездовые собаки были для людей друзьями по риску.

Северная собака – главная опора полярных экспедиций.

Да, собака первую 6 апреля 1909 года коснулась точки, в которой расположен Северный полюс; собака же первую 14 декабря 1911 года ступила на Южный полюс.

Как Пири, покоритель Северного полюса, так и Амундсен, покоритель Южного, смогли достичь цели лишь потому, что использовали собак. Один из людей, наиболее прославившихся в истории завоевания полюсов, Роберт Фалькон Скотт, не вернулся из путешествия в Антарктику только потому, что

отказался от собак, предпочтя им живую силу людей. [\[2\]](#)

В сущности каждая веха, каждый этап, каждая победа в истории открытия полюсов связана с собаками. Подлинный прогресс в покорении Арктики начался тогда, когда европейцы поняли, что, только следуя образу жизни эскимосов, можно добиться победы, а в жизни эскимосов собаки играют видную роль.

Это было осознано не сразу. Понадобилось больше столетия, чтобы люди Запада уяснили себе: для решения проблем Арктики нужно

использовать эскимосские способы передвижения и технические средства, доведенные за тысячи лет почти до совершенства.

Кажется непонятным, почему полярные исследователи, многие из которых обессмертили свои имена, должны были в течение десятков лет сами заново изобретать с невероятными трудностями, порой приводившими к роковому концу, технические средства, столь же старые, как мир холода.

Английский исследователь Уильям Эдуард Парри (он открыл остров Мелвилла и пролив

Веллингтона через пять лет после Ватерлоо!) положил в 1820 году начало новой стадии полярных исследований — зимним пешим переходам и очутился в лабиринте новых проблем, о которых раньше никто не думал, ибо они не возникали на борту кораблей. Кроме строительства жилья, ночлега, питания, физического и духовного здоровья зимовщиков важным вопросом было передвижение по снегу, льду, припаю, а также по воде.

И вот, даже самые крупные специалисты, самые опытные и умные исследователи не сразу догадались, что с помощью собак эту

проблему можно разрешить целиком и полностью.

В 1822 году, во время плавания «Фьюри» и «Геклы» под командованием Парри, англичане купили у эскимосов две упряжки собак, но пользовались ими лишь для того, чтобы перевозить снаряжение от одного судна к другому.

Капитан Лайон, командир «Геклы», отметил, что его упряжка из девяти собак пробегала 1700 метров за 9 минут с грузом 900 килограммов. Он констатировал также, что собаки могли работать по 7–8 часов в сутки, но не сделал из

ЭТОГО НИКАКИХ ПОЛЕЗНЫХ ВЫВОДОВ.

Сэр Джон Росс, который впервые совершил в Арктике плавание на судне, движимом паром, и доказал этим свою склонность к новой технике, вошел в 1830 году в близкий контакт с эскимосами, но тоже ничего из него не извлек.

Лишь Мак-Клинтон положил начало использованию нарт, когда в 1850 году отправился на поиски сэра Джона Франклина, не подававшего о себе известий в течение более четырех лет.

С помощью каюра и дюжины

собак этот шотландец за пять дней преодолел расстояние, отделявшее его корабль «Резольют» от другого – «Норе Стар». Через двое суток после этого он добрался до третьего судна – «Ассистенс». Всего на переезд длиной 750 километров в оба конца у него ушло 15 дней, в среднем по 50 километров в день, при температуре минус 30°C.

Он выяснил, что для двух собак требуется столько же пищи, сколько для одного человека, но собака может тащить тот же груз, что и человек, на расстояние вчетверо меньшее, чем он. Мак-Клинтон чересчур поспешно сделал из этого

вывод, что при больших переходах собаки уступают людям.

Это не помешало ему использовать их при следующей экспедиции в 1857 году и приподнять благодаря им завесу тайны над судьбой Франклина и его спутников.

Действительно, 25 мая 1859 года собаки Мак-Клинтока внезапно остановились, отказались бежать дальше и начали рыть снег. Они откопали первый труп – это было тело Девё, одного из офицеров Франклина. Невдалеке обнаружили во льду шлюпку и тела еще двоих спутников Франклина. Это

доказывало, что всякая надежда найти кого-либо в живых, была тщетной.

Хотя экспедиция Франклина оказалась неудачной, но вызвала у публики интерес к Арктике. В Англии и США продажа книг о полярных экспедициях увеличилась вдесятеро. Вместе с тем значительные успехи техники (паровые суда, воздухоплавание и т.д.) не смогли поколебать ту непреложную истину, что только собаки и умелое их использование позволят исследователям достичь полюсов.

Безуспешная попытка обратиться к помощи собак имела место в 1875 году: Нэйр и Маркхем взяли на свое судно 55 лаек, но за зиму они разбежались, пораженные «пиблукту» – нечто вроде амока – заболеванием, по-видимому специфичным для этих местностей.

Великий Нансен

Наконец появился Нансен. Огромного роста, голубоглазый, белокурый, он был, по словам Мак-

Клинтока, истинным викингом. Смелый, выносливый, упрямый, Фритьоф Нансен уже при первом своем появлении в арктических краях совершил подвиг, перейдя в 1888 году через купол Гренландии. Этот норвежец стал кумиром молодежи всех стран.

Окрыленный успехом, он совершил второй подвиг – попытку достичь полюса на судне, дрейфующем во льдах.

24 июня 1893 года его судно «Фрам» с командой из 13 человек во главе с Отто Свердрупом пустилось в далекий путь. В Хабаровце,

небольшом селении ненцев, оно взяло на борт 34 отличных сибирских пса, купленные бароном Толем, известным русским исследователем Северной Сибири. Толь подготовил и вторую упряжку, поджидавшую «Фрам» в устье Оленёка.

9 октября температура упала до минус 40°. «Фрам» очутился в ледяных тисках. Дрейф к северу начался, но очень скоро Нансен установил, что этот дрейф не даст ему возможности водрузить на полюсе норвежский флаг.

При температуре минус 49°C он делает несколько пробных поездок

на нартах. Упряжь собак проста: веревочная или парусиновая лямка охватывает туловище и крепится к ошейнику. Постромки, привязанные под животом, проходят между лапами. Что касается пищи, то каждому псу давали ежедневно половину сушеной рыбыны и галеты.

Нансен отмечает, что «четыре собаки могут везти двоих». Уверенный в надежности этого способа передвижения, он решил оставить корабль и двинуться к Северу на лыжах. В спутники он выбрал лейтенанта Фредерика Иогансона. 14 марта 1895 года они отправились напрямик к полюсу, от

которого их отделяло лишь
восемьсот километров; по тому
времени это было рекордом
максимального приближения к
полюсу.

На трех нартах, запряженных
двадцатью семью собаками, они
везли тщательно подобранное
снаряжение. Одни нарты были
снабжены велосипедным колесом,
что позволяло измерять длину
пройденного пути. Общий вес
взятого груза – 663 килограмма.

Нансен знал, что на обратном
пути он может разминуться с
«Фрамом» (радио еще не

существовало). Ему пришлось бы тогда пройти значительное расстояние, чтобы достичь Земли Франца-Иосифа или Шпицбергена.

Двое мужчин подвергли себя тяжелейшему испытанию. «Мы продвигаемся вперед чрезвычайно медленно, — записывает Нансен в путевом журнале. — Начинаю думать, что благоразумнее будет вскоре прекратить наше движение на Север. Льды слишком торосисты, а собаки слишком слабы. Если бы их было больше!»

Нехватка собак и подвижки льдов очень скоро вынудили их

остановиться. 8 апреля Нансен водрузил норвежский флаг на $86^{\circ}13'6''$ северной широты и 96° восточной долготы – меньше чем в 400 километрах от полюса – в самой северной точке, достигнутой людьми в те времена. Температура – минус 38°C .

Нансен первым понял значение собаки в полярных экспедициях не только как транспорта, но и как средства, чтобы выжить в критических обстоятельствах. Действительно, на обратном пути, ужасающе медленном, пища для собак кончилась, и пришлось убивать их одну за другою, чтобы кормить

оставшихся. 6 августа путешественники были вынуждены расстаться с последними двумя псами, Кайфасом и Суггеном. Благодаря им двое мужчин не умерли от голода.

«Если полярные исследователи, — пишет Нансен в отчете о своей экспедиции, — примут решение уподобиться эскимосам и ограничиться лишь самым необходимым, они смогут проезжать значительные расстояния в этих местах, считавшихся до сих пор недоступными для людей».

Пири, адмирал флота США

Именно такова была программа Роберта Элвина Пири, который после двадцати пяти лет неустанных усилий стал первым, чья нога ступила на «крышу мира».

В течение многих лет, проведенных главным образом на севере Гренландии, он предпринимал многократные попытки достичь полюса и жил среди эскимосов, научивших его

своим способам одеваться, охотиться, а в особенности ездить на собаках.

Достигши 52 лет и затеяв в 1908 году свое последнее полярное путешествие, он уже полностью владел этим искусством и разработал глубоко продуманный план, чьи последовательные этапы были связаны друг с другом, как шахматные ходы. Во всем, даже в мелочах, он применял «систему Пири», как он ее назвал, доведенную за двадцать пять лет арктического опыта до совершенства. Эта система состояла в том, чтобы максимально использовать эскимосскую технику в сочетании с европейским образом

мышления.

В качестве авангарда должна была отправиться первая группа, чтобы проложить тропу с помощью ледорубов, если понадобится, и построить промежуточные станции — иглу (укрытия из снега, снежные хижины).

Задачей вспомогательных звеньев были расчистка проходов в торошенных льдах и завоз припасов на промежуточные склады. Благодаря этому люди и собаки штурмовой группы, следовавшей последней, сэкономили силы и сберегали время.

Начиная путешествие, увенчавшее его славой, Пири располагал ста тридцатью тремя собаками, разделенными на шесть групп, двадцатью четыремя людьми и пятнадцатью нартами. Пищевой рацион составлял один фунт пеммикана (мясного концентрата) на собаку в день. Пири решил максимально использовать собак, но сделать это так, чтобы его не могли упрекнуть в отсутствии гуманности (как это сделал Р. Скотт).

Пири, этот величайший искатель приключений во льдах, всегда подчинялся полярному закону, гласящему: «Ездовая собака может

везти груз, примерно равный ее весу, и, как только нарты становятся на такой вес легче, собака делается лишней». Чтобы покорить полюс, Пири должен был следовать этому беспощадному закону. Это цена, какую надо было платить за то, чтобы выжить вместе со спутниками, и за успех его рискованного предприятия.

1 апреля 1909 года – последняя станция: Боб Бартлет остановил свои нарты на $87^{\circ}46'$ северной широты при температуре минус 30° . Закончив устройство последнего склада, он повернул к югу с болью в сердце. До последней минуты он надеялся, что

и ему удастся быть покорителем полюса.

В дальнейший путь вышли лишь Пири, его слуга-негр Мэтью Хэнсон, сопровождавший его все 25 лет, и четыре эскимоса. Они двинулись на приступ полюса с пятью нартами и сорока собаками, лучшими, отобранными в течение путешествия. Съестные припасы были рассчитаны на сорок дней, но их могло хватить и на шестьдесят, если учитывать мясо собак, убиваемых по мере того, как они становились лишними.

Двести сорок восемь километров, отделявших штурмовую

группу от полюса, были пройдены за четверо суток. Водрузив на вершине мира несколько эмблем — американское знамя и флажки ряда клубов, членом которых он состоял, Пири со своими спутниками 7 апреля выехал обратно. Они вернулись на борт корабля 27-го без всяких происшествий. Разумное использование ездовых собак позволило людям впервые одержать нелегкую победу над полярными, стихиями.

Кук, полярный

капитан Дрейфус [\[3\]](#)

Впервые? Так ли? Быть может, 21 апреля 1908 года, за год до Пири, Северный полюс уже был достигнут?

Когда 3 июля 1907 года доктор Фредерик Кук отправился из Нью-Йорка в путешествие на Север, истинная цель этой якобы охотничьей экспедиции держалась в тайне. У Кука был большой полярный опыт, и он прекрасно умел пользоваться собаками. Он участвовал в экспедиции Пири 1892

года, потом в антарктической экспедиции на «Бельжике», которая в 1897–1898 годах впервые зимовала к югу от полярного круга. Репутация, приобретенная Куком во время этой экспедиции, стала еще прочнее после его восхождения на пик Мак-Кинли, высочайшую вершину Американского континента, и помогла ему убедить Джона Р. Брэдли, спортсмена-миллионера, финансировать «охотничью» экспедицию на северо-запад Гренландии.

Брэдли вернулся в США с письмом д-ра Кука, адресованным нью-йоркскому «Клубу исследователей», где сообщалось,

что он намерен покорить Северный полюс.

Своей базой Кук сделал Анноаток, небольшое эскимосское селение к северу от Туле. В течение последовавшей зимы он регулярно тренировался с эскимосами и тщательно готовил поездку к полюсу. 19 февраля 1908 года он пустился в путь с десятью эскимосами, одиннадцатью нартами и ста пятьюдесятью собаками, отобранными из лучших. За зиму Кук подружился с эскимосами и сделался вполне сносным каюром, признанным хозяином своей упряжки, к которой питал такое же

любовное и восторженное чувство, какое питают истинные болельщики к любимым командам. Он писал про своих собак: «Они съедают лишь по фунту пеммикана в день и не нуждаются ни в воде, ни в крове. Работают много, охотно и хорошо, а на ночлегах согревают двуногих товарищей по путешествию теплом своих тел и подставляют им бока, как подушки».

Кук пересек сначала пролив Смита, затем северную часть острова Элсмира до северной оконечности острова Аксель-Хейберг. Там он отослал назад своих спутников-эскимосов, за исключением

четверых. Три днями позже в ста километрах к северу от мыса Столуэрти он расстался еще с двоими. Оставшиеся двое спутников на трех нартах с двадцатью шестью собаками должны были сопровождать его до конца.

21 апреля 1908 года они достигли полюса. По крайней мере он это утверждает, подобно тому как Пири утверждает, что достиг полюса 6 апреля 1909 года.

На обратном пути дрейф льдов заставил его отклониться к западу, и он добрался до берега примерно в двухстах пятидесяти километрах к

юго-западу от мыса Столуэрти. Было уже слишком позднее время года, чтобы повернуть на первоначальную трассу, где находились склады провианта. Поэтому он продолжал двигаться к югу до материка.

Видимо, в течение всей поездки как туда, так и обратно собаки, несмотря на огромные трудности, были в превосходном состоянии. Кук, застрелив первого медведя за несколько дней до того, как вновь ступить на твердую землю (островок у полуострова Гриннелла в июне 1908 года), отмечает, что «при каждой остановке для отдыха запыхавшиеся собаки весело

катались по снегу, зарывали в него носы, чтобы ощутить прохладу. Если им давали время, они начинали устраивать себе удобное ложе и укладывались спать. По сигналу «Подъем!» сразу вскакивали, рычали друг на друга, но построшки не позволяли им драться. Их силы и бодрость изумительно быстро восстановились, а ведь за два дня до этого они бежали с трудом, понурившись, поджав хвосты. Стоило им отведасть свежей медвежатины, как они задрали хвосты трубой».

В начале июля экспедиция оказалась в плену на севере острова

Девон, окруженная со всех сторон водой. Кук был вынужден принять тягостное решение.

«Насколько хватал глаз, простиралась вода. Нарты сделались бесполезными, дичи было мало, припасов почти не оставалось. Наша судьба зависела теперь от плотика, обтянутого брезентом. Что делать с нашими верными собаками? Мы не могли взять их на эту хрупкую посудину. Тем более не могли остаться с ними. Чтобы выжить, нужно было покинуть их. Два пса уже убежали, решив жить со своими сородичами-волками. Мы отпустили на волю и остальных. Одни нарты

мы распилили пополам и погрузили на брезентовый плотик, который брали с собой к полюсу и привезли обратно. Спальные мешки и старую меховую одежду оставили собакам, а все остальное тщательно упаковали, чтобы по возможности не проникала вода, и погрузили на плотик. С тяжелой душой мы тронулись в путь. Собаки визжали, как дети. На расстоянии пяти километров от берега мы еще слышали их вой».

Достигнув в сентябре мыса Спарбо, Кук с двумя спутниками-эскимосами перезимовал там в исключительно тяжелых условиях, используя в качестве укрытия

остатки эскимосской хижины — без собак, без оружия, почти без продуктов.

Весной 1909 года, впрягшись в нарты, они вновь пустились в путь вдоль берега острова Элсмира, пересекли пролив Смита и, испытывая невероятные муки от голода и холода, прибыли в Анноаток после четырнадцатимесячного отсутствия.

Пири, сообщивший 6 сентября 1909 года о своей победе над полюсом, через несколько дней после этого узнал, что Кук опередил его на год. И он с неопишуемой

яростью напал на Кука, используя все средства для его дискредитации.

Спор продолжается и в наши дни. Дело Кука можно назвать делом полярного Дрейфуса.

Несколько виртуозов

Двумя годами позже, когда Руал Амундсен достиг Южного полюса с помощью пятидесяти двух гренландских собак, никаких споров не возникло.

Амундсен, как и Пири, создал систему промежуточных складов. И хотя ему, казалось без особого труда, удалось водрузить на Южном полюсе норвежский флаг, однако следует учесть, что это был результат виртуозного использования собачьих упряжек в крайне сложных метеорологических условиях, да еще и на пересеченной местности.

Норвежец тщательно изучил отчеты предыдущих экспедиций – и первой из возглавлявшихся Скоттом, и экспедиций Пири, а также той, что была организована замечательным полярным исследователем, англичанином Эрнестом

Шеклтоном. Амундсен извлек из отчетов много полезного и, используя свой немалый арктический опыт, чрезвычайно тщательно подготовил путешествие на Крайний Юг.

В течение всей зимы, предшествовавшей отъезду, Амундсен с четырьмя своими товарищами по штурмовой группе тренировался на севере Норвегии, каждый с той упряжкой, которой должен был править во время решающего пробега. Поэтому собаки и люди прекрасно понимали друг друга и чуть ли не говорили на одном языке.

Упряжь Амундсен выбрал аляскинского типа и остановился на таком способе упряжки, который обеспечивал, по его мнению, большую тягу и в то же время меньший риск при встрече с трещиной, – собаки в этом случае оказались бы над нею одна за другой, а не все сразу.

Группа, отправленная им на юг для устройства первых складов, побила рекорд по скорости езды на собаках. Она достигла 80° южной широты на барьере Росса, в 150 километрах от базы, и преодолела расстояние туда и обратно за четверо суток, т.е. со средней скоростью

почти 80 километров в день при весьма неважных климатических условиях.

Они вышли в путь 19 октября 1911 года, а 14 декабря Южный полюс был покорен, Амундсен пробыл на нем трое суток, чтобы провести научные наблюдения, в частности определить свое местоположение. Во избежание сомнений в том, что он побывал на полюсе, Амундсен объехал на нартах вдоль и поперек квадрат со стороной в пять километров. Что это было? Профессиональная добросовестность? Опасение, что его победу будут оспаривать? Или

ребяческая выходка?

Он двинулся назад 17 октября, оставив на полюсе палатку с шестом высотой четыре метра с норвежским флагом. Внутри на видном месте лежал конверт, адресованный Роберту Ф. Скотту. Письмо начиналось так: «Дорогой капитан Скотт! Вы, вероятно, первым прочтете эти строки...»

Через месяц Скотт нашел это письмо...

Скотт отправился в путь со своими товарищами 1 ноября 1911 года, через двенадцать дней после

Амундсена. «Никакая поездка на собаках, — писал он, — хотя уже шестьдесят лет, как нарты и собачьи упряжки стали классическим способом передвижения в полярных экспедициях, — не может дать того изумительного чувства, какое испытывают люди, когда они одни, собственными силами, преодолевают трудности, страдания и опасности».

Чувство изумительное, но, по-моему, оно было лишь отговоркой, точно так же как и отказ Скотта использовать собак по той причине, что, как он неоднократно писал, пришлось бы, согласно арифметическим подсчетам,

приносить их в жертву, по мере того как они становились лишними, поскольку нарты ежедневно делались легче за счет пищи, съедаемой людьми (1 килограмм на каждого) и собаками (500 граммов на каждую). Странная позиция, если учесть, что в плане подготовки экспедиции Скотт не колебался предусмотреть (и осуществил) использование исландских пони на первых сотнях километров пути в качестве тягловой силы и их последующий убой (в пищу), когда они станут бесполезными. Не вижу, чем отношение к собакам должно отличаться от отношения к лошадям,

когда речь идет о том, чтобы приносить их в жертву с заранее обдуманном намерением, из соображений необходимости (хотя таковые и не представляются очевидными старым английским дамам — членам бесчисленных «клубов друзей собак»).

Я сказал, что это было отговоркой. На деле Скотт, по всему вероятно, никогда не брался за серьезное изучение возможностей собак и еще меньше — за тренировочные поездки с ними. Он не верил в них, видя, что их использование на самой базе давало (это вполне естественно) лишь

ограниченные результаты.

Это неверие в собак, иначе говоря – презрение к ним, дорого обошлось Скотту: в то самое время, как он со своими товарищами умирал на обратном пути от истощения, Амундсен и его спутники возвращались с полюса, достигнутого ими на месяц ранее Скотта, с сигарами в зубах, отрезая толстые ломти ветчины и восседая на нартах, которые собаки везли галопом...

Технические средства, примененные Скоттом в 1911 году, по существу не отличались от тех, с

помощью которых Парри в июне 1820 года пересек остров Мелвилла с одиннадцатью спутниками, тянувшими сани с грузом в 400 килограммов. Скотт научно рассчитал рационы, придумал шипы для обуви, улучшил лямки, имел в своем распоряжении усовершенствованные сани, но принцип остался прежним – тяга силами людей.

Выступившая в путь к полюсу экспедиция первоначально состояла из пяти групп по четыре человека (из них четыре группы – вспомогательные), девятнадцати пони, двух тракторов и четырех нарт

с тридцатью собаками. 5 ноября тракторы вышли из строя. К 9 ноября издохла большая часть пони. Наконец, к 11 декабря у подножия величественных гор трансантарктической цепи, после того как было пройдено 700 километров, оставшихся пони пристрелили, а две упряжки повернули назад.

4 января 1912 года Скотт отсылает последнюю вспомогательную группу. С четырьмя спутниками он берет курс на Южный полюс. 16 января они видят палатку Амундсена — победа у них была похищена.

Лишь через семь месяцев, 11 ноября 1912 года, спасательный отряд нашел наполовину засыпанную снегом палатку в 17 километрах от склада, устроенного на обратном пути, и всего в 90 километрах от базы.

За роковую ошибку – нежелание использовать собак в качестве опоры экспедиции Скотт поплатился неудачей, жизнью своей и своих товарищей.

После этих великих завоеваний наступила (особенно на Севере) эра таких виртуозов эскимосской техники, как Кнуд Расмуссен и

Вильяльмур Стефансон.

Оба умели строить иглу, изготавливать одежду из оленьих шкур, обтягивать нарты брезентом, чтобы превращать их в плоты и переплывать через реки и полыньи; оба умели дрессировать собак и править ими, лечить обморожения, охотиться, ловить рыбу и готовить пищу. С ними период завоеваний заканчивается, хотя и продолжаются крупные исследования.

Начиная с 1912 года в экспедициях принимает участие современная техника. В полярные края направляются гидропланы,

дирижабли, воздушные шары, самолеты, ледокол и, наконец, атомные подводные лодки. 12 августа 1958 года атомная подлодка «Скат» взломала ледяной купол Северного полюса на 90° северной широты. Забыл упомянуть о мотосанях, которые сотнями тысяч (в 1973 году их было в ходу свыше миллиона) назойливо тарахтят везде, отравляют воздух Арктики и послужили причиной гибели большего количества эскимосов, чем когда-то подвижка льдов, пурга, штормы и даже голод... Эти машины так грохочут, что распугивают дичь, и охота там, где их используют, почти

невозможна. Они ломают тонкий или подтаявший лед и нередко тонут со своими водителями там, где нарты прошли бы. Рассчитывая на их большую скорость, эскимосы пускаются в дорогу обычно без припасов, палатки, запасных частей, и если случится авария (а это бывает часто, не реже, чем падение с этих саней), то их ждет смерть от голода и холода.

По сравнению с этими чудищами техники собаки кажутся слабыми и старомодными. Тем не менее благодаря им одни люди смогли выжить в Арктике, а другие — исследовать полярные области.

Ныне закон Великого Севера, вынуждавший жертвовать собаками ради людей, почти отжил свой век.

Собаки сделались вспомогательным средством передвижения: эскимосы, миссионеры, трапперы, торговцы, арктические полицейские пользуются ими повседневно. Армии США и Канады применяют их иногда при спасательных операциях или для выполнения отдельных поручений. В сухопутных американских войсках они служат для снабжения и санитарного обеспечения в местностях, недоступных для мотосаней и

вертолетов.

Как это ни парадоксально, но исчезновение традиционного эскимосского быта не привело к полному исчезновению собак.

Последние, самые «упрямые» эскимосы вынуждены уходить на охоту все дальше и дальше. Значит, им нужно теперь держать больше собак, чем раньше; охотник, имевший когда-то четыре-пять псов, должен ныне обзавестись дюжиной их.

И наконец, гонки на нартах, запряженных собаками, становятся все более и более частыми, все более

и более популярными. Самые известные из них – Большая гонка через всю Аляску (около 700 км), а с недавних пор – гонка Итидарод–Трейл (около 1800 км).

Таким образом, эскимосской собаке, быть может, все-таки удастся выжить в родных краях, а не только фигурировать на выставках наряду с комнатными собачонками...

Слова Амундсена

Никто лучше норвежца Руала Амундсена не продемонстрировал, какую колоссальную роль играет хорошо управляемая собачья упряжка в полярном путешествии.

Самое удивительное при этом – видимая легкость, с которой этот исследователь первым в мире достиг Южного полюса.

К тому времени он успел уже получить ряд премий за полярные исследования, за его плечами был огромный опыт, приобретенный в Арктике. Но сравнение со Скоттом, его неудачливым соперником, и с Пири, покорителем Северного

полюса, невольно заставляет задуматься.

Скотт, как известно, хотел достичь Южного полюса, таща нарты сам, но на обратном пути он умер. А ведь избранный им маршрут был известен, нанесен на карту. Его разработал за четыре года до того Эрнест Шеклтон, который, правда, повернул назад, не дойдя нескольких сот километров до полюса. Но от оставшихся километров нельзя было ожидать ничего нового. Иными словами, Скотт с самого начала совершенно точно знал, куда направляется и чего можно ждать в пути.

Пири к своей последней поездке, приведшей к покорению Северного полюса, готовился в течение двадцати пяти лет, проведенных в полярных экспедициях. Четверть века он был одержим одной мыслью — достичь полюса. Четверть века, в течение которых все его действия были направлены к этой цели, он оттачивал свой метод, готовил себя. Пири отделался от своей навязчивой идеи 6 апреля 1909 года, в тот день, когда, ступив на Северный полюс, завоевал «последний в мире великий географический трофей», как он выразился.

Удивительное

утверждение, ведь еще оставалось покорить Южный полюс!

Появился Амундсен. Он, конечно, тщательно подготовился и все предвидел, даже там, где ничего нельзя было предвидеть, ибо ничего не было исследовано. Он направляется прямо на юг, устраивает базу там, где его корабль («Фрам», нанятый у Нансена) был остановлен барьером Росса. И когда наступил его час, он устремляется дальше на юг с собаками и нартами, следуя по совершенно неизвестному маршруту, не имея ни малейшего понятия, что ему встретится. Перед ним, как и перед Скоттом, встала

огромная горная цепь, рассекающая Антарктику. Без колебаний, несмотря на неблагоприятную погоду, он по леднику, который оказался прямо перед ним (Амундсен назвал его ледником Акселя Хейберга), поднимается на плоскогорье, где находится полюс.

Известие о покорении Северного полюса дошло до Амундсена в сентябре 1909 года, когда он собирался предпринять свое третье плавание на «Фраме» для исследования Арктического бассейна.

Такова была, по крайней мере

официально, цель экспедиции. Но Амундсен уже тогда вознамерился стать первым покорителем Южного полюса. «Как только я узнал о победе Пири, — пишет он в своих воспоминаниях, — то понял, что теперь у меня лишь один выход — повернуть на юг».

Но, как человек опытный, Амундсен остерегся предать гласности свои новые планы. Ему было известно, что другой человек задумал то же самое: капитан Скотт, один из известнейших английских полярных исследователей того времени. Амундсен опасался также, как бы внезапное изменение плана

не снизило интереса публики к его замыслу.

Поэтому Амундсен решил сохранить все в секрете и продолжал готовить свой корабль так, как если бы предстояло плавание на север. Но в то же время он тщательно разработал план путешествия на юг и составил его столь подробно, что на листке бумаги в своем доме на берегу Бюндетфьорда, возле Осло, записал: «Возвращение из успешной экспедиции на Южный полюс – 12 января 1912 года». Он вернулся 17-го!

Разумеется, Амундсен проявил особенно большую заботу о пище для

людей, равно как и о корме для собак. Он потребовал, чтобы и то и другое было наивысшего качества; понимая, что успех задуманного во многом зависит от собак, он заказал специально для них пеммикан двух сортов: один из рыбы, другой из мяса. Этот концентрат кроме рыбной или мясной муки содержал жир, молочный порошок и равные другие ингредиенты. Пеммикан был изготовлен в виде брикетов весом около полутора фунтов каждый, которые можно было сразу есть. Кроме того, на борт «Фрама» было погружено много сушеной рыбы для потребления во время плавания,

рассчитанного на несколько месяцев. Эта рыба и жиры, даваемые в достаточном количестве, позволили полностью сохранить здоровье собак.

Перед Амундсеном с самого начала встала проблема: как найти очень хороших собак?

Из своего полярного опыта он знал, что от собак зависела и его собственная жизнь, и жизнь товарищей по поездке и что среди собак, как и среди людей, есть и хорошие и плохие.

Поэтому он съездил в

Копенгаген, где его принял директор Королевской Гренландской коммерческой компании, который предоставил в его распоряжение Даугаард Иенсена, инспектора по Гренландии, – того самого, который двадцатью пятью годами позже, став в свою очередь директором, помог мне в 1934 году подготовить мою первую экспедицию.

Этот инспектор взялся купить сотню лучших собак, каких он найдет на всей территории Гренландии, и обязался доставить их в Норвегию к июлю 1910 года.

Отношение к собакам и было

существенной разницей между позицией Амундсена и позицией капитана Скотта.

Оба они обладали большим полярным опытом, но расходились во взглядах на технику передвижения во льдах.

Собаки и пони

Скотт считал, что на гладком плато барьера Росса пони покажут себя лучше, чем собаки. Он уже знал

эти места по исследовательской поездке, совершенной им в 1902 году с лейтенантом Эрнестом Шеклтоном.

Амундсен пришел к противоположному заключению. «Я считал, наоборот, — пишет он, — что барьер Росса — идеальная местность для применения ездовых собак и арктических методов. Если майор Пири смог установить в Арктике свой замечательный рекорд с помощью собак, то другой человек, имея те же возможности, в состоянии побить этот рекорд на сверкающей поверхности барьера».

Англичане, по-видимому, сильно недооценивали пользу собак при полярных исследованиях. Но, говоря по чести, они с тех пор значительно искупили (если можно так сказать) свои ошибки и стали мастерами этого дела. Все крупные британские экспедиции, вплоть до самых недавних, блестяще использовали технику передвижения на нартах, запряженных собаками. Назовем лишь главные экспедиции: Джина Уоткинса в Гренландию в 1930 г.; Мартина Линдсея в 1934 г.; Ратмилла на Антарктический полуостров в 1935 г.; Вивиана Фукса – пересечение Антарктиды через Южный полюс в

1958 г.; Уолли Герберта – пересечение Ледовитого океана через Северный полюс в 1968 г.

Логика была на стороне Амундсена, так же как и тысячелетний опыт эскимосов: нарты с собаками проходят там, где пони наверняка не пройдут. [\[4\]](#) Если собака провалится под лед, упряжь удержит ее; когда же это происходит с пони, он, падая, увлекает за собой нарты. Пони питаются лишь фуражом, тяжелым и громоздким, следовательно, неудобным для транспортировки. Наконец, пони не приспособлены к крайне низким температурам полярных областей и

не в состоянии самостоятельно противостоять пурге. Совершенно иначе обстоит дело с ездовыми собаками, для которых Север — естественная среда; они питаются во время длительных поездок по пустынной местности пеммиканом, взятым экспедицией, и мясом собак, постепенно убиваемых по мере того, как они становятся лишними, — отличным мясом, если к нему привыкнуть.

«Надо признаться, — пишет Амундсен, — что нам приходилось есть собачатину; на вкус она превосходна и напоминает говядину.

[\[5\]](#) Псы не отказывались от своей

доли, и от убитой собаки оставались в конце концов только зубы, да и то не всегда!»

Амундсен решил использовать собачью тягу в течение всей экспедиции. Поэтому ему нужно было доставить своих собак на плоскогорье в наилучшей возможной форме.

Амундсен и его псы

Амундсен был сильно озабочен тем, что его четвероногим спутникам предстояло совершить длительное путешествие на корабле. Он соорудил для них навес, чтобы предохранить от жары, ибо значительная часть плавания должна была пройти под палящими лучами солнца.

«Больше всего меня забавляло то, — пишет он, — что говорили, будто с собаками на борту «Фрама» обращались «жестоко». Было бы очень глупо с нашей стороны плохо обращаться с животными, которые должны были принести нам такую пользу и работать совместно с нами».

Чтобы развлекать их в течение плавания, Амундсен повесил поблизости клетку с канарейкой, [6] названной Фритьоф (имя Нансена). Эта канарейка совершила вслед за тем еще два путешествия, чем, несомненно, установила рекорд для канареек.

Все экспедиции обычно берут с собой различных животных и птиц — сорок, баранов, кошек и, кажется, даже крыс, научная польза от которых сомнительна. Они лишь скрашивают длинные ночи зимовок.

24 июля 1910 года «Фрам» прибыл в Кристиансанн, чтобы

забрать на борт собак, которых доставили туда в середине июля на датском полярном корабле «Ханс Эгедэ». Погода во время плавания через Северную Атлантику была плохая, и собаки порядком измотались. Но за несколько дней отдыха благодаря заботам Хасселя и Линдстрёма они полностью восстановили свои силы, и, сойдя с «Фрама», Амундсен увидел 97 великолепных собак.

Их поместили на островке поблизости от города. Обычно тихий и спокойный, островок никогда не видел такого нашествия.

В течение всего дня и даже по ночам воздух оглашался звуками нескончаемого классического концерта, исполняемого голосами псов.

«Одной из самых досадных привычек эскимосских собак, — пишет Амундсен, — унаследованной ими с незапамятных времен, является привычка по любому поводу задавать целые концерты воя».

Эти концерты начинаются всегда странно, без всякой подготовки. Все собаки спокойны и как будто снят. Вдруг одна из них испускает долгий, жалобный вой. Тотчас же, подхватив

его, все остальные, одна за другой, принимают участие в хоре. Это продолжается несколько минут и на высоких, и на низких тонах; звучит то крещендо, то после пауз фортиссимо. Затем все смолкают так же внезапно, как начали; мгновенно воцаряется тишина, словно дирижер невидимого оркестра взмахнул палочкой...

Конечно, эти концерты изумляли многочисленных любопытных, посещавших островок специально, чтобы поглядеть на «собак Руала».

Амундсен уже тогда был знаменит, и все норвежцы

относились к большой экспедиции, готовящейся исследовать арктические моря, как к своему личному делу.

Собак перевезли на «Фрам» группами по двадцать голов, разместили и привязали в их «квартирах». Как только последний пес был взят на борт, корабль поднял якорь.

Важно было выяснить, страдают ли собаки от морской болезни. Но они устояли против нее и привыкли к новой жизни. О них заботились в первую очередь, и притом непрерывно. Каждому члену

экспедиции было поручено десять собак; он отвечал за все, что к ним относилось. Сам Амундсен взял на себя заботу о четырнадцати псах, помещавшихся на палубе. Но поскольку собаки целый день сидели на цепи, то никакой уход не мог возместить отсутствие моциона, настоятельно необходимого, чтобы они могли хорошо себя чувствовать. Однако Амундсен, решил предоставить им свободу позже, когда они привыкнут и к своим хозяевам, и к ритму движения судна.

Завоевать их преданность было сравнительно легко; приучить к дисциплине оказалось гораздо

труднее. На борту «Фрама» находилась целая сотня псов, и у каждого свой характер, свои личные особенности. Ни один не был похож на другого, и всякий выказывал свою привязанность к хозяину по-своему.

«Ибо, — пишет Амундсен, — трудно найти животное, в большей степени умеющее выражать свои чувства, чем собака. Радость, грусть, благодарность и даже угрызения совести — все можно прочесть в ее глазах. Мы, люди, напрасно думаем, что только нам одним присуща способность выражать свои чувства. Может быть, это правда. Но загляните в собачьи глаза! Вы

увидите в них то же, что и в человеческих. В сущности у собак определенно есть то, что мы называем душой».

Плавание продолжалось нормально, экватор пересекли без инцидентов.

Немало труда требовала уборка: сотня собак на привязи оставляет заметные следы своего отменного здоровья. Никогда еще уборка палубы не была такой нудной работой.

Из девяноста семи собак, выехавших из Норвегии на «Фраме», было около дюжины самок; это с

самого отплытия позволяло думать, что собачье поголовье в пути может увеличиться. И действительно, через три недели после снятия с якоря оценилась одна, за нею — другая. Понадобилось найти уголок для новорожденных, что оказалось нелегко, так как все свободные местечки на «Фраме» были уже заняты. Кое-кто из команды взял в свою каюту по мамаше с потомством.

После полуторамесячного плавания Амундсен решил, что собаки достаточно привыкли и успокоились и можно их отвязать. С этого времени они свободно бегали

по палубе, и, если не считать нескольких вполне естественных падений и быстро пресекаемых стычек, плавание продолжалось без особых событий. Единственное, чего псы не переносили, – это дождя. Как только начинался ливень, они отказывались ложиться и простаивали неподвижно целыми часами.

Лишь один несчастный случай имел место: южнее мыса Доброй Надежды во время бури две собаки упали за борт и погибли.

14 января 1911 года, после почти шести месяцев плавания, «Фрам»

вошел в антарктические воды. Число собак с девяноста семи увеличилось за это время до ста шестнадцати.

Южный полюс

Первой заботой Амундсена после организации базы в Китовой бухте, названной им Фрамхейм, было дать собакам возможность тренироваться, чтобы они вошли в форму, необходимую для похода на юг.

И вот первая пробежка на нартах с восемью собаками... Щелкает бич – сигнал к отъезду. Первой реакцией псов было глубокое удивление. Проведя полгода на палубе, где они только и знали что спать, есть и играть, эти умные животные не представляли себе, что в будущем их жизнь может сложиться иначе. Поэтому через несколько метров они решили, что самое уместное – спокойно сесть. Пришлось пустить в ход и голос и бич. Но как только они вспомнили, что от них требуется, то сразу же показали, на что способны восемь ездовых собак в хорошей форме. Амундсен остался доволен.

Очень скоро псы, вернувшись в естественную для них среду – льды и холод, привыкли к новому образу жизни. И когда через три недели после приезда, 9 февраля 1911 года, состоялась первая поездка для устройства складов, которые должны были на 80, 81 и 82-м градусах южной широты стать вехами на пути к полюсу, собаки в полной мере показали, чего они стоят.

«Я всегда был высокого мнения о собаках как источнике тяговой силы, – пишет Амундсен, – но, когда увидел их в деле во время той поездки, мое восхищение великолепными животными дошло

до энтузиазма!»

Действительно, они пробегали по сто километров в день, причем на каждую приходилось около девяноста килограммов груза!

Во время одной из поездок для устройства складов произошел несчастный случай: три собаки из упряжки Хельмера Ханссена провалились в трещину. Остальные сделались осторожнее и осмотрительнее, что в конечном счете как-то компенсировало неудачу.

Мороз и ветер были сильные.

Однажды утром, перед тем как пуститься в дорогу, одна из собак, по кличке Тор, оказалась не в состоянии подняться: у нее не было сил. Амундсен решил, что она поддыхает и лучше не продлевать ее страданий. В тот же день еще одна собака, Люрвен, упала бездыханной; вероятно, произошел разрыв сердца. Амундсен очень огорчился: это был храбрый и верный пес. Останки достались оставшимся собакам. А во время одной из поездок погибло восемь собак. Но других особенных событий за зиму не произошло, и Амундсен назначил отъезд на полюс на 19 октября 1911 года.

В этот день он выехал с базы Фрамхейм с четырьмя товарищами на четырех нартах, запряженных пятьюдесятью двумя собаками, т.е. по тринадцать на каждые. До 83° южной широты уже раньше было устроено три склада. Далее путешественникам надлежало на каждом градусе широты организовать по складу с запасом пищи, достаточным, чтобы люди и собаки на обратном пути могли спокойно покрыть расстояние до соседнего склада. Около каждого предусматривалось двое суток отдыха.

Благодаря тому, что на 80, 81 и

82-м градусах южной широты склады уже имелись, груз нарт был относительно невелик (три по 500 килограммов и головная — 450 килограммов).

Километрах в двенадцати от базы два пса умудрились удрать. Одного из них, Нептуна, так и не нашли. Другой, Ротта, прибежал назад во Фрамхейм.

К концу четвертого этапа было пройдено 150 километров. Все собаки отлично себя чувствовали, за исключением Урануса; от него остались лишь кожа да кости. Что касается Яалы, для которой вот-вот

наступал срок ощениться, то она «вкалывала» всем на удивление, как будто не была на сносях.

На третьем складе (82° южной широты) трех собак пришлось принести в жертву, в том числе, увы, и Яалу, еще до того, как родились ее восемь щенят, сохранить которых во время столь важной поездки не было никакой возможности.

На всем пути от Фрамхейма до полюса и обратно благодаря устроенным на каждом градусе широты складам пеммикана (а кое-где и свежего мяса убитых собак) рационы как людей, так и псов были

более чем достаточны. Склады столь обильно снабжали путешественников едой, что мимо некоторых из них Амундсен со спутниками на обратном пути проехали не останавливаясь!

Двести первых километров, от Фрамхейма до 80° южной широты, собаки бежали рысью, а люди сидели на нартах. Затем, до 82-го градуса, люди шли рядом с нартами; на этом этапе средняя скорость передвижения была около двадцати семи километров в день. За 82-м градусом она возросла в среднем до тридцати семи километров.

Когда они достигли подножия трансантарктической горной цепи с ледником Акселя Хейберга, до тех пор неизвестным, им оставалось сделать еще около тысячи ста километров, чтобы достигнуть полюса и вернуться на базу. Здесь устроили, как было предвидено, склад № 6 и оставили на нем все, без чего можно было обойтись при рывке на полюс, на который Амундсен отвел шестьдесят дней.

Когда экспедиция вышла по леднику на плоскогорье высотой около трех тысяч метров, восхождение закончилось и значительная часть собак оказалась

лишней. Здесь 21 ноября на 82°36' южной широты был создан склад собачьего мяса.

«Нам пришлось пожертвовать двадцатью четырьмя из наших храбрых и верных спутников. Это было очень тяжело... Но сделать это было необходимо», — пишет Амундсен.

Раздались двадцать четыре выстрела...

«Я решил выстрелить первым, — продолжает он. — Я — человек не особенно чувствительный, но признаюсь, что сделал это скрепя

сердце».

Каждый должен был сам убить собак из своей упряжки; легко представить себе, какое чувство он при этом испытывал. Нужно было также разрубить трупы, пока они не замерзли, и немедленно раздать по несколько кусков восемнадцати собакам, которым предстояло везти нарты дальше. Остальное мясо приберегли, чтобы использовать на обратном пути.

Отсюда экспедиция отправилась к полюсу на трех нартах, запряженных каждая шестью собаками, по пути устроив еще два

промежуточных склада. Полюс был достигнут 14 декабря 1911 года, средняя скорость езды по плоскогорью составляла тридцать два километра в день.

Церемонию, сопровождаемую тостом, омрачил печальный инцидент: Ханссену пришлось застрелить своего любимого пса, который был совсем плох.

Двумя днями раньше одна из собак Вистинга, по кличке Майор, пропала без вести: воспользовавшись остановкой на отдых, она, собрав последние силы, стремглав куда-то удрала.

Отправляясь с полюса в обратный путь, группа оставила там палатку и одни нарты. Возвращались на двух нартах, запряженных восемью собаками каждые.

19 декабря пришлось убить заболевшего Лассе, любимца Амундсена. На другой день настал черед Пера, пса бесподобного по мужеству и верности, но изнуренного вконец. Накануне был пристрелен Ноэль, а за ним — Свартфлексен, у которого, как пишет, Амундсен, «был ужасный характер; будь он человеком, наверное, кончил бы жизнь на эшафоте». Последним был принесен в жертву Фритьоф из

упряжки Бьоланда. Бедная собака, видимо, так мучилась, что ее застрелили из жалости.

4 января путешественники нашли в полной сохранности склад собачьего мяса, благодаря которому люди и оставшиеся псы смогли вернуться на базу Фрамхейм в прекрасном физическом состоянии.

Длительность переходов на обратном пути не превышала пяти-шести часов в день, за исключением спуска по леднику Хейберга. Кроме того, чтобы сберечь силы собак, через каждые тридцать километров давался дополнительный

шестичасовой отдых. При таком режиме делали по пятьдесят пять километров в один день и двадцать семь на следующий, что в среднем составляет немного более сорока километров в день на последних семистах сорока километрах.

Состояние собак в течение всего пути, за несколькими исключениями, было превосходным, а когда по приезде их взвесили, оказалось, что они даже прибавили в весе!

17 января 1912 года все пятеро прибыли во Фрамхейм на двух нартах с одиннадцатью собаками, проделав за девяносто девять дней две тысячи

девятьсот восемьдесят километров, со средней скоростью немного более двадцати девяти километров в день.

2. Арктические собаки

Эскимосская собака

то такое эскимосская собака с
зрения породы? Во Франции
м до недавних пор знали очень
Ездовых собак использовали в
во время войны 1914–1918
затем они почти исчезли, пока
7 году я не привез в Париж
го пса моей лучшей упряжки.

го звали Палази; так его
тила семья эскимосов, в
й я жил. Эта кличка,
означающая «пастор», была дана за
белый воротничок, окаймлявший его
шею и топорщившийся в минуты
гнева или страха перед возможным

врагом. «Так топорщится воротничок у пастора, — говорили они, — когда он поднимается на кафедру в плохом настроении».

Палази быстро привык к парижскому лету. Кстати, надо отметить, что полярные животные, отлично защищенные от холода, так же хорошо противостоят жаре и неплохо ее переносят, между тем как тропические животные от морозов обязательно гибнут.

Палази восхищал всех жителей квартала, и особенно мясника, у которого я ежедневно покупал по целому килограмму голяя.

Друзья посоветовали мне повести Палази на собачью выставку. Я сделал это, уверенный, что такой великолепный пес наверняка получит первый приз или оценку «вне конкурса».

Трижды он прошел, как в цирке, по кругу, который был образован веревками, натянутыми между столбиками. По одну сторону круга сидели судьи-эксперты, важные, как генералы, а по другую – зрители. На верхушках мачт реяли французские флаги; отовсюду свешивались разноцветные вымпелы, как 14 июля или в день праздника «Юманите».

С первого же тура я пожалел, что затесался в такую избранную, чопорную компанию. Конкуренты моего пса, на поводках, повиновались малейшей интонации в голосе своих владельцев и признавали ответственность, лежавшую на их широких или же хрупких плечах. А Палази, привыкший тянуть нарты, знал лишь приказания, связанные с этой работой: трогал с места при крике «кра!» и останавливался как вкопанный, едва я свистну. До всего остального — всех этих «к ноге!», «куш!» — ему не было ровно никакого дела, зато он живо интересовался полом соперников. В результате, как

мне стало очевидно, позорный провал. Эх, недотепа!

Когда стали объявлять итоги конкурса, я очень удивился, услышав, что Палази присужден второй приз. Однако мое удивление перешло в негодование, когда я увидел шавку, получившую первый приз, и ее счастливую хозяйку. Это была крохотная, противная и пресмешная собачонка, у которой не разберешь, где морда, а где хвост, ибо шерсть спереди и сзади одинаково длинна. Ее владелица, дебелая дама с пышным бюстом, дрожавшим как студень, и накрашенная, как особа легкого поведения на некоторых

аллеях Булонского леса, держала свою любимицу на вытянутой руке. Но лицо ее выражало такую нежность, такую радость и такое торжество, что моя ревность мигом испарилась, уступив место симпатии.

Председатель извинился за то, что первый приз не присудили моему Палази ибо члены жюри, находясь в плену у существующих критериев, не могли оценить все достоинства этого великолепного пса, который не укладывался в рамки официальной науки о собаках.

Это было в 1938 году.

Когда заглядываешь в классификацию пород, принятую в солидных собачьих клубах, то удивляешься тому, что арктические собаки там значатся под странным наименованием «тягловые». Я предпочитаю другой, тоже употребительный термин — «северная» или даже «арктическая», ибо это понятие включает и таких отличных собак, как элькхунды, явно родственные лайкам, но отнюдь не ездовые. Кроме того, все северные «тягловые» собаки если зимой и возят нарты, то летом становятся вьючными или бродячими...

Можно понять замешательство

классификаторов: в самом деле нелегко установить происхождение лаек и разбить их на категории. К тому же классифицировать всех собак вообще всегда было затруднительно. Считается, что пятьсот миллионов собак, обитающих ныне на земном шаре, принадлежат почти к двумстам породам, не считая полукровок, естественно не могущих войти ни в какую классификацию, хотя собаки смешанного типа всегда умнее, интереснее и менее дегенерированы, чем породистые.

Первую классификацию предложил Бюффон; она

основывалась на форме и характере ушей: торчком, полуторчком, дряблые, висячие и т.д. Другие вслед за ним предложили различать собак по форме черепа или туловища. В наши дни принято делить их на следующие группы: овчарки, сторожевые, комнатные, терьеры, гончие, легавые и т.д. Такая систематизация не может удовлетворить всех.

Эскимосские собаки отличаются одними и теми же признаками, несмотря на то что довольно частое скрещивание с другими породами приводит к уменьшению этой схожести. Все северные собаки, будь

это лайки, маламуты или элькхунды, находятся в родстве между собою.

«Когда человек расширил свои владения до полярного круга, — пишет известный австрийский зоопсихолог Конрад Лоренц, чьи труды, пользующиеся мировой известностью, были в 1973 г. увенчаны Нобелевской премией, — и впервые столкнулся с полярным волком, его уже сопровождали одомашненные шакалы. От постоянного скрещивания их с животными волчьей породы и произошли эскимосские собаки, сибирские лайки, чау-чау и другие — все уроженцы Великого Севера».

Я согласен с Конрадом Лоренцем, когда он приписывает волчьей крови особенный характер и особенное поведение северных собак. Но мне кажется, что его теория процесса скрещивания спорна. Не думаю, что шакалы, одомашненные человеком, вошли в контакт с полярными волками, лишь «когда человек расширил свои владения до полярного круга». Думаю, наоборот, что человек, прирученный шакал и волк вместе переселялись на Север и что скрещивание прирученного шакала с волком произошло в течение этой длительной миграции и

продолжалось в дальнейшем почти до наших дней.

Около двадцати тысяч лет назад, в конце последнего ледникового периода, ледяная шапка покрывала добрую половину северного полушария. Например, во Франции она простиралась до Лиона [\[7\]](#) . На ее окраинах прозябали растения, дававшие пищу кое-каким животным, на которых охотились люди. Люди и звери уже жили в ту эпоху в условиях полярного климата. Когда началось потепление и ледяной покров отступил, растения двинулись к северу вслед за меняющимся климатом, животные последовали за

растениями, которыми питались, а люди — за животными, на которых охотились. Именно в течение этой миграции, а может быть, еще до того, как она началась, одомашненные шакалы (приручить их было легко) и волки, вероятно уже полярные (одомашнить их невозможно, а приручить очень трудно), принадлежавшие к одному и тому же виду, стали скрещиваться — или произвольно, или преднамеренно — людьми. Миграция, начавшаяся, быть может, в Европе, привела эти биологические типы в Азию, затем через Берингов мост, или Берингию, в Северную Америку. Берингова

пролива тогда еще не существовало, или он замерзал. Племена в сопровождении своих собак обосновались на берегу Ледовитого океана, чтобы охотиться и ловить рыбу.

В течение тысячелетий небольшие группы людей и собак жили обособленно, непрерывно кочуя в поисках пищи. Без собак, обеспечивавших возможность перемещаться по льду, люди были бы обречены на смерть; собаки в свою очередь нуждались в людях, чтобы выжить. Образец симбиоза!

Кровное родство не привело к

вырождению собак. Безжалостный естественный и добровольный отбор позволял выжить лишь самым сильным особям, наиболее приспособленным к суровым условиям климата и питания.

Таким образом, каждая группа собак буквально создала свою собственную породу, породу совершенно особую, сходную с другими лишь по основным признакам.

В данной книге нас интересуют именно эти собаки, различающиеся по некоторым характеристикам и физиологическим особенностям, но

неоспоримо принадлежащие к одной и той же породе. За последние годы живущие в Арктике люди и собаки под влиянием цивилизации сильно изменились. Это заставило меня написать недавно: «Эскимосов больше нет». Я мог бы сказать также: «Больше нет и настоящих эскимосских собак» — так быстро идет скрещивание и столь многочисленны помеси, особенно с тех пор, как кинология [\[8\]](#) заинтересовалась этими собаками.

До этого недавнего скрещивания и появления бесчисленных помесей у арктических собак был совершенно особенный характер, бесспорно

объясняемый наличием волчьей крови. Первобытному шакалу волк передал свою силу и храбрость. Их потомство отличалось от всех других известных пород собак.

Арктический волк является особым видом. Он светлее и сильнее, чем его сородичи из местностей с более умеренным климатом.

Еще в 1820 г. английский исследователь Парри, встретившись с ним, отметил его сходство с эскимосской собакой, найдя у них одинаковое число позвонков. Датчанин Лауге Кох, бывший в первые годы нашего столетия

товарищем Кнуда Расмуссена в ряде экспедиций, рассказывал мне, что видел однажды большого белого волка и тоже заметил его сходство с эскимосскими собаками. Еще недавно арктические индейцы практиковали, говорят, скрещивание своих собак с волками: они привязывали самку в период течки на ночь за пределами лагеря и тем самым содействовали ее случке с каким-нибудь пробежавшим мимо волком. Полученных щенят-метисов приучали ходить в упряжке.

С 1942 по 1946 год я служил в воздушных силах США на Аляске, где, будучи парашютистом,

командовал одно время (хотя был французом) поисково-спасательной эскадрильей. Мы занимались розыском и спасением затерявшихся в этой части Арктики команд американских и русских воздушных кораблей. Русские летчики занимались доставкой самолетов, полученных ими в центральной части США по ленд-лизу, и перегоняли их на фронт через Аляску и Сибирь.

Во время лыжного перехода в одиночку по равнине (несколько десятков километров за несколько часов) на излучине замерзшего ручья, по которому проходил мой путь, я

столкнулся носом к носу со светло-рыжим, почти белым волком. Сначала я подумал, что это собака, заблудившаяся или одичавшая, что порой случается. Но большие размеры морды относительно туловища, ее заостренная форма, желтизна глаз, — я был настолько близко, что мог различить их цвет, — и низкая посадка головы меня удивили. То, что хвост был поджат, ничего не значило: испугавшаяся или встревоженная собака никогда не держит хвост трубой. Какое-то время мы смотрели друг на друга, наверное не более нескольких секунд, не проявляя оба враждебных

намерений. Потом медленно, не упуская меня из поля зрения, волк повернулся и, сделав несколько гибких, неторопливых прыжков, исчез с глаз. Я не подумал о винчестере, висевшем у меня за спиной, и очень рад: охотничий азарт, вероятно, побудил бы меня убить это великолепное животное.

Как она выглядит

Как бы то ни было, и в наши дни существует порода собак, так

называемая эскимосская, чей внешний облик и поведение отличаются одними и теми же определенными особенностями, хотя имеется несколько разновидностей этой породы.

Эти собаки крепко сбиты, мускулисты, сильны, выносливы. Голова несколько напоминает волчью, но не так велика и заострена меньше. Череп округлый, морда вытянута, уши короткие, остроконечные. Лапы крепкие, костяк мощный, объем грудной клетки большой.

Глаза немного раскосы,

миндалевидны, нешироки и придают взгляду что-то хитрое, чего на самом деле нет.

Шея короткая, мясистая. Спина узкая, но мощная, хвост очень пушистый, образующий султан и осеняющий крестец. Ступни круглой формы, пальцы прижаты друг к другу, имеют бугорки, покрытые толстыми пучками шерсти; на снегу они действуют подобно кольцам лыжных палок.

Шерсть густая и грубая, очень жесткая, довольно длинная, с густым, мягким и пушистым подшерстком. Масть варьируется от

белой до черной, со всеми оттенками серого цвета. У многих – белый воротничок вокруг шеи, как у Палази, и белые «очки» вокруг глаз.

Вес такой собаки – от 25 до 50 килограммов. Лучший пес моей упряжки, Укиок, весил почти 60 килограммов. Продолжительность жизни достигает 12 лет.

Первые английские исследователи привезли эскимосских собак в Англию и стали разводить; это привело к их порче. На Аляске пионеры освоения брали собак у эскимосов и индейцев и скрещивали их, чтобы получить

новую, «улучшенную» породу. В 1935 году Дьюи Сопер, канадский министр внутренних дел, отметил в своем докладе, что чистокровные лайки стали очень редки. С начала нашего века люди старались увеличить силу и скорость бега местных собак с помощью более или менее произвольного скрещивания, но оно не всегда приносило убедительные результаты. Сопер считал, что никакого улучшения с точки зрения общих условий работы в северных местностях достигнуто не было. «Это лишний раз доказывает, — пишет он, — что природа формирует тип по законам

окружающей среды гораздо успешнее, чем люди с их наукой».

Со своей стороны я думаю, что это утверждение субъективно и необоснованно. Напротив, качество ездовых собак значительно улучшилось с тех пор, как люди (т.е. пришедшие со стороны, главным образом европейцы) попытались, по словам Сопера, «увеличить силу и скорость бега местных собак с помощью скрещивания», когда последнее бывало рассчитанным, обдуманым и подконтрольным, а не произвольным.

Я был настолько убежден в этом,

что в 1939 году, после возвращения из Гренландии, попытался случить своего Палази – лучший когда-либо виденный мною экземпляр лайки – с прекрасной пиренейской собакой, принадлежавшей Жану Даниэлу, впоследствии кардиналу и члену Французской академии. Война 1939–1945 годов прервала эти опыты. Я надеялся получить более тяжелую собаку, следовательно, еще более полезную, чем гренландские лайки, хотя, может быть, и не столь быструю. Я намеревался в те годы объехать на собачьих нартах все побережье Ледовитого океана с трех- или четырехкратной зимовкой, чтобы

изучить в сравнительном плане все арктические народности — как эскимосов, так и жителей Северной Сибири вплоть до лапландцев. Для сравнения я избрал ряд определенных критериев. К этнографическим изысканиям, которые я собирался предпринять (вернее, продолжить, ибо в моем активе уже были две зимовки с эскимосами Ангмагссалика), мне, естественно, хотелось добавить изучение собак и их использования местными жителями. План экспедиции был уже разработан. В Якобсхавне, где я покупал всех собак для наших предыдущих экспедиций,

в частности для перехода в 1936 году через Индландзис – ледяной купол Гренландии, мои друзья-эскимосы уже приготовили для меня отменную упряжку. (Именно здесь, на западном берегу, как и на севере Гренландии, можно раздобыть наилучших ездовых собак.) Я даже заручился поддержкой Ленинградского арктического института. [\[9\]](#) Но разразилась война...

Наши собаки в Альпах

Во Франции начали интересоваться эскимосскими собаками еще до второй мировой войны, когда с лайками, привезенными из Гренландии, я и мои товарищи совершили несколько поездок в Альпах, тренируясь для нового перехода через Индландзис.

Через перевал Лотаре, погребенный под снегом и, следовательно, закрытый, мы установили 26 января 1938 года почтовую связь между Монетье-ле-Бен и Ла-Грав, вернувшись в тот же день, о чем свидетельствуют

штемпеля: Монетье – 8 ч 30 мин, Лотаре – 11 ч, Ла-Грав – 12 ч 50 мин; обратно: Лотаре – 15 ч, Монетье – 17 ч 50 мин. Средняя фактическая скорость – больше, семи километров в час. Такого никогда не видали: доставка почты обычным путем требует трех-четырех дней; не меньше времени занимает она и в наши дни, когда перевал Лотаре закрыт.

А затем в Монтженевре был сущий цирк. Нам предложили участвовать в больших маневрах альпийских войск. Вдоль одной стороны дороги, где находились деревенские домишки, стояли

генералы, полковники, всякие штабисты в качестве не судей, а простых зрителей. С другой стороны простирались снежные поля, здесь был только один дом – Жана Габена. Эти поля сначала по равнине, а затем по крутому косогору тянулись вплоть до леса, в направлении форта Гонран.

Наше выступление, за которым наблюдали в бинокли, прошло успешно. Редко псы так хорошо повиновались приказаниям; редко они так резво поднимались по столь крутому склону и так хорошо сдерживали нарты на спусках, когда мы помещали их за нартами

(классический прием).

Доехав, преисполненные гордости, до генералов, которые, взобравшись на шедшую вдоль дороги насыпь, поглядывали сверху вниз, мы ожидали поздравлений, но нас встретили равнодушно, даже холодно. Эти господа были разочарованы медлительностью нашего спуска, а ведь она была продемонстрирована специально, с целью доказать, до какой степени можно доверять нашим техническим приемам и до какой степени мы — мастера своего дела.

Они ожидали фантастической

скачки, бешеного галопа собак, подстегиваемых громкими криками, чего-то вроде полярного вестерна. Хотя мои объяснения еле слушали, я предложил повторить рейд, дабы доказать, что наши псы и при спуске могут нестись галопом и при этом можно замедлять ход нарт с помощью тормоза. Но генералы к нам потеряли интерес.

Впрочем, эта неудача была временной. На другой день мы за час сорок минут доставили сто килограммов провианта в форт Гонран, над Монтженевром (высота 2450 метров), заменив отряд в восемь человек под командой унтер-

офицера.

Наконец, на горе Ревер во время местных зимних армейских спортивных состязании в присутствии значительного количества галунов и звездочек (в том числе генерала Миттельхаузера) мы проехали по маршруту для собачьих гонок (участвовали только полукровки, ни одной настоящей ездовой собаки, кроме наших) за 10 минут 54 секунды, затем за 10 минут 45 секунд, опередив больше чем на три минуты самую быструю из соревновавшихся с нами упряжек, хотя на нартах был двойной груз.

Затем по просьбе военного министерства мы в феврале 1938 года предприняли большой рейд из Ниццы в Шамони по так называемой Верхней альпийской дороге (она едва ли заслуживает названия дороги, и ею в наше время редко пользуются даже квалифицированные лыжники). По этой тропе нужно было преодолеть двенадцать перевалов, пересечь девять горных цепей, спуститься в десять долин. Наиболее низкая точка (кроме места отъезда, где ею был уровень моря) находилась на высоте 712 метров (Сен-Мишель-де-Морьен), а наиболее высокая – на уровне 3027 метров (перевал Нуар).

(В этом рейде участвовали: Мишель Перез, перезимовавший со мною в 1934–1935 годах на восточном берегу Гренландии, бывший одним из трех моих спутников во время перехода через ледяную пустыню Гренландии в 1936 году, и лейтенант Жак Флотар из 15-го батальона альпийских стрелков, инструктор Высокогорной школы в Шамони, откомандированный военным министерством для участия в этом рейде.)

28 февраля 1938 года мы прибыли в самое высокогорное селение Франции – коммуну Сен-Веран, блестяще перевалив через

Нуар – труднейшее место этого длинного маршрута. Тогдашняя «Пари-суар», следившая за нашим продвижением из долины в долину, писала по этому случаю:

«Трансальпийская экспедиция Поля-Эмиля Виктора и Мишеля Переза одержала победу первостатейной важности. Несмотря на пессимистические прогнозы целого ряда специалистов, нарты, запряженные собаками, в сопровождении лыжников одолели перевал Нуар на высоте 3027 метров. Это весьма сложная задача, перед которой зимой часто отступают опытейшие альпинисты,

Эскимосские собаки на сей раз ясно и определенно доказали, чего они стоят».

(Нам действительно не советовали проезжать через перевал и даже рекомендовали перевезти собак и нарты на грузовике из долины перед ним в следующую долину. Пророчили, что собаки не пройдут и нам придется возвращаться назад. Это лишний раз доказывает, что наверняка неудачны лишь те попытки, которых не делают, и что не надо слишком доверять мнению «специалистов», не знающих по собственному опыту того, о чем говорят.)

В Сен-Веране знали, что в этот день мы должны приехать. В нескольких километрах от селения мы издалека увидели длинную процессию лыжников и лыжниц, спешивших нам навстречу. Метрах в пятистах перед ними на горной тропе, проходившей по склону, виднелось черное пятнышко. Псы насторожили уши, приняхались и пустились карьером. Я стоял на полозьях нарт сзади; рывок был так силен, что я чуть не свалился. Столь эффектным прибытием можно было гордиться: собаки мчались во весь опор, хвосты трубой, построжки натянуты, как струны, и это

несмотря на то, что этап, заканчиваемый нами, был самым длинным, трудным и утомительным!

Черная точка на тропе приближалась. Внезапно я с ужасом понял, что это такое: маленькая такса с прямым хвостиком, отбивавшим такт ее бега подобно метроному, неслась вскачь навстречу, очевидно не отдавая себе отчета в том, что ее растерзают. Мои крики, попытки затормозить ни к чему не привели: псы увидели перед собой вкусную добычу и устремились к ней, как если бы охотились на медведя, ничего не замечая, кроме этой точки, черневшей на лыжне,

проложенной в глубоком снегу.

Еще мгновение, быстрое как молния, — и свалка началась. И какая свалка! Такса, не успев даже таявкнуть, исчезла среди вихрем налетевших на нее чудовищ. Ударами хлыста, а затем его рукоятки я наконец утихомирил псов. Они пустились дальше обычной рысцой так же внезапно, как и остановились, чтобы расправиться с добычей.

Там, где я ожидал увидеть окровавленную кучу раскромсанного мяса, ковыляла такса, чуть не в середине упряжки, весело подняв хвостик, обнюхивая зад одной из

моих собак... Я и по сию пору не могу прийти в себя.

Наша встреча с лыжниками и лыжницами была не менее красочной, хоть и не столь драматичной. Доехав до первой группы, я остановил нарты. Псов сразу окружили, чувствуя как героев, да они и были героями... Оба моих спутника, тоже подъехавшие, и я сам глядели на эту сцену, нас весьма забавлявшую, со стороны — нами никто не интересовался. Очаровательная девушка теребила огромного Петермасси, дергала за шерсть и осыпала нежностями, между тем как он, невозмутимо

принимая ее восторги, оросил несколькими желтыми каплями низ ее брюк. Все собаки получили свою долю ласки, кроме нас, никем незамечаемых. Долговязая девица с голыми руками и волосами белокурыми отнюдь не от природы, в огромной меховой шапке осыпала смачными поцелуями морду самой белой собаки. Когда мы наконец смогли тронуться дальше, окруженные со всех сторон, я констатировал, что морда как этой собаки, так и некоторых других, испачканная губной помадой, приняла розоватый оттенок, который сохранился чуть не до конца поездки.

Наше успешное прибытие в Шамони показало, что в разгар зимы можно проехать на собачьих нартах с довольно значительным грузом там, где мулы не могли бы пройти с такой поклажей и летом. Таким образом, зима могла стать более удобным периодом для снабжения, чем теплое время года.

Неудачная классификация

Успехи арктических собак в Альпах привлекли к ним внимание врача-ветеринара Мери и побудили его коллегу, доктора Бара, в том же 1938 году заняться их классификацией. Он разделил арктических собак на три большие группы. К первой отнес финских, лапландских и сибирских, а также камчатских собак, ко второй — эскимосских и аляскинских лаек и маламутов, к третьей — гренландских и исландских собак.

Сразу видно, насколько это искусственное деление, ведь Бара исходил только из географического распространения той или иной

породы.

Впрочем, все классификации, предложенные кинологами за полвека, производят сумбурное впечатление, несмотря на то что стандарты были тщательно и серьезно разработаны специалистами собачьих клубов, таких, как скандинавские или знаменитый Кеннел-клуб в Номе (Аляска).

По-моему, если необходима систематизация, то следует различать лишь две большие группы арктических (северных) собак: эскимосские и все остальные.

Среди «остальных» отмечу собаку, принадлежащую к числу особенно известных и широко используемых, а именно ненецкую. Ее имя — от названия сибирского народа, занимающегося главным образом разведением северных оленей в устьях Енисея и Оби. Ненецкая собака — одна из первых, одомашненных человеком. Она сильна, резва, миловидна, хорошо тащит нарты. Рост ее — не более 60 сантиметров в холке. Масть обычно белая, благодаря чему эта собака выглядит очень красиво. Нрав у нее чаще всего мягкий, чем она отличается от своих эскимосских

родичей – драчунов и забияк (хотя тоже способных питать привязанность). Ненецкие собаки поменьше эскимосских: вес самцов не превышает 30, а самок – 25 килограммов.

Некоторые исследователи, в том числе такие известные, как Нансен и Амундсен, использовали ненецких собак в экспедициях и не скрывали восхищения перед их неприхотливостью, выносливостью и силой.

Этих собак разводили в Англии и Франции, где порода мало-помалу испортилась: мощностъ исчезла,

рост значительно уменьшился, получился комнатный песик.

Лапландцы разводят другой интересный вид — финскую лайку. Она особенно полезна для охоты на пернатую дичь. Занимались ее разведением и в Англии. Это малораспространенная, хотя весьма любопытная порода. Финская лайка не ездовая собака, но по своим качествам относится к северным.

То же самое можно сказать о шпице-волке, более известном под названием «кеесхунд» и особенно распространенном в Германии.

Наконец, элькхунд (лосевая собака) — отличный охотник, используется лапландцами при охоте на лосей, откуда ее название. Это превосходный пес, вероятно более всех других похожий на эскимосскую собаку.

Однако для меня (впрочем, неудивительно, если это мнение сочтут предвзятым) существует лишь одна настоящая ездовая собака — эскимосская.

Злые собаки?

Эскимосская собака

великолепна: крепкого сложения, вынослива, храбра, верна. Говорят, она жестока... Но мнение, что то или иное животное жестоко, всегда субъективно, основано на критерии, применимом только к людям, да и то не ко всем.

А если говорить об эскимосских собаках (впрочем, это касается и всех других), то их поведение и реакции лишь иногда определяются свойственными их природе качествами, а гораздо чаще — окружающей средой, т.е. (поскольку

речь идет о домашних животных) способом дрессировки и тем, как с ними обращаются – хорошо или плохо.

Помню, какое волнение и негодование охватили меня при встрече (в феврале 1937 года) в Сермидигаке с небольшой группой эскимосов из фьорда Кунгмиут, что в Ангмагссаликском округе. Я приехал туда с севера с моим другом Кристианом. Кроме двадцати пяти эскимосов (семья, с которой я перезимовал) мы с августа предыдущего года не видели других людей.

Перед хижиной Расмусси я заметил жалкого поджарого желтоухого пса со слипшейся грязной шерстью и поджатым хвостом; при моем приближении он боязливо припал к земле. – Это Парнагайик! – сказал маленький Нуак.

– Кто? – спросил я, вглядываясь.

– Да Парнагайик, говорю!

Вдруг я вспомнил: два года назад этот пес был у нас – у меня и Робера Жессена. Адами одолжил его нам, чтобы усилить нашу слишком слабую упряжку. Вернувшись, мы отдали собаку назад. Следующим летом он

перешел к Расмусси.

В этом исхудалом, жалком создании я еле узнал нашего друга, такого преданного и ласкового, любившего тереться о наши ноги, обутые в камики. Вместе с тремя другими псами он стал героем происхождения, названного нами «случаем Парнагайика». В течение трех суток мы с Робером и четырьмя собаками, утопая в снегу по пояс, безуспешно в тумане, гонимые метелью, разыскивали хижину. Нам пришлось бросить нарты в сугробе. — Взвалив на спину спальные мешки и немногие оставшиеся съестные припасы, мы еле-еле пробивались

вперед, с пустым желудком, в сопровождении распряженных собак. Каждые четверть часа нам приходилось, сменяя друг друга, прокладывать тропу, так как шедший впереди, окутанный ледяной ватой, не в состоянии был долго бороться со стихией. Вечером, измученные, мы рыли яму в снегу и ложились спать, заслоненные скалой от ветра. Не раздеваясь, совершенно измотанные, мы залезали в спальные мешки и, скорчившись, завязывали их над головами, чтобы укрыться от противной поземки, проникавшей всюду; мы делали над собой усилие, чтобы проглотить сухарь величиной

В пол-ладони и кусок сахара – весь наш дневной рацион. Ночью, несмотря на то что собаки, свернувшись рядом клубком, согревали нас и близость их придавала нам бодрости, мы дрожали от холода и стучали зубами так сильно, что мешали друг другу спать. В течение дня на ходу мы каждые десять минут набивали рты снегом, но его хватало лишь на один глоток воды...

Находясь в столь бедственном положении, мы уже подумывали было применить неумолимый закон Арктики – пожертвовать одной из собак, чтобы выжить. После долгих

колебаний наш выбор пал на рыжего Парнагайика. Но это жертвоприношение было нам настолько противно, что мы предпочли терпеть лишения до крайнего их предела. И эта собака была теперь передо мной, изможденная, но живая. Протянув руку, я подошел к ней.

— Берегитесь! — предупредил Нуак. — Он кусается!

Этот ласковый, привязчивый пес стал кусаться... Ну так что же, злой он или нет? Или даже жестокий?

Удивительная история Нуйатсока

Во время этой же поездки я приобрел собаку с длинной рыжей шерстью; в обмен я дал: мужу – две новых трубки, двадцать сигарет, темные очки от солнца и еще одни очки с зеленым козырьком для защиты от вьюги, а также свитер; жене – большой пакет разноцветных фарфоровых шариков для бус. Это была очень высокая цена, но я хотел, чтобы облегчить свои последующие этнографические изыскания,

прослыть щедрым дарителем. Этого пса звали Нуйатсок, т.е. длинношерстый. Войдя в мою упряжку, он быстро освоился благодаря симпатии, которой воспылала к нему с самого его появления Тимертсит, одна из самых молодых и красивых моих сук. Но если я делал вид, что проявляю к нему интерес, Нуйатсок поджимал хвост (его обычно он держал трубой) — признак доверия и хорошего настроения, опускал голову и убегал. Однако я не без опаски подходил к нему, когда он бывал запряжен в нарты, и на остановках, когда нужно было распутать постромки.

Через несколько дней он захромал. Скоро стало очевидным, что у него поранена лапа и рана не заживает; нужно было ее лечить. Пришлось пойти на хитрость: зайдя сзади, я схватил Нуйатсока за шею, зажал его голову между своими коленями и завязал морду веревкой. На одной из лап оказалась широкая гноящаяся рана, вероятно из-за пореза острой кромкой льдины. Я смастерил для пса обувь из нерпичьей шкуры и в сапог, надетый на раненую лапу, положил большой кусок тюленьего жира — классический способ эскимосов излечивать любые раны. Каждый

день я менял повязку, но из предосторожности завязывал ему челюсти, несмотря на то что он начал относиться ко мне с доверием.

Через несколько дней выздоровевший Нуйатсок стал одним из первых подбегать ко мне, чтобы приласкаться, сам спешил к нартам, когда видел, что я выхожу из хижины со сбруей в руках.

Однажды во время охотничьей поездки вся упряжка без всякой видимой причины превратилась на полном ходу в огромный рычащий, воющий, визжащий, хрипящий клубок, нечто вроде мальстрема из

шерсти, пушистых хвостов, ушей и разинутых пастей. Нужно было быстро вмешаться: при такой свалке всегда есть риск, что собаки нанесут друг другу серьезные ранения. Я вбежал в этот водоворот с бичом в руке, клича, ругаясь во все горло. Я оттаскивал псов за постромки, рассыпал удары и тщетно пытался навести порядок в упряжке; оказалось, что вся свора объединилась против Нуйатсока. Если удастся выхватить его из рычащей кучи, то причина схватки будет устранена.

Я схватил пса за холку. Он, решив, что это один из противников,

рывком повернул ко мне голову, верхнюю губу, ощерив зубы и разинув пасть так широко, что я смог заглянуть в его глотку. Челюсти сомкнулись на моей обнаженной руке. Я уже видел ее прокушенной до самой кости, на перевязи в течение нескольких недель, а быть может искалеченной навсегда... Какая-то доля секунды – и Нуйатсок успел заметить свою ошибку, вероятно почуяв мой запах. Его зубы уже коснулись моей кожи, как вдруг челюсти перестали сжиматься. Неслыханное дело: Нуйатсок, открыв пасть, чтобы не укусить меня, повернул голову к своим врагам...

Тогда свободной рукой я схватил его за шиворот и выбросил из кучи. Сражение прекратилось.

Чтобы быть честным, должен теперь рассказать другую историю. Когда-то, перед второй мировой войной, в Гренландии, принадлежавшей Дании, было запрещено продавать эскимосам алкоголь, а живущим на восточном берегу, как менее приспособленным к цивилизованной жизни, запрещалось продавать даже кофе, ибо датский кофе по справедливости считается крепким напитком. Но с тех пор Гренландия поменяла свой статут территории на статут

провинции. Поэтому наши
гренландские друзья стали
«всамделишными датчанами»:
голосуют, живут в деревянных
датских домах, абсолютно
непригодных для их образа жизни, и
могут покупать спиртное вволю. Это
не раз приводило, особенно по
субботним вечерам, к драматическим
последствиям.

Несколько лет назад, в 1970 году,
один гренландец в Якобсхавне
возвращался домой в пять утра,
пошатываясь. Он, видимо, провел
несколько приятных часов; спиртное
привело его в радостно-приподнятое
настроение и напомнило о добром

старом времени, когда, прежде чем стать гренландцем, он был просто эскимосом и в огромной семейной хижине наедался до отвала сырым, уже с душком тюленьим мясом, наедался до тех пор, пока не мог больше проглотить ни кусочка, и пел, и плясал, веселый, сытый... Увы, пролетели эти денечки.

Пошатываясь, напевая, он не дошел до своего дома лишь несколько десятков метров и вдруг, споткнувшись о камень, свалился в канаву, где и остался лежать неподвижно, без чувств. Собаки, очевидно не учуявшие и не узнавшие его, увидев, что кто-то рухнул наземь

в пределах их владений, бросились на упавшего всей сворой...

Великолепный Укиок

Мое знакомство с эскимосскими собаками началось давным-давно — лет сорок назад. Это не самореклама, во всяком случае не большая, чем ответ шофера такси на упрек в плохом вождении: «Но я езжу по Парижу уже сорок лет!»

Это было в 1934 году. Со своими

товарищами я впервые попал в Ангмагссалик, где корабль Шарко «Пуркуа па?» выгрузил нас со всем снаряжением. Датские власти предоставили в наше распоряжение один из домов в Тассадаке, «столице» берега. Расположенный высоко вверху, почти на тогдашней границе селения, этот дом возвышался над бухтой и фьордом; с нашего крыльца было видно, как отплывают и возвращаются каяки и умиаки, те большие лодки, в которых помещается при переездах вся семья эскимоса.

Мы жили там уже несколько недель. Снаряжение было привезено

и убрано на зиму в склад, но мы еще не кончили устраиваться.

Однажды наше внимание привлекли шум, крики, беготня. Все наши друзья-эскимосы (мы еще не говорили на их языке) высыпали на берег. Пробегая мимо, они звали и знаками приглашали нас следовать за ними. Вдали ко входу в бухту приближался умиак. На веслах сидели женщины, а посередине возвышались — мы видели их в бинокли — три белобрысых, лохматых, бородатых гиганта. Умиак был полон собак и мешков.

— Кратунат! Кратунат! Белые!

Белые! – вот все, что мы поняли.

Мы в свою очередь побежали на берег, весьма заинтересованные. Умиак причалил; несколько человек привязали его к скалам, чтобы помочь трем гигантам высадиться. Но галдящая толпа держалась из-за собак на приличном расстоянии от лодки. И когда псы в упряжи, таща за собой постромки, спрыгнули в свою очередь на землю, все кинулись врассыпную с визгом и смехом.

Белобрысые гиганты были англичанами. Они только что пересекли ледяную пустыню Гренландии. Мы не знали об этой

экспедиции — они вышли с западного берега сто дней назад, — а они не подозревали о нашем существовании.

Собаки показались нам такими же великанами, как и их хозяева. До сих пор мы видели лишь небольших и нервных белых собачек у эскимосов восточного берега, а эти явились с западного, из Якобсхавна. По сравнению с местными они выглядели как силачи-грузчики рядом с плюгавыми гонщиками-велосипедистами и были всех мастей: рыжие, серые, серо-белые, черные, черно-белые и даже желтые.

После отъезда Мартина Линдсея

и его товарищей (им пришлось несколько недель дожидаться судна) мы получили их собак в наследство. Это и восхищало, и весьма смущало нас.

Вожака упряжки звали Укиок (зима). Самый старый, около пяти лет, он казался еще старше. Его покрывали бесчисленные шрамы от ран, полученных в схватках. Густая шерсть была рыжей; от искромсанных ушей остались одни лохмотья, одно ухо было разорвано до самого основания. Всю морду пересекал огромный рубец, кончик носа был рассечен, верхняя челюсть сломана в бою с собственным сыном,

Петермасси, когда тот подрос и захотел сам стать вожаком. Впрочем, эта борьба за первое место продолжалась и дальше — всего два года, в течение которых Укиок был моим спутником.

Убедившись, что Петермасси не только стал сильнее, но и овладел техническими приемами, ранее дававшими перевес его отцу, и мог одержать над ним верх, я принял твердое решение. Позволить себе лишиться такого замечательного вожака, как старый Укиок, я не мог. Его сын, конечно, обладал многими достоинствами, но был менее уравновешен, более раздражителен,

более драчлив. Нужно было восстановить порядок и дисциплину. Я посадил обоих псов в один загон, но одну из лап Петермасси подвязал к его ошейнику. Оставшись на трех лапах, он очутился в очень невыгодном положении. Лишь только Петермасси вызывающе повел себя по отношению к отцу, тот одним толчком опрокинул его наземь, и поделом. Повалившись на спину и подставив живот, раскинув лапы, жалобно визжа, Петермасси запросил пощады. Укиок несколько секунд молча стоял над ним, выпрямившись и оцетинившись, затем отошел и помочился в угол, не

задирая заднюю лапу — ведь эскимосским собакам неизвестно; что такое фонарный столб. Этим он выразил свое удовлетворение и показал, что снова стал главой своры. Все вошло в норму.

Во время второй моей зимовки собаки чуть не погибли. Они почти все переболели, [\[10\]](#) в том числе и старый Укиок. Я изолировал его, кормил, можно сказать, до отвала, но, видя, что силы его восстанавливаются очень медленно, предоставил ему свободу, надеясь, что так он скорее поправится. И вот он внезапно вернулся к своим подданным, вновь заняв первое

место.

Задрав голову, хвост торчком, невозмутимо (несмотря на неудобу, вид у него был бравый) он снова принял уверения как в любви со стороны сук, лизавших его морду, так и в покорности со стороны кобелей, которые, умильно щерясь и виляя хвостами, подставляли шеи для укуса в знак своей беззащитности и его власти.

Довольный Укиок чуточку помочился и отправился обследовать окрестности хижины. У подножия скалы он нашел гниющую тушу акулы и, с трудом вонзая оставшиеся

зубы в жесткую кожу, вырвал несколько клочьев мяса. Затем оглянулся с целью убедиться, что все дамы его сердца следуют за ним. Они поочередно обнюхали его зад. С чувством собственного достоинства он обошел свои владения, оставляя через каждые десять метров несколько желтых капель в знак своего возвращения. Пес был и величествен и смешон, так как на правой стороне морды у него вздулся огромный нарыв. Он выглядел как тупилек [\[11\]](#) в одежде клоуна и был тем более забавен, что небольшие, искромсанные уши торчали над изогнутой, изборожденной

шрамами мордой, как мохнатые рожки какого-то чертика.

Затем Укиок обратил благосклонное внимание на белую сучку Кристиану. Из-за большого роста ему пришлось низко нагнуть голову, чтобы дотянуться до предмета своих вожделений. Он облизал его и запачкал кровью, сочившейся из его губ и с языка, исцарапанных акульей кожей...

Вполне этим удовлетворенный, Укиок оставил белую сучку в покое и повернулся к Арнатак. С нею он изменил тактику, подлаживаясь к ее игривому нраву: она всегда была

готова вести себя так, как будто была еще молоденькой, чуть ли не щенком. Кончиком морды он несколько раз слегка толкнул ее, затем пощекотал чувствительные места: ребра, нижнюю часть шеи, под мышкой — и с деланно-равнодушным видом положил голову на ее спину. Арнатак не реагировала. Укиок занес одну лапу на ее круп и приостановился, выжидая. Она оставалась пассивной. Тогда, заложив уши назад, он одним прыжком встал в позицию. В ответ маленькая распутница обернулась и весьма непочтительно огрызнулась, поджав хвост, хотя за минуту до того явно старалась, чтобы он не закрывал

укромное местечко.

Затем настал черед старой одноглазой сучки. Здесь проявления любви были более платоническими: они обнюхали друг друга, касаясь мордами — одна кривая, другая вздутая, что напоминало «Двор чудес» [\[12\]](#) или чудовищные пары на картинах Брейгеля [\[13\]](#). Оба завиляли хвостами; сучка побежала вперед, Укиок последовал за ней, принаравливаясь к ее бегу. Когда она останавливалась, останавливался и он; она хватала языком снег — хватал и он. Поведение образцового кавалера!

На другой день, на рассвете, Укиок прибежал к моей двери один. Понюхал тут и там, оставил желтый след и удалился величественной поступью старого монарха. Через несколько минут из-за угла хижины появилась старая одноглазая сучка. Чтобы соблюсти приличия, она остановилась и почесалась. Затем в свою очередь, понюхав там и тут, нашла жёлтый след и, присев прямо над ним, тоже оросила снег...

Благодаря деспотическому характеру (Укиок не выносил, чтобы ему перечили, будь это даже самая большая его симпатия) он был лучшим вожаком упряжки какого я

когда-нибудь знал. Он добивался беспрекословного повиновения, улаживал все раздоры. В пути он покидал свое место, чтобы наказать ту или иную собаку, если замечал, что пора пустить в ход бич с целью принудить ее слушаться или перестать лодырничать. После каждой трепки он лизал морду наказанного пса. Он вылизывал также раны других собак. Со мной был ласков, но не лебезил, хозяином считал только меня. Между нами царило полное согласие и понимание; это было настоящее сотрудничество, о котором я часто вспоминаю. Когда две молодых сучки

– Тимертсит и Экриди – подросли настолько, чтобы составить ему компанию, он благосклонно их принял, как добрый властелин. Но они по-прежнему крутились возле меня и всюду за мной следовали под бдительным надзором Укиока.

Через три года после того, как он достался мне от англичан, я покидал Гренландию. Укиок уже превратился в дряхлого, облезлого и слабого пса, но его по-прежнему уважали благодаря моей протекции.

Сентиментальный

Кранорсуак

Кранорсуак, большой черный пес с густой, жесткой шерстью, по своему нраву никак не подходил для роли вожака. Он был такой же величины, как Укиок, и выглядел столь же импозантно; но пара белых пятнышек над глазами придавала ему несколько глуповатый, добродушный и сентиментальный вид (таким он и был). Зная, что я на нартах, он тащил их за двоих, не обращая никакого внимания на то, что делается вокруг, и в моем присутствии не

повиновался ни одному из моих друзей-эскимосов: стоял как вкопанный, да и только. Собаки его терпеть не могли. Эта ненависть зародилась еще в дни отъезда с западного берега, когда Линдсей включил Кранорсуака в свою упряжку; собаки примирились с этим, привыкли к нему, но никогда не считали, его полноправным членом упряжки. Во время нашей первой поездки Кранорсуак был любимцем поселковой акушерки Супии, дружившей с нами. Она его баловала, доставала специально для него тюленье мясо. Чувствуя нелюбовь к себе остальных собак

упряжки, он старался быть от них подальше и привык днем и ночью торчать у двери дома Супии. Дом ее находился невдалеке от нашего, так что Кранорсуак мог следить, куда мы идем, и не боялся пропустить отъезд на охоту или в рейд. Так он впервые отделился от прочих псов.

На время своего годичного отсутствия я решил передать эту упряжку датчанину Янсену. Тот согласился взять на себя попечение о собаках, очень довольный, что у него будет хоть один год такая хорошая упряжка. Но сиделка больницы фрекен Вест попросила оставить ей Кранорсуака. Его ласкали, холили,

закармливали. Он даже стал вожаком упряжки из молодых псов, среди них ему нетрудно было главенствовать. Это вызвало ожесточенную ревность и мстительную ненависть со стороны Укиока, которому Кранорсуак раньше подчинялся.

И все-таки, пока нас не было, именно благодаря Кранорсуаку его соперник Укиок смог сохранить или, скорее, вернуть себе место вожака. Вот как это произошло.

Петермасси и Укиок оба усердно ухаживали за сучкой пастора; стычки были частыми и беспощадными. Не раз после драки противники стояли

носом к носу, окончательно выбившись из сил, тяжело дыша и пошатываясь. В конце концов Петермасси, как более молодой, одержал верх. Огорчительное зрелище! Укиок, опрокинувшись перед сыном брюхом вверх, изъяслял готовность подчиниться, как какой-нибудь щенок, хотя Петермасси лишь угрожал. И вот тогда-то Кранорсуак, который, если логически рассуждать, должен был встать на сторону победителя, взбунтовался против нового деспота. Он завидовал власти Укиока, но признавал ее и не мог допустить, чтобы Петермасси ее перехватил. Вступив в драку с

Петермасси, Кранорсуак одолел его, и с этого дня Укиок снова сделался вожаком, которого все псы беспрекословно слушались.

Вернувшись из перехода через Гренландию и встретившись с Кранорсуаком, я стал ощущать на себе его почти болезненную чувствительность, выражавшуюся в безграничной любви к тому, кого он считал хозяином. Но, чересчур избалованный заботливым уходом, лаской, постоянной близостью тех, кого он любил, Кранорсуак без всяких преувеличений не переносил, когда я хоть на минутку оставлял его одного. Если его привязывали, чтобы

он не своевольничал (например, после удачной охоты, когда всюду бывали развешаны куски мяса и сала), он вечно поднимал страшный лай. Мне приходилось вставать ночью, чтобы отвязать его, иначе ни мы, ни он не могли бы заснуть. Тогда он сворачивался калачиком у порога нашей хижины. Когда я уезжал поохотиться на несколько дней в умиаке или каяке, то по возвращении находил Кранорсуака изменившимся до неузнаваемости: обычно как нельзя более упитанный, он настолько худел, что начинали остриями выпирать кости его крестца. Лишь только я возвращался,

он оживал, весело скалил зубы, понурая морда приподымалась, хвост снова торчал трубой.

Другим собакам, чаще всего сидевшим на привязи, хотелось пользоваться такой же свободой, как Кранорсуак. Их зависть превратилась в ненависть. К тому же он скоро понял, что достаточно держаться на расстоянии чуть побольше длины цепи, на которой сидит противник, чтобы оказаться недосягаемым для его клыков, и совсем обнаглел. Таковы печальные последствия фаворитизма...

3. Переход через Гренландию

Тысяча и один белый горизонт

Во время нашей первой зимовки 4—1935 году, после встречи с оленем, который пересек Индзис [\[14\]](#) и отдал нам своих оленей, мы задумали перейти в свою очередь эту ледяную пустыню. Она простиралась на нас: две тысячи километров в длину, тысяча километров в ширину, а — три тысячи метров. Чтобы совершиться на этот поход, или подвиг, у

нас было достаточно веских оснований и множество резонных аргументов, доказывавших его необходимость. Но в глубине души мы должны сознаться, что нас прельщали приключения в этом «хрустально-опалово-изумрудном мире». Мне во всяком случае хотелось испытать свои силы, выяснить, насколько высока моя физическая и моральная стойкость, и быть свидетелем торжества победы того человека, каким я был на самом деле (сам того не ведая), над тем, каким я себя считал. Вероятно, этого хотелось и моим товарищам.

Четыре человека, [\[15\]](#) трое нарт и

тридцать три собаки...

В Якобсхавне, на западном берегу Гренландии, в апреле 1936 года я купил четыре собачьи упряжки. Напоминаю, что в той части острова можно найти наилучших ездовых собак: там много охотятся и в течение всего года ловят палтуса, поэтому собак кормят неплохо и обычно обращаются с ними хорошо. В других местах летом, когда в собаках нет нужды, их оставляют на каком-нибудь островке с запасом тюленьего жира – и пусть выпутываются как знают! Осенью, когда их забирают оттуда, они почти всегда тощи и голодны...

(Выносливость ездовых собак невероятна. В 1959 году японскую антарктическую экспедицию пришлось эвакуировать с помощью вертолета, так как из-за припая корабль не мог подойти к базе. Эвакуация проводилась поспешно, как при катастрофе: бросили решительно все, без чего можно было обойтись, в том числе и собак. По возвращении в Японию это обстоятельство привлекло общественное мнение. Членов экспедиции стали упрекать за то, что они не успели перебить собак с целью облегчить их страдания, на которые те, несомненно, были

обречены. Была даже объявлена подписка с целью воздвигнуть памятник этим собакам – героям науки. Но когда экспедиция вернулась в Антарктику спустя десять месяцев, то, ко всеобщему удивлению, две собаки были найдены живыми и вполне здоровыми! Всего было оставлено пятнадцать собак; трупы восьми из них нашли, а пять пропали без вести).

В этом поселке, Якобсхавне, было тогда вдвое больше собак, чем жителей: сто двадцать эскимосов и триста пятьдесят псов на сорок с чем-то нарт...

Итак, куплены упряжки, чтобы в конечном счете сделать из них три. Наихудшей, которую впоследствии распределили между остальными, была упряжка Сакариаса, лучшего тамошнего рыбака, хотя и одного из самых молодых по возрасту. Но, будучи только рыбаком, он не уделял своим собакам столько внимания, сколько охотники. Конечно, ему было известно, какие места в упряжке должны занимать вожак по кличке Иоханси и самка Арनावик (что означает «хорошая самка»). Но он не знал, и это было для него неважно, как должны размещаться, таща нарты, остальные псы, за

исключением крайних.

Лучшей была упряжка Нлартси. Прекрасный охотник, он пользовался репутацией отличного дрессировщика собак. Нлартси редко употреблял бич и очень сердился на «плохих людей, для которых бич все одно что дубинка». Вожаками его упряжки были Итлувиннак (т.е. косомордый) и самка Арнатак.

Благодаря Нлартси я впервые узнал, что такое хорошая, умело управляемая упряжка.

Уплатив владельцам собак и порадовав их дополнительными

подарками, я решил сделать с каждой пробег по припаю. Вот что записано в этот день в моем путевом журнале:

«Сидя на нартах Нлартси, спускаюсь по склону во весь опор. Нлартси понукает своих псов резкими, своеобразными выкриками. Они мчатся с невиданной мною до сих пор скоростью. Нлартси громко смеется, я тоже. От встречного ветра и от снега, отбрасываемого собаками назад, у меня текут слезы. Никогда еще в санных экспедициях мне не приходилось участвовать в столь необычайной езде. И я смог оценить огромную разницу между поведением упряжки, управляемой

хорошим каюром, и упряжки с собаками вроде Укиока и его сородичей под командой таких неопытных новичков, как мы, которым Линдсей, передавая собак, не сказал ничего, кроме: «Чтобы повернуть направо, крикните: «Илли!», а налево – «Юк!»».

Вожаками третьей упряжки, купленной у охотника, были Трофаст (датское имя) и рыжая Сингарнангуак (красивая собака с рыжей шерстью), короче Сингарнак.

Четвертую упряжку мы приобрели у одного датчанина. Во главе ее были Габель (по-эскимосски

Габиди) и самка Альтеранги (безыменная).

Кнуд и я выехали первыми на нескольких нартах с каюрами, чтобы произвести рекогносцировку, разметить вешками путь к подступам Индландзиса через прибрежные ледники и забросить тысячу двести килограммов снаряжения в склад по ту сторону зоны трещин.

Нашего возвращения из этой рекогносцировочной экспедиции ожидало на пристани Якобсхавна немало женщин и детей, несколько мужчин и множество собак. Последние, совсем как встречающие

на вокзале, вытягивали шеи, чтобы лучше видеть; все морды были повернуты к нашему судну «Норлюс» («Северное сияние»).

Арнатак, которую мы не взяли с собой, тоже вертелась на пристани в ожидании своих. Когда они сошли на берег, она повела себя совершенно неприлично: подбегала поочередно ко всем псам, задрав хвост, виляя задом, наострив уши, в сильном возбуждении. Выражение ее морды не оставляло никаких сомнений ни в ее намерениях и желаниях, ни в том, что она испытывает радость. Но, как истая самка, лишь только тот или иной пес делал вид, что собирается

ответить на ее недвусмысленные заигрывания, она тотчас же оскаливалась, поджимала хвост, опускала уши и огрызалась на бедного поклонника, отбегавшего в полном замешательстве.

Позже, во время зимовки, последовавшей за нашим переходом через Гренландию, когда я в течение года жил как эскимос с двадцатью пятью эскимосами в семье, где я был как приемный сын, именно Арнатак вызывала стычки между моими собаками и собаками моих соседей. Когда она видела, что чужие собаки приближаются к границам территории, облюбованной моей

упряжкой, она кидалась им навстречу как фурия, визжа и рыча, призывая псов на выручку и подстрекая к потасовке. Но при этом она никогда не забывала оглянуться, чтобы убедиться, следуют ли они за нею, и останавливалась на безопасном расстоянии от места, где должна была начаться драка. Когда стычка завязывалась, Арнатак с удовольствием смотрела на результат своих стараний, а иногда равнодушно удалялась.

На все время подготовительной поездки, т.е. рекогносцировки и заброски снаряжения на склад, мы с Кнудом наняли пожилого эскимоса

по имени Тобиас. Он в течение последних десятилетий не раз участвовал в поездках такого рода, и мы знали о нем по отчетам экспедиций, прочитанным нами перед отъездом. На вид Тобиас был довольно стар и хотя еще уверенно держался на кривых ногах, но уже не мог бежать за нартами и выделять акробатические трюки, необходимые для управления ими. Однако его знания и авторитет по части всего, что касалось экспедиций, были неоспоримы.

Тобиас настаивал на том, чтобы перед отъездом «обломать собакам зубы». Я понятия не имел, что это

такое. Он объяснил мне (я это уже знал по прошлогоднему опыту), что собаки, будучи голодны, пожирают все, в том числе ременные постромки и вожжи, из сыромятной кожи. Мы не могли идти на такой риск при столь долгом и опасном рейде, какой собирались предпринять. Нужно было все предусмотреть, и для того, чтобы собаки не могли навредить, требовалось «обломать им зубы». Я в ужасе отказался, но Тобиас настаивал и попытался обрисовать, в каком положении мы очутимся, если останемся в дороге без упряжи и постромок. Взять с собой запасные

было невозможно: груз наших нарт и так значительно превосходил допустимый. Считается, что ездовая собака в таких условиях, в каких мы должны были очутиться, может тащить груз, равный ее собственному весу. Хотя у нас не было никакого излишнего груза (даже теперь самолеты перевозят нашу главную мясную пищу — пеммикан в мешках, чтобы сэкономить на весе ящиков, в которых его поставляет фабрика), но груз, приходившийся на каждую нашу собаку, не считая веса нарт, был равен 47, 5 килограмма, гораздо больше среднего веса собак.

Посоветовавшись с нашими

друзьями – местными датчанами, я скрепя сердце согласился. Впрочем, я добился, чтобы Тобиас произвел эту операцию лишь на собаках, внушавших наибольшие подозрения. Расспросив бывших владельцев упряжек, я составил список, сведенный к минимуму.

Список возглавляли Арнатак и Инато. У них была наихудшая репутация: даже будучи сытыми, они постоянно грызли и глодали все, что попадалось: щепки, резиновые сапоги, жевали даже бумагу...

путаешь с нартами, находящимися за километр от тебя; где, не имея ориентиров, падаешь навзничь, если, наклонившись, выпрямляешься слишком быстро.

Температура не опускалась ниже минус 30°C, и нашим главным врагом был не холод, а ветер, метель, глубокий снег (в нем мы увязали по колено, как мухи в патоке), а когда спустились на восточный берег – каша из талого снега, из которой мы не могли вытащить ноги, словно их удерживали чьи-то гигантские руки, но в особенности усталость и голод.

Усталость за время дневного

перехода добирается до кишок, до горла, доводит до изнеможения, подавляет все мысли, ломит поясницу, накатывает волнами от лодыжек к голове. Колени дрожат, в желудке — спазмы, в груди давит, ломит плечи и шею. Но когда дневной переход закончен, до отдыха еще далеко. Нужно, борясь со снегом, ветром и льдом, развязать твердые, как железо, веревки, которыми груз крепится к нартам; установить палатку, а она рвется из рук, словно бешеная; распутать постромки с намерзшими на них комками черного помета; накормить собак, не допуская стычек между ними, и

проследить, чтобы каждая съела свою порцию — полбрикета пеммикана; проверить всю упряжь и немедленно починить, если это необходимо. Затем можно вползти в палатку через оставленный лаз, стараясь, чтобы при этом внутрь проникло как можно меньше снега; стащить с себя оледеневшую кухлянку (что не так-то легко); разогреть пищу (о том, чтобы стряпать, и речи нет); сделать запись в путевом журнале... И это еще не все!

Голод мучает все время. Дневной рацион достаточен по количеству калорий, но минимален по весу:

меньше килограмма в день на человека. Через полчаса после еды голод снова начинает терзать желудок и чувствуется всю ночь; утром, прежде чем собраться в дальнейшую дорогу, мы жадно поглощаем то же, что накануне: пеммикан, овсяную кашу, сухари, сахар, чай, конфеты, шоколад.

Когда мы лежим в спальнях мешках голодные и усталые, стуча зубами, иногда мокрые с головы до ног, наступают другие мучения: сон не приходит долго или не приходит вовсе; нас преследует мысль о том, что придется вставать в палатке, сотрясаемой порывами ветра, а

потом последуют еще добрых четыре часа утомительного труда, прежде чем можно будет дать сигнал отъезда: «Кра!», заслышав который собаки рванутся вперед...

Собаки, наши собаки! Наши неразлучные товарищи! Мы научились знать о них все, любить их, они зависели от нас, как и мы от них. Но если мы знали, для чего нужны все эти усилия, эти страдания, если наш путь вел к определенной цели, то для них не было ничего, кроме непрерывного труда и полкилограмма пеммикана в конце дня. И голода — такого же, как и у нас. Мы читали его в их глазах,

когда проверяли упряжь и ласкали их, тронутые их любовью, их преданностью.

Для нас голод, усталость, тревога, вызванная слишком долго длящимися неблагоприятными условиями, были допустимы, приемлемы, ибо мы предусмотрели все заранее; риск был взвешен и рассчитан, неразрывно связан с затеянным нами путешествием. Но вдобавок нас мучила еще одна тяжелая обязанность, мысль о которой тяготила с каждым днем все больше, — обязанность неотвратимая, неизбежная — выполнить ужасный закон Арктики.

Мы отправились в путь с тридцатью тремя собаками и гружеными нартами. Ежедневно этот груз уменьшался на двадцать килограммов: четыре за счет пищи для людей и шестнадцать за счет собачьего корма. Каждые два-три дня одна собака становилась лишней. Если бы ее не убивали, то пришлось бы везти дальше ее корм, тоже ставший бесполезным грузом. Мы выехали с тридцатью тремя собаками и теоретически должны были через семь недель, проехав шестьсот пятьдесят километров, достичь противоположного конца ледяной пустыни с пятью собаками. Итак, в

принципе нам нужно было
умертвить двадцать восемь собак...

Слышу, как возмущаются
чувствительные души. Сколько раз я
это слышал!

Одни говорят: «Чтобы не
приносить собак в жертву,
достаточно было не пускаться в эту
экспедицию». Им я ничего не отвечу,
настолько это замечание нелепо.

Другие с умным видом, явно
удивленные нашей безмерной
глупостью, утверждают: «Просто
нужно было взять больше собак,
чтобы везти больше провианта и

таким образом избежать столь варварского решения проблемы». Им я отвечу, во-первых, что система «Надобыло-сделать-так» всегда предлагается людьми безответственными. Я спрошу их, видели ли они «Сержанта Камамбера» Кристофа, один из первых комиксов на исторические темы? В нем сержант Камамбер велит одному из своих солдат вырыть во дворе казармы яму для отбросов. Когда он возвращается, яма готова и полна до краев, а рядом огромная куча вынутой из нее земли. Сержант мечет громы и молнии на бедного солдата: «Идиот! Неужели ты не мог

вырыть достаточно большую яму, чтобы в ней поместилось и содержимое мусорных ящиков, и эта земля?»

Если вы не видите тут связи с моим рассказом о собаках, то тем хуже для вас. Замечу лишь, что наши нарты и так были перегружены: каждому псу приходилось тащить около пятидесяти килограммов, между тем как по норме груз не должен превышать тридцати пяти килограммов. Наконец, взяв больше собак, мы только усложнили бы проблему, вместо того чтобы решить ее, ибо пришлось бы захватить добавочный корм для этих собак,

которые в свою очередь становились бы лишними одна за другой.

Вот что я писал в отчете о конце экспедиции:

«С 27 мая по 3 июня переменная погода позволяла продвигаться вперед более или менее сносно. С 4 по 24 июня условия резко ухудшились. Снегопад, обычно редкий в Гренландии в конце июня, продолжался фактически непрерывно. Бушевали сильные метели, тем более докучные, что ветер дул нам в лицо. 16 июня в лагере № 13 экспедиции пришлось оставить часть провианта и

снаряжения, без которого можно было обойтись. Начиная с этого дня ежедневный рацион был уменьшен. От собак требовались значительные усилия, и, как было предусмотрено, двенадцать из них убили».

Вы прочитали: «Рацион был уменьшен», «Двенадцать из них убили». Двенадцать вместо двадцати восьми, как собирались, и это несмотря на то, что рацион был уменьшен лишь для нас, а не для собак!

Иначе говоря, мы перевезли около 165 килограммов, чтобы кормить лишних собак, ставших для

нас бесполезными! Из-за этих 165 килограммов мы и были вынуждены 16 июня «оставить часть провианта и снаряжения, без которого можно было обойтись».

16 июня 1936 года, лагерь № 13.

4 ч 30 мин. Пробуждение.

Палатка снаружи покрыта инеем. Идет густой снег, порывы бурана все сильнее. Из-за поземки снег пробирается во все щелочки. Под моей головой образовалась целая подушка, вдоль спального мешка — надув. Все в палатке покрыто снегом и инеем. Лишь только зажигаем примус, нас обдает потоками воды

(снаружи всего минус 9°C). Все промокло.

С трудом одеваемся, чтобы выйти накормить собак, отобрать провиант и снаряжение, оставляемые здесь с целью облегчить нарты. Мы похожи на водолазов: капюшоны кухлянок накинута на головы, шеи обмотаны мохнатыми полотенцами, рукава завязаны над перчатками, а штанины внизу стянуты шнурками, охватывая верхнюю часть мокасин. Лишь только мы выходим из палатки, на нас нападают тысячи яростных, воющих демонов; они толкают, колотят, кусают, их когтистые лапы рвут нас, хлещут, срывают очки. Они

хотят нашей смерти, несомненно.
Снег проникает всюду; вскоре по шее
и вдоль спины струится вода.
Спотыкаясь, ослепленные,
полузадохшиеся, чуть не на
четвереньках добираемся мы до
почти невидимых нарт: из-под снега
торчат лишь верхние концы их стоек.
Собак не видно: засыпанные снегом,
свернувшись калачиком, укрыв
морды хвостами, они лежат в уютных
и теплых норах, созданных теплом их
тел. Я упираюсь в нарты; один из
снежных холмиков трескается, и из
него высовывается морда Арнатак с
комками снега на носу и над
глазами. Из отдушины струится

густой пар, пахнувший псиной.

После четырех часов труда провиант и снаряжение рассортированы. Мы оставляем для себя рацион лишь на две недели (впрочем, они могут растянуться и на три). Паек собак не трогаем. Раздаем им все съедобное, и они выскакивают из своих нор, как чертики из табакерок. Вскоре животы у них набиты так, что волочатся по земле, как говорят эскимосы. Бросаем радиоприемник (весит двадцать пять килограммов и служит лишь для того, чтобы принимать сигналы времени для проверки хронометров, с помощью

которых мы измеряем долготу), разборный каяк (весит тридцать килограммов, взят из соображений безопасности, на случай, если мы выйдем к берегу в глубине фьорда, окаймленного скалами), шипы для льда (обойдемся и без них), все канаты для лазания, кроме одного, два бидона керосина и многое другое. Из пустых ящиков соорудили укрытие и окрестили его «уборной» в честь деревянных будок, встречающихся в Булонском лесу, носящих то же название и предназначенных для того же. Не успели мы отвернуться, как Арнатак, выскользнув по обыкновению из

упряжки, уже устроилась там.

К полудню возвращаемся в палатку, зажигаем оба примуса, так как керосина у нас много, хоть продавай. Вскоре в палатке плюс 32°C. Когда все высохло, мы располагаемся как можно удобнее в одних рубашках (в этом пирамидальном пространстве лишь четыре квадратных метра). Вскрыв ящики с продуктами, съедаем все сладости и лакомства, предназначенные для торжественных дат. Та же участь постигает коробки с сардинами и тунцом в масле и пакетики с айвовой пастой, сваренной матерью Робера Жессена.

В каждом из них — бумажка с ласковыми словами, написанными ее рукой. Вот Робер открывает коробку, помеченную «30 июня» (а сегодня 16-е), и шепчет про себя: «Ну и пирушка! Ведь мы лопнем!» Лишь это нас беспокоит в палатке, дрожащей словно в истерике под нескончаемыми порывами ветра. Робер читает вслух записку матери: «Целую каждый пакетик, чтобы он принес вам нынче счастье, чтобы переход показался вам легче, небо — яснее, пеммикан — вкуснее, собаки — сильнее».

Пурге нет конца

«Собаки – сильнее...»

Пожелание высказано вовремя!

Они были как нельзя более и сильными и бодрыми. Но сейчас выдохлись, изнемогают от усталости, как и мы; их непрестанно грызет голод, как и нас.

16 июня, на двадцать первый день после отъезда из базового лагеря, мы не прошли и половины намеченного расстояния и чувствуем,

что рвение собак иссякает.

17 июня, когда чуть-чуть прояснилось (мы подумали, что надолго), отряд был готов выступить в три часа, оставив кучу ящиков, мешков, и коробок. Но собаки ничего не хотели знать. Лишь немногие поднялись по нашему зову, большинство осталось лежать в своих норах, уткнув морду в хвост, искоса поглядывая на нас и надеясь, без сомнения, что в конце концов мы устанем от этой сидячей забастовки и, пошумев для приличия, оставим их в покое. Нам потребовалось больше получаса, чтобы сдвинуть нарты с мест; псы наконец поняли,

что своего не добиться. Сначала окриками, потом ударами бича, действуя в случае надобности и его рукояткой, нам с трудом удалось вывести их из оцепенения, разместить кое-как перед нартами. Тогда они изменили тактику: от сидячей забастовки перешли к пассивному сопротивлению. Усевшись на задние лапы или же стоя, поджав хвосты, понутив головы, они делали вид, что не понимают приказаний. Несколько хорошо рассчитанных ударов бича заставили их занять привычные места, повернуться мордами на восток. Но этим все ограничилось.

Натянув постромки, они повисли на них, словно рабочие, прислонившиеся для отдыха к стене, и не трогались с места.

Мы, четверо людей, общими усилиями сдвинули нарты. Собаки, почувствовав, что постромки ослабли, начали тянуть, двигаясь по колее, проделанной для них Жессеном, чья согнутая фигура временами исчезала во вновь поднявшейся пурге. Но через каждые двадцать метров собаки останавливались. Цирк — и какой цирк! — начинался снова. Когда, измученные вконец, мы разбили лагерь, пройдя за восемь часов

утомительнейшей ходьбы лишь восемнадцать километров, пурга снова разыгралась вовсю, и тысячи демонов, воющих и злобных, наших старых знакомых, снова появились и напали на нас, впившись зубами, выпустив когти. Собаки, почуяв, что эта остановка — конец дневного перехода, улеглись, не ожидая приказа; мы еле успели выпрячь их, как они уже были занесены снегом и уютно устроились в нем.

Меньше чем в двадцати километрах — но для нас все равно что на луне — таились сокровища, превосходившие в нашем воображении все клады «Тысяча и

одной ночи»...

После двух суток вынужденной неподвижности, в течение которых мы грезили о фантастических пиршествах, о жратве досыта, отряд снова двинулся в путь, несмотря на пургу, еще более изнуренный, еще более полный тревоги из-за того, что дни текли, число пройденных километров росло очень медленно, а выносливость собак катастрофически падала.

В этот день нам впервые пришлось впрячься вместе с собаками или толкать нарты сзади. Ни один из нас не представлял себе,

что он способен на такие усилия. Человек думает порой, что достиг предела своих возможностей, но с удивлением, а иногда и с преклонением перед изумительным механизмом, каким является его тело, обнаруживает, что может достичь большего и что его силы еще далеко не исчерпаны.

Что касается меня, то к мышечным судорогам присоединялись спазмы желудка, измученного голодом. Мой живот непрерывно протестовал против дизентерии, вызванной пеммиканом. Резь в глазах служила предвестником офтальмии, снежной слепоты,

которая впоследствии мучила меня много дней.

Каждые двадцать шагов, когда собаки останавливались, обессилев и не желая двигаться дальше, приходилось упираться в дугу нарт и, охватив ее обеими руками, делать рывок, чтобы приподнять нарты и толкнуть их, глубоко увязая в рыхлом снегу.

И вдобавок, хотя дыхания не хватало, а сердце билось неровными толчками и в ушах стоял гул реактивного самолета, нужно было, крича во всю глотку, направлять и подбадривать собак. Во всю глотку,

чтобы они слышали, несмотря на рев пурги, особенно ощущаемый на уровне земли из-за того, что по их головам барабанили льдинки и снежинки, забивая уши. Ибо – вечное невезение! – ветер этим летом почти все время дул в сторону, обратную той, куда мы направлялись.

Но каждый раз мы все-таки продвигались десятка на два шагов: люди – согнувшись пополам, протянув руки и вцепившись ими в стойки нарт, низко опустив головы, проваливаясь в снег; собаки – совершенно засыпанные снегом, висящие на постромках, уронив головы, поджав хвосты. Лишь иногда

сквозь метель смутно виднелись их спины и кончики ушей. Собаки останавливались, мы тоже. И комедия возобновлялась, все больше и больше смахивая на драму. Один раз после сделанного сильного рывка я уперся лбом в стойки нарт, утонув в снегу по колени, ослепленный тысячью огней, вспыхивавших в глазах, не способный ни думать, ни двигаться, и меня вырвало.

На каждой остановке (а их было очень много) несколько собак оставляли черные водянистые экскременты. Это, если не считать раздачи пеммикана в конце дневного перехода, был единственный момент,

когда псы оживлялись. Они кидались лакать вонючую жидкость, прежде чем она уйдет в снег. От этого их носы и уши были вечно покрыты черноватой липкой массой.

Особенно плохо выглядел Туйук — живой скелет, несмотря на двойной рацион, который я иногда давал ему тайком. А у Итлувинака, одного из лучших вожakov наших упряжек, молодого трехлетнего пса, обнаружили признаки полного истощения. Ранее гордый своей силой и авторитетом, он вот уже несколько дней ходил, понунив голову и поджав хвост, как и остальные собаки. Во время

особенно трудного перехода (чтобы освободить нарты из снежных тисков, нам пришлось несколько раз напрячь все усилия, так что боковые стойки сломались) я заметил, что Итлувинок через каждые десять шагов зарывается мордой в снег, так как передние лапы его не держат. Лишь когда нарты равнялись с ним, он медленно поднимался и, шатаясь, следовал за упряжкой. Несколько дней мы везли его на нартах, и он восстановил силы в достаточной степени, чтобы вновь занять свое место. Но, несмотря на все наши старания и заботы, он до самого конца экспедиции утратил резвость.

Пришлось освободить его от работы, как и нескольких других собак, бывших в таком же состоянии. Они медленно шли за нами и добирались до лагеря уже после его разбивки. Кроме общего истощения у Итлувинака была большая гноящаяся рана на лапе. Жессен, будучи врачом, лечил его, как лечил бы любого из нас.

И вот в один прекрасный день, облачный и сырой, в начале июля — пятого числа — наш лагерь № 27, последний лагерь перед возвращением в «страну людей», был разбит поблизости от первых морен, на мягком льду, изборожденном

трещинами. Вдали, на фоне черного угрюмого неба, мы могли различить горы Сермилика и вежи, указывавшие спуск к фьорду, где нас ожидали хижина и продовольствие. Унылый пейзаж, мертвая пустынная земля, еще более враждебная, чем пройденная нами никому не ведомая пустыня тысячи белых горизонтов, где мы перенесли столько страданий.

В 5 часов утра мы пустились в путь, несмотря на густой туман, в сопровождении уцелевших собак, к которым, как по волшебству, вернулась жизнерадостность. Через восемнадцать часов мы распахнули дверь хижины. Все собаки были с

нами, кроме Итлувинака. На другой день, поднявшись вновь к лагерю, мы не смогли его найти, как ни звали, как ни искали.

Мы прибыли на восточный берег с восемнадцатью собаками из тридцати трех: двенадцать мы были вынуждены забить, Туто упал в трещину, Габель отстал в дороге, Итлувинак исчез. В последний день полугодовалый Туто (Карибу) упал в трещину. Мишель Перез спустился в нее, обвязанный канатом. Но Туто, вероятно, утонул, унесенный потоком, бурно струившимся по дну трещины. За несколько дней до этого мы потеряли

Табеля. В течение суток этого пса все время рвало желчью. Мы выпрягли его и взяли на нарты. Придя в себя, он соскочил и стал жадно есть снег. Потом в какой-то момент отстал и не нагнал нас ни на привале, ни на следующий день. Итлувинак исчез, но, к большому нашему удивлению, мы обнаружили в лагере одну из собак, чье отсутствие прошло незамеченным. Вот что записано у меня в этот день в путевом журнале:

«8 июля 1936 г. Ибак, дрянной пес, умеющий сохранять самое невинное выражение морды, остался в лагере, вместо того чтобы спуститься с нами к фьорду. Когда

мы вернулись, он был поперек себя толще. Ему удалось вскрыть ящик с пеммиканом, содержащий десять брикетов (мы хотели взять этот ящик, чтобы кормить трех ощенившихся собак). Каждый из них был завернут в фольгу; ящик был закрыт, а на крышке – большой камень. Как псу удалось добраться до пеммикана, несмотря на все эти препятствия? Ибак – собака дрянная, но отнюдь не глупая».

Поймать его было невозможно. Я потратил на это почти целый час, остальные успели давно уйти. Мне пришлось спуститься к хижине, оставив его на произвол судьбы.

Возможно, он одичает. Для корма найдется достаточно дичи: полярные зайцы, снежные куропатки и другие птицы. А может быть, через несколько лет он издохнет от старости?

Когда я возвращался к хижине, меня охватило ощущение счастья. Ничего подобного я не испытывал уже давно. Собаки, кроме трех оценившихся, были с нами во время этого рейда вверх; но когда я последним ушел со склада, оказалось, что собаки моей упряжки не последовали за другими, а поджидали меня. И мы сбежали по склону, словно кучка веселых

товарищей. По пути нам попался водопад. Душ, настоящий душ! Холодная, но не ледяная вода... Прижимаюсь спиной к скале, почти выпрямившись; вода с шумом несется над моей головой.

Ору от радости. По другую сторону сверкающего водяного занавеса псы, сидя на задних лапах, с удивлением глядят на меня. Потом я обсыхаю под лучами солнца, усевшись на скале, высоко над фьордом и айсбергами, напротив ледника. Собаки обнюхивают меня, дабы удостовериться, что это странное белое существо, с которого капает вода, действительно их

ХОЗЯИН.

Три собаки

Вы уже знаете Арнатак. Ко времени нашей поездки ей исполнилось четыре года и она была матерью пятерых собак, которые находились в одной упряжке с нею. Довольно заурядная и ленивая, она была черно-белой масти. Когда на нее замахивались бичом, жалобно взвизгивала и притворялась, будто тянет изо всех сил. Но постромка

Арнатак не была туго натянута, и если я, не останавливая нарт, дергал за нее, то почти не чувствовал сопротивления. Арнатак, как и Кранорсуак, питала ко мне безграничную, не знающую никаких скидок любовь, и за это я прощал ей многие нарушения дисциплины.

Но вы еще не знакомы с тремя другими собаками: Арनावик (Хорошая сука), Атеранги (Безымянная) и Сингарнак (Рыжая). Расскажу вам, о них. По-моему, эта история необычайна и удивительна.

В четверг 4 июня 1936 года, после девяти дней собственно

перехода, на восемнадцатый день после того, как мы покинули последний населенный пункт и на шестьдесят первый день после моего отъезда из Парижа, мы убили первую собаку. Чтобы быть ближе к истине, следовало бы сказать: в этот день мы смирились с необходимостью убить первую собаку.

Если исходить из арифметических расчетов, положенных в основу экспедиции, то мы должны были умертвить уже четырех собак. За последние дни мы ясно замечали, что рвение большей части их ослабло. Наша поездка, несомненно, перестала казаться им

прогулкой. Действительно, больше недели на белом горизонте, всегда одном и том же, неподвижном, монотонном, нельзя было различить, ни одной точки, могущей привлечь внимание.

Мы долго обсуждали вопрос, какую из собак принести в жертву. Каждый яростно защищал своих псов. Каждый начал питать к товарищам презрение, а затем и ненависть. Мы опомнились, поняв, что каковы бы ни были чувства, питаемые нами друг к другу, но если мы хотим, чтобы наша попытка завершилась успешно, то абсолютно необходимо прийти к согласию. И мы

наконец договорились. Выбор пал на рыжую, злобную (она часто вносила в упряжку неразбериху) и ленивую собаку. Робер Жессен, поскольку он был врачом, взялся за это дело. Натянув между двумя столбиками парусиновый полог (чтобы остальные собаки не оказались свидетелями убийства, ведь мы были людьми чувствительными и остались ими), Робер безукоризненно выполнил свою миссию, выстрелив из пистолета в ухо собаке. Содрав с нее шкуру, мы разделили тушу на равные доли, и каждый из нас, набрав побольше мяса, понес раздавать его своей упряжке. Псы

были сильно возбуждены – наступил обычный час кормежки – и хватали на лету куски мяса, как брикеты пеммикана. Но как только оно попадало в пасти, выражение их морд менялось. Разочарование было не меньше, чем если бы им бросали куски дерева. К этому чувству явно примешивалось отвращение: они выпускали мясо из зубов, роняли его на снег, поджимали хвосты, крутили носами и отбегали прочь. Лишь один Иоханси с большой неохотой проглотил несколько кусочков. Другие собаки, сделав несколько шагов, возвращались к своей доле и зарывали ее в снег. Впрочем, самки,

за исключением Арнатак, когда неприятное чувство прошло, обнюхивали свежее мясо и делали вид, что откусывают, чуть дотрагиваясь зубами. На большее они в этот день не решились.

Мы собрали все мясо в мешок, привязали его к нартам, а в конце следующего дневного перехода роздали снова. Через несколько дней собаки, привыкнув к его виду и запаху (к тому же оно уже было с душком), проглотили свои порции, и после этого пеммикан вновь стал их постоянной пищей вплоть до того дня, когда мы были вынуждены убить очередного пса.

Самки первыми решились есть собачатину. Если бы я хотел приукрасить эту историю, то написал бы, что наши собаки, несмотря на голод, отказались от предложенного им свежего мяса потому, что оно было собачьим. Как было бы хорошо, если бы я мог утверждать: собаки, даже голодные, не едят друг друга! Нечто во вкусе добрых дикарей Жан-Жака Руссо, Бугенвиля и Дидро... К сожалению, это не так.

Прежде всего их удивил непривычный запах. Запах, а не вкус, ибо чувство вкуса, по-моему, у собак мало развито (любое мясо, если оно

с душком, охотно поедается ездовыми собаками). Если бы им дали крольчатину, результат был бы таким же. Помнится, лучшая моя собака, старый Палази, когда я привез ее во Францию, отворачивалась от телятины, хотя я нарочно не давал ей ничего другого.

Вильяльмур Стефансон [\[16\]](#) рассказывает, как он купил упряжку в местности, где собак кормили исключительно пресноводной рыбой. Добравшись до морского берега, они отказались от тюленьего мяса. Стефансон дал ему полежать несколько дней, пока оно не начало портиться. Он поставил интересный

опыт, чтобы решить эту проблему. Вот что он пишет: «Опыт ставился в «лабораторных условиях». Собак привязали, каждую отдельно. Ежедневно им давали по миске свежей воды. Рядом с миской клали по куску волчатины, который оставался там в течение всего дня. Вечером мы мясо убирали и уничтожали, так как не хотели давать ему тухнуть, ибо желали выяснить, сколько времени собаки будут довольствоваться одной водой, прежде чем согласятся есть свежее волчье мясо, пропитанное волчьим запахом. На второй неделе пять из шести псов друг за другом

приступили к еде, но шестой не дотронулся до мяса и через две недели. Он был самым старым в упряжке, а потому и самым консервативным».

Дни шли. Погода по-прежнему стояла скверная. Мы запаздывали с завершением маршрута все больше и больше. Многие отрезки пути были пройдены трижды: мы не разбирали палатку, клали на нарты лишь половину груза, отвозили его как можно дальше, возвращались налегке, затем укладывали палатку и вновь отправлялись с нею и оставшимся грузом к складу, где разбивали очередной лагерь. Стало

очевидно, что нельзя ориентироваться только на время и ограничиваться десятичасовой ходьбой. Было решено останавливаться, только пройдя десять километров, а они из-за перевозки груза по частям иногда превращались в тридцать. Самый долгий переход занял двадцать девять часов, в течение которых мы фактически продвинулись вперед лишь на десять километров. Но порой после двухчасового (а то и меньшего) невероятного напряжения мы бывали вынуждены сдаться и ставить палатку всего в нескольких километрах от предыдущего лагеря.

Когда, нагрузив нарты и готовые тронуться в путь, мы обходили собак, понукая их подняться, они не хотели вставать.

Тогда-то и началась необыкновенная история, о которой я расскажу.

Представьте себе, как мы были удивлены и вконец поражены, когда убедились, что день изо дня, лишь только мы начинали утреннюю возню в палатке, три собаки выскакивали из своих снежных берлог, встряхивались, таякали и порывались тянуть постромки, между тем как все остальные

продолжали лежать, свернувшись клубком, в своих норах, укрытые от пурги, и вставали в последнюю минуту с великой неохотой, из боязни, что бич засвищет над головой. А когда мы наваливались на нарты и один из нас шел вперед прокладывать путь на лыжах или без них в зависимости от характера снежного покрова, все три эти собаки натягивали постромки изо всех сил, стараясь сдвинуть нарты с места, и рвались вперед.

Вскоре стало очевидно, что все три — щенные. Было ли их нетерпение результатом беременности?

После этого открытия у нас появился лишний повод для беспокойства: что мы будем делать, если они ощенятся в дороге во время метели, за несколько недель до прибытия на западный берег, являвшийся целью экспедиции? Ни одному из нас, думаю, не приходило в голову единственное разумное решение: уничтожить щенят, чтобы их матери могли продолжать до конца путь с нами. Мы обсуждали, нельзя ли сделать на нартах подобие укрытия, где, защищенные от ветра, они могли бы кормить свои выводки. Ни разу мужество им не изменило, даже в последние дни путешествия,

когда отяжелевшее брюхо делало лень вполне оправданной, они всегда вставали первыми, таякали, чтобы подбодрить остальных собак и нас самих, и тянули построжки, словно это была увеселительная прогулка. Всякий раз, когда было возможно, мы давали каждой из них двойную порцию еды и старались по окончании перехода накормить их первыми, чтобы они могли больше поспать.

В понедельник 6 июля «путь на Голгофу» наших собак, а также наш собственный закончился. Накануне вечером мы впервые за сорок пять дней поставили палатку не на льду

или на снегу; это было нечто вроде оазиса – плоская песчаная площадка, окруженная моренными валунами, где наши нарты остановились, отныне ненужные. За ночь я несколько раз просыпался и выходил, чтобы насладиться необычайным ощущением ходьбы по твердой земле. Распряженные собаки вскакивали, когда я выходил, и ластились ко мне; первыми подбегали трое щенных. Я восхищался ими и был бесконечно им признателен: благодаря их мужеству и бодрости мы добрались до цели. А ведь мы наверняка не знали бы, что делать, если бы они ошенились в пути.

На другой день, после приготовлений, занявших пять часов, мы покинули в тумане «пустыню тысячи белых горизонтов», чтобы спуститься в «страну людей». Собаки бежали вслед за нами или опережали нас, скача по камням. От вида песка, гор, водопадов, от запаха мокрой земли и свежей травы их вновь обуяла радость жизни. Они задерживались на краю всех луж и жадно лакали ледяную воду, ведь почти два месяца у них не было ничего, кроме снега, чтобы утолить страшную жажду, вызываемую пеммиканом.

Внутри фьорда нас ожидала

хижина (это была хижина, в которой зимовала британская экспедиция 1930 года во главе с Джино Уоткинсом. Предусмотрев свое прибытие, мы забросили туда в течение зимы продукты для себя и собак). Мы распахнули дверь и сразу же вскрыли ящики с продовольствием. Сначала мы роздали собакам очень много вяленой рыбы, затем устроили для себя первое настоящее пиршество — пиршество на датский манер: суп из говядины; консервированная говядина, которую в те времена шутливо называли обезьяньим мясом; рис; овсяная каша с

огромным количеством сахара и молока; шоколад в плитках. Наполнив желудки, мы привели себя в порядок и вышли навестить собак, которые, тоже наевшись до отвала, спали вокруг хижины, впервые за долгое время вытянувшись во весь рост и разбросав лапы. Потом мы кинули жребий, кому где спать, и улеглись без долгих размышлений.

Несмотря на возбуждение, мы сразу же заснули долгим, благодатным сном без всяких сновидений, сном, о котором так мечтали. Мы больше не становились в тупик перед возникающими проблемами, нам больше не нужно

было принимать никаких решений. Мы могли есть и спать, не думая ни о чем, и наши собаки тоже. Надо было лишь спокойно дожидаться нашего друга Ямези, эскимоса-спасателя. Он должен был взять нас на свой умиак и отвезти в наш конечный пункт — поселок Тассидак, откуда мы уехали одиннадцать месяцев назад, когда Шарко взял нас на борт своего «Пуркуа па?»).

Я проснулся лишь в десять вечера, проспав много часов. Сначала — ни малейшего представления ни о том, где я, ни о том, в каких нахожусь обстоятельствах. Мало-помалу возвращаюсь из небытия и вижу

сначала одежду, развешанную на натянутых между гвоздями веревках, затем друзей, лежащих, как и я, на спальных мешках, брошенных на солому, взятую из упаковочных ящиков. Вслед за тем какое-то странное, неясное ощущение, какое трудно описать. Открываю глаза, прислушиваюсь. Тихо, только ветер посвистывает в щелях. Встаю и выхожу в чем мать родила. Над влажной землей поднимается легкий парок, под ногами мокрая трава. Во фьорде видны величественные силуэты нескольких айсбергов, ослепительно белых на серебристо-сером фоне моря. Почему я

проснулся, словно от толчка? Собаки все на месте, в тех же расслабленных позах, в каких мы оставили их за несколько часов до того. И между тем чувствую: что-то произошло.

Собираюсь вернуться в хижину, и мой взгляд падает на одну из собак: она лежит свернувшись калачиком и не спит, потом поднимает голову и смотрит на меня. По шерсти узнаю Арनावик, похудевшую и кормящую пятерых щенят. Она улыбается мне глазами и ушами.

Чтобы защитить ее от остальных псов (мало ли что может случиться, а эти щенята понадобятся мне в

будущем году), мы водворяем Арनावик с потомством в хижине и устраиваем ее поудобнее в углу. Она не противится. Каждый раз, когда мы берем одного из ее отпрысков, она нетерпеливо повизгивает, но не вскакивает, слишком занятая облизыванием и кормлением остальных, уже вцепившихся в ее соски.

Через некоторое время, около двух часов дня, снова просыпаюсь и спрыгиваю со своего ложа. За стеной какая-то возня, топот лап, приглушенное рычание. В таких случаях надо всегда выглядывать наружу, все ли в порядке. Собака

может быть тяжело ранена или даже убита во время драки. Может случиться и такая беда, какая постигла в этом году одного из наших гренландских друзей. Собаки разбудили его лаем, но он поленился встать. Утром ему пришлось рвать на себе волосы, когда он обнаружил, что причиной гвалта был визит двух медведей: пока он спал, они сожрали весь запас продуктов на его складе. Собаки с упоением рылись в мусорной куче, оставленной за хижинкой британской экспедицией: жестянки, проволока, старые аккумуляторы. Инаро, нахлобучив на голову ржавую банку, улепетывал с

места схватки, припадая на одну лапу.

Продрогнув, ведь на мне ничего нет, спешу вернуться. Но прежде чем закрыть за собой дверь, услышал под хижинкой писк. Став на корточки, заглядываю туда: Атеранги в свою очередь ощенилась! Щенят не видно.

В течение дня, воспользовавшись тем, что Атеранги вылезла из своего логова в поисках пищи, мы заманиваем ее в хижину. Тогда Мишелю удастся залезть в подполье и с помощью лыжной палки поймать одного щенка, а, чтобы вытащить остальных, Кнуд

мастерит сачок из бамбукового удилища. Их четверо, черные с белыми лапками.

Но их мать волнуется, перетаскивает малышей из угла в угол. Успокаивается лишь тогда, когда в самом темном закутке, между пустыми ящиками, мы устраиваем ей настоящее логово. Что касается Арनावик, лежащей у двери в кухню, она, нисколько не стесняясь, с гордостью выставляет свое потомство напоказ. Хотя ее весьма интересуется и наше хождение взад и вперед, и буча, время от времени затеваемая за порогом ее сородичами, она благоразумно

остается на месте и лишь поворачивается с боку на бок.

В девять часов вечера оказывается, что Сингарнак в свою очередь щенится в расщелине между камнями. При моем приближении Тиоралак (Снежный воробей) и Трофаст щерятся и рычат. Они добросовестно стоят на карауле. Я заговариваю с ними, ласкаю и всячески доказываю свои добрые намерения, прежде чем они позволяют мне просунуть голову в пещерку. Сингарнак не обращает на меня внимания, слишком занятая делом: облизывает троих щенят, таких же рыжих, как и она.

Ожидали ли все они – Арनावик, Атеранги и Сингарнак – дня выхода на твердую землю, чтобы ощениться? По этой ли причине они одни были так усердны и нетерпеливы? Совпадение? Не думаю. Скорее, удивительный материнский инстинкт.

4. Несколько рассказов о собаках

Безжалостная история Кренерака

того одиннадцать щенят, в том
четыре кобелька — слишком
самок! В дальнейшем мы всех
и своим друзьям-эскимосам,
ным, что в их собаках будет
вежая кровь.

аши три мамы так хорошо
и между собой в течение всего
ества, что не отличали своих
от чужих и одинаково
заботились о тех и других.

Но не все собаки одарены столь ярко выраженным материнским инстинктом. Я убедился в этом во время следующей зимовки, о которой с волнением вспоминаю и тридцать пять лет спустя. Это было в октябре 1936 года. Вместе с принявшей меня семьей эскимосов я закончил сооружение хижины, и мы уже несколько недель жили в ней. Мой друг Кристиан (его эскимосское имя – Тугартугу, т.е. Ворочающийся во сне, впрочем, я никогда не замечал этого в течение многих ночей, проведенных в одной палатке с ним на охоте и при исследовательских поездках) достал тюленя «идивитси»

из хранилища. (Летом в случае удачной охоты хорошие охотники делают запасы на зиму: тюленей целиком, сняв с них шкуру или не делая этого, заваливают камнями и съедают лишь через 6–7 месяцев, когда мясо уже порядком испортится.)

Мужчины, согнувшись, чтобы не задеть спиной потолок, рывками проталкивают тушу сквозь входной коридор. За нею тянется широкий и длинный кровавый след, к которому сползаются щенята, повизгивая от возбуждения, высунув розовые язычки и задрав хвостики. В коридоре четыре человека копошатся

возле тюленя; он шире и толще человеческого тела, поэтому места для прохода почти не остается. Кому нужно выйти, тот обычно вежливо уступает дорогу входящим (поскольку любая опасность, связанная с необходимостью срочно выйти, возникает снаружи). Топыряты зады, обтянутые меховой одеждой, люди с трудом продвигаются вперед.

Все женщины и дети иглу здесь. Сегодняшнее событие ожидалось с нетерпением, так как охота за последнюю неделю ничего не принесла и мы питались лишь раздаваемыми мною рисом,

макаронами, чечевицей и галетами. А эскимос, даже когда желудок у него полон, но если он не ел мяса, скажет: «Капунга» (хочу есть).

Наконец тюленя медленно вытаскивают из коридора, водружают перед лежанкой Кристиана, и к разделке туши приступают мужчины. Ибо, когда тюленя привозят после охоты, его разделывают женщины, а тюленя «идивитси» — только мужчины. (Тюлень, доставленный охотником, является собственностью его матери, а тюлень «идивитси» принадлежит отцу.) И это понятно: мясо только что убитого тюленя можно есть лишь

вареным, а далеко не свежее мясо «идивитси» — деликатес, самый любимый из всех местных и привозных видов пищи, — сырым.

Мужчины отхватывают огромные куски черного мяса, а женщины, болтая, визжа и смеясь, терпеливо ждут, пока им протянут ломти, сочащиеся кровью. Мало-помалу по хижине распространяется острый запах. Его издает и теплый парок от разделываемого тюленя, и испарина жующих людей.

Привлеченные запахом крови, щенята пробираются в хижину. Сначала, смущенные собственной

смелостью, они шныряют между ногами мужчин — неодолимое, казалось бы, препятствие, преграждающее путь к куче мяса, лежащей на полу. Вдруг отчаянный визг, тывканье, частый топот: щенок получил удар по спине или по морде и удирает, поджав хвост, но трепка не помогает. Дрожа от страха и возбуждения, он снова тянется к мясу, а через несколько минут тот же щенок получает за свое нахальство еще один пинок в зад.

Пока щенята визжат, а люди жуют, рыгают, переговариваются, туша тюленя все уменьшается, внутренности вываливаются на

мокрый пол.

— Кровь течет! — вскрикивает Микиди. Черный, вязкий ручеек струится по шкуре, на которую уложен тюлень.

Микиди поспешно кидается к драгоценной жидкости, зачерпывает ее, сложив ладони лодочкой и выливает в поставленную рядом миску, делая иногда глоток-другой.

У Одарпи полон рот, он шумно жует. Схватив большой кусок черного мяса, увенчанного толстым слоем жира и сочащегося каплями, он быстрым движением ножа

отхватывает его вровень с губами и
вбирает в рот.

– Отличная еда! – бормочет он.

Йозеппи, Текри, Габа, Кристиан,
Одарпи, Микиди, обступив тушу,
кромсают ее, режут на куски,
облизывают пальцы, запихивают в
рот мясо и сало, жуют, глотают,
протягивают каждый своей жене
дымящиеся куски... И все это в
полумраке, еле-еле озаренном
масляными лампами. Какая-то
замедленная киносъемка, тихое
священнодействие, почти
молчаливое, прерываемое лишь
глухими шлепками, за которыми

следует собачий визг.

— Попробуй хоть кусочек! — настойчиво предлагает мне Микиди.

И я съедаю ломтик толщиной в два пальца. Вкус мне знаком: вроде как у незасоленного, уже с душком мяса, в котором забыли нож, успевший заржаветь. Ничего, есть можно, несмотря на привкус крови, который мне не особенно нравится.

— Ешь, ешь! — подбадривает Кристиан.

К счастью, я знал, какое губительное воздействие оказывает

такое мясо на мой желудок, и помнил, что Кнуд Расмуссен, куда более привычный к подобной пище, чем я, умер от желудочного заболевания после трапезы, похожей на эту.

Вдруг Думидиа, выглянувшая в окно, зовет меня:

– Биту, Виту, скорее выйди! Собаки загрызут Кренерака!

Догадываюсь, что происходит. Накануне Кренерак, месячный щенок, дважды приковылял, задрал хвостик, к тому месту перед хижиной, где собаки роются целый

день, грызут кости, а снег испачкан их мочой и пометом. Понимая опасность, я дважды прогонял его, дав пинка под зад и криком веля убраться назад в конуру. Он убегал, неуклюжий, как медвежонок, испуганно повизгивая, но, подобно всем малышам, был непослушен.

Я стремглав выскочил из хижины, больно ударившись головой в один из поперечных камней, образующих кровлю над входным коридором. На снегу противная черно-белая собака, принадлежавшая Микиди, узкомордая, тощая, кривоногая (на восточном берегу Гренландии многие псы страдают

рахитом), держала в пасти безжизненное тельце Кренерака. Ее зубы вонзились в его брюшко. Не обращая на меня внимания, она сжимала челюсти; морда у нее была в крови.

Я пришел в ярость. До сих пор не помню случая, чтобы мной овладевал такой гнев: характер у меня спокойный и уравновешенный. Дело было не только в том, что Кренерак, мой любимый щенок, очень мне нравился: его черный хвост с белым кончиком всегда стоял торчком, глаза были до странности широко посажены. Но меня вдобавок возмутила глупая жестокость этой

собаки, которую любой из моих псов мог опрокинуть одним ударом лапы. Если бы она подралась, например, с Кивиоком, которым я особенно дорожил, и убила бы его в честном бою, я огорчился бы, но счел бы это нормальным и даже поздравил бы Микиди с тем, что у него такой сильный пес. Но наброситься на столь беззащитное, слабое создание, как щенок, которому нет и месяца, — отвратительно!

Я схватил мерзкую зверюгу за холку, заставил ее выпустить добычу и перебросил через большой камень, к которому она притулилась. Она шлепнулась на спину с воем, который

мне приятно было услышать, но сейчас же вскочила и снова кинулась на Кренерака, неподвижно лежавшего у моих ног на снегу. Не владея собой, я вцепился в нее, придавил к земле. Палки под рукой у меня не было, и я осыпал ее ударами пяток: хорошо бы ее прикончить! Но я был обут в мягкие камики (эскимосские сапоги), набитые травой, и эти удары, слишком слабые и нечувствительные для нее, не могли причинить особенной боли. Вышедший следом за мною Габа, считая наказание недостаточным, схватил лопатку и изо всех сил ударил собаку по голове. Упав, она

некоторое время не шевелилась.

Я унес Кренерака. Его тельце было сплюснуто — вероятно, все внутренности раздавлены. На минуту оторопев, я не знал, что делать, потом бросил его в бухту, где громоздились льдины, наплывая друг на друга. Какое-то время я различал черную точку, качавшуюся на воде. Глаза у меня заволокло слезами.

На обратном пути я еще раз пнул проклятую собаку, но это не принесло мне никакого удовлетворения.

Если бы эту взбучку задал ей

хозяин – Микиди, то через несколько минут она подползла бы к нему и стала бы лизать руки; но ей прекрасно было известно, что хозяин не я. Впоследствии, завидев меня даже вдалеке, она поджимала облезлый хвост, ерзала задом и лаяла на меня – признак страха (я ее понимаю).

Возвращаюсь в хижину...
Остались только голова и позвонки.
От запаха, хоть я и привык к нему, перехватывает дыхание.

Стоит страшный гам. Мужчины, женщины, дети – все перепачканы темной кровью. Вымазались чуть не

целиком: Табита, почти младенец, в тюленьей крови по уши, взрослые — по локоть. Все орудуют ножами, жуют, высасывают мозг из костей, болтают, кричат, хохочут... Но меня это больше не забавляет: у меня комок в горле, я думаю о крохотном тельце, пошедшем ко дну...

Вообще говоря, собаки-матери очень заботятся о своих щенятах, которые почти всегда рождаются в тяжелых и суровых условиях.

Однажды ночью в сентябре 1936 года, когда общая хижина еще не была построена и мы жили в палатках (я — в своей, остальные — в

больших шатрах из тюленьих шкур), мне никак не удавалось заснуть: такой вой подняла одна из моих собак, Вапс, сидя на цепи. Это была еще молодая, рыжеватая сучка, очень ко мне привязанная, которую и я любил. Она впервые ждала потомства, и я приготовил для нее удобное ложе в расщелине между скалами, постлав на землю упаковочную солому из ящиков и мешков.

Шел проливной дождь. Капли барабанили по палатке, но, несмотря на это, я слышал визг и тывканье Вапс и лязг цепи о камень, к которому та прикреплялась. У меня

не было ни малейшего желания выходить в непогоду, и я долго колебался, но потребность в спокойном сне и отдыхе одержала верх. С трудом я поднялся, ругая «избалованную животину, заимевшую привычки цивилизованных собак». Кое-как напялив свитер и натянув камики, я накинул на шею шарф и нырнул в темень. Вапс, лишь только я ее освободил, сразу же метнулась к логову, пользоваться которым я ее уже приучил.

К моей пирамидальной палатке был пристроен входной коридор длиной около двух метров – тамбур,

где, как в эскимосских хижинах, я и мои посетители могли снимать мокрую или засыпанную снегом верхнюю одежду. Там же я хранил свою кухонную утварь и провизию в нескольких ящиках. Этот тамбур снаружи закрывался пологом, прикрепленным к стойкам. Обычное входное отверстие в палатке могло оставаться открытым, но я закрывал его на ночь, когда хотел, чтобы меня не беспокоили.

Утром, открыв отверстие, я обнаружил, что Вапс лежит в коридоре, свернувшись в тепле клубочком, хорошо укрытая от непогоды, и ее сосут два серых

щенка, появившиеся за ночь на свет в ее логове. Открытое ветру, и недостаточно безопасное для щенят, оно ей не понравилось, и она перебралась в единственное место, какое считала недоступным и разгулу стихий, и возможным врагам, поближе ко мне и к моей палатке...

Элен и Апалуток-Босс

Не у всех собак, однако, сильно развит материнский инстинкт, и не

все яростно стараются уничтожить чужих щенят.

Пример тому нам довелось наблюдать во время первой зимовки на Земле Адели в 1950 году. Тогда экспедиция [\[17\]](#) под руководством Андре-Франка Лиотара ставила целью в числе прочего сделать географическое описание части Антарктики, открытой в 1840 году Дюмон-Дюрвилем. [\[18\]](#) Он провел там лишь сутки, так что берег Земли Адели общей длиной около трехсот пятидесяти километров оставался до тех пор неисследованным.

Для изучения местности и для

передвижений по зимнему припаю с целью сделать съемку берегов были необходимы собаки, и это несмотря на явные приметы технического прогресса, наличные гусеничные вездеходы, самолеты, а вскоре и вертолеты.

Я снова приобрел упряжки в Гренландии, в Якобсхавне. Но на сей раз у меня не было времени действовать так методически, как при подготовке к переходу через Индландзис в 1936 году. Когда упряжки прибыли во Францию, к ошейнику каждой собаки прикрепили ярлык с указанием ее клички. Увы, у ярлыков недолгая

жизнь, поэтому многих собак члены экспедиции переименовали, причем они дали волю своей фантазии: Элен (по имени возлюбленной, оставшейся дома), Ифо (от il faut) [\[19\]](#) и т.д.

У Элен, черной собаки с рыжими подпалинами вокруг глаз и на животе, были темные выразительные глаза, немало говорившие о ее характере. Очень независимая, она тем не менее хорошо работала в упряжке; очень упрямая, была по-волчьи умна. Часто она убегала, чтобы с удивительной ловкостью и быстротой убить нескольких пингвинов не с целью

съесть их, а просто желая получить удовольствие от охоты.

Если Элен отсутствовала, то можно было быть уверенным, что она отправилась «на промысел» и опустошает пингвинью колонию. Вернувшись через несколько часов, она стоически, не визжа, глазом на моргнув, переносила наказание. Понимала ли Элен, что заслужила его?

С дьявольской ловкостью она отвязывалась и прямо-таки выskalзывала из своего ошейника или освобождалась от упряжи. Сучек терпеть не могла, умела драться не

хуже кобеля и нападала на любую самку, приближавшуюся к ее семи компаньонам по упряжке.

Элен была превосходной ездовой собакой. Лишь только на нее надевали сбрую, становилась удивительно послушной, ровно тянула в течение многих часов, не ослабевая. Если ей нездоровилось, скрывала это. Жорж Шварц, ее хозяин, видел однажды, как ее вырвало на ходу, но она не замедлила бега, а только отвернула голову в сторону и продолжала тянуть постромку.

На одном этапе она принесла

несколько щенят, оставила их на льду и, не беспокоясь, что с ними будет, вновь заняла свое место. Их, конечно, тотчас же подобрали.

Лишь однажды Элен проявила слабость. Обычно она бросала своих детенышей подыхать или попросту съедала их. Шварц, которому хотелось иметь побольше черных собак, уже потерял надежду на то, что ему удастся когда-либо сохранить хоть одного ее потомка, и вдруг Элен летом снова оценилась. Троих, как всегда, бросила, но четвертого, ко всеобщему изумлению, стала пестовать.

Чтобы оградить новую семью от всяких случайностей, хозяин запер ее в сарайчик для инструментов. Там, укрытая от ветра, удобно устроившись на старых мешках, Элен любовно выхаживала сына, защищая его от всех посторонних и даже от самого Шварца, когда тот пытался войти.

Однажды ночью все собаки принялись выть в унисон, побуждаемые к этому не то каким-то странным беспокойством, не то тысячелетним инстинктом. Элен попыталась присоединиться к ним. Придя в неистовство, прыгая как бешеная, она чуть не разнесла

сарайчик, но выбраться из него ей не удалось. На другое утро ее нашли лежащей распростертой рядом со щенком, которого раздавило откатившееся запасное колесо.

Больше Элен никогда не заботилась о своих малышах.

Босс, о котором газеты много писали, когда в 1953 году мы привезли собак с Земли Адели, был в одной упряжке с Элен.

(Из-за отсутствия средств я был вынужден с 1953 по 1956 год прекратить всякую деятельность в Антарктике. Пришлось привезти во

Францию собак экспедиции Марре, так как единственным другим выходом было перебить их. Один друг животных обещал заботиться о них. Но за неделю до прихода корабля в Марсель он был вынужден взять свое предложение обратно, и мы остались с двумя десятками собак на руках и без гроша в кармане. В отчаянии я телефонировал доктору Мери, который в тот же вечер обратился по радио ко всем любителям собак. Результат оказался сногсшибательным: на следующий день в пять часов утра вереница такси выстроилась в очередь у дверей

нашего бюро (а пароход должен был прийти только через неделю). Все эти добрые люди думали, что им достаточно приехать, чтобы получить одну из наших собак. От огорчения они чуть не разнесли бюро. С этого же дня валом повалили письма, их набралось в конечном итоге около пяти тысяч. Для их разборки пришлось организовать целый отдел, ведь на каждое письмо нужно было ответить. Я сделал строгий отбор и оставил только наиболее интересные предложения, главным образом от зимних спортивных центров, желавших получить целые упряжки, а также от врача из Канталя д-ра

Делора – он впоследствии посещал своих больных в сельской местности зимой на собачьих нартах.)

Впервые я увидел Босса еще в 1948 году. В предыдущем году я организовал Управление французских полярных экспедиций.

[\[20\]](#) Первая наша послевоенная экспедиция отправилась в Гренландию, где я намеревался изучить огромную ледяную пустыню, так очаровавшую меня десятью годами ранее. Мы с товарищами приехали в Якобсхавн, на западном берегу Гренландии, где я уже бывал и где у меня имелось немало друзей. На «улицах» этого эскимосского

селения старый зимний снег, грязный от всех нечистот, какие оставляют люди, и потемневший от летней пыли, был перемешан с недавно выпавшим. Со своим старым другом, эскимосом Габа, я отправился в загон для моих собак. «Мои собаки»... Эти слова, которые я давно не произносил даже мысленно, пробуждали множество воспоминаний, почти изглаженных семью годами войны и ставших для меня чуть ли не реминисценциями иного мира. Укиок и его семья, Палази со своей упряжкой, Питермасси, Тиоралак и его свора, Экриди, Тимертсит, потом мои

аляскинские собаки — все они, несмотря на то, что мы вместе проехали тысячи километров, несмотря на то, что мы вместе терпели и голод и холод, были теперь лишь клички, сохранившиеся в моей памяти, клички, какие припомнить мне стоило немало труда. И вот вдруг я снова среди друзей-эскимосов, и старый Габа, с которым я охотился еще в 1936 году, ведет меня по улицам Якобсхавна к «моим собакам»...

Мы остановилась перед псами. Завидев нас, они натянули цепочки и возбужденно запрыгали.

– Витту, – сказал Габа, – я отдаю тебе свою лучшую собаку.

Он подошел к большому кобелю, серому с рыжими пятнами, с короткими ушами, носившими следы многочисленных схваток, с крупной мордой и глазами не такими раскосыми, как у его сородичей. Загнутый баранкой хвост слегка вилял, уши двигались – так он улыбался, а в глазах читалось нетерпеливое, еле сдерживаемое ожидание.

– Его зовут Апалуток (Рыжик)! – сказал Габа. Услыхав свою кличку, пес встал на задние лапы, а передние

положил на плечи эскимоса. Я погладил его, потрепал по спине, почесал за ушами, чтобы привлечь внимание, но со мной он был вежлив, и только, а хозяину выказывал знаки преданности и любви.

– Испробуй его! – предложил Габа.

Вскоре, усевшись на нарты, застланные оленьей шкурой, с бичом в руке, как в доброе старое время, я катился к замерзшим озеру и реке и болтал с собаками, вожак которых был Апалуток.

Пять лет спустя я вновь встретил его, вернувшегося из Антарктики. Он переименовал и кличку и хозяина. Быть может, ярлык, прикрепленный к его ошейнику старым Габа, давно затерялся где-то между Францией и Южным полюсом. Теперь пса звали Босс. В 1948 году он отправился в путь со своими товарищами по упряжке на нашем полярном корабле «Майор Шарко», но из-за непроходимых льдов корабль не смог достигнуть Земли Адели в первое плавание (1948–1949 гг.) и высадил собак в Австралии. Там Босс и прочие, так же как и лабрадоры, полученные нами от британской

экспедиции на Землю Грейама (ныне носит название Антарктический полуостров), провели зиму в Мельбурнском зоологическом саду, привлекая умиленных зрителей. Следующим летом они вновь отплыли на зашедшем за ними корабле. После этого в наших последующих антарктических экспедициях — Лиотара, Барре, Марре — Босс участвовал во всех поездках как по пустынному плоскогорью континента, так и по коварному припаю.

По приходе «Меконга», доставившего с Земли Адели собак и нескольких пингвинов, мы все —

глава нашей 3-й Антарктической экспедиции Марио Марре, ее биолог Прево, специалист-собаковед Жорж Шварц и я – еще раз заглянули в список тех лиц, кому намечалось отдать собак. Учитывались особенности каждой из них, родство между ними, привычки, взаимоотношения. Их раздавали немногим любителям, жившим в горах. Тем самым мы в значительной степени избегали опасности потерять сразу всех в случае возникновения какой-либо эпидемии. Избегали мы и беспощадных столкновений между собаками разных упряжек, часто

заканчивающихся гибелью одного из противников и неизбежных, если свору, столь разнородную, не разделить на группы.

Мы снова тщательно проверили, насколько лица, которым отдадут псов, подходят для этого, ибо собаки бывают разные, как и люди, а эти собаки были для нас все равно что люди. Они были нашими друзьями, а для участников антарктических экспедиций — братьями, вместе с которыми страдали, боролись и победили самую враждебную в мире природу, братьями, не раз спасавшими нам жизнь. С такими братьями разлучаться нелегко...

— А где же мы оставим Босса? — спросил Марре. Случай был действительно особым. В самом деле, прочих псов можно было после долгих размышлений распределить так, чтобы избежать стычек и грызни внутри каждой группы. Но Босс был одиночкой. В былые дни признанный всеми вожак упряжки, он, состарившись, утратил силу, необходимую, чтобы заставлять повиноваться. Его уже однажды, как мне рассказал Марре, одолела собака моложе и сильнее, чем он. И как всегда бывает в подобных случаях, на другой же день Босс из вожака, чью власть никто не оспаривал,

превратился в старого, беззубого пса с полуоторванными ушами, не могущего добиться уважения со стороны более молодых собак, ибо преемник одним махом то и дело опрокидывал его наземь, дабы отомстить за годы подчинения его диктаторской власти.

— Если мы оставим Босса в своре, то не пройдет и недели, как его загрызут, — заметил Марре. — Даже если он будет в компании лишь двух-трех псов, это вопрос месяца. Он — одиночка и может выжить только в одиночку. К тому же он очень стар: ему больше десяти лет, может быть все четырнадцать.

Из четырех или пяти тысяч полученных нами предложений Лиотар и Шварц выбрали идеальное: одна великодушная дама, владелица дачи, согласилась обеспечить Боссу привольную жизнь до конца его дней.

– Отлично! – воскликнул Марре.
– Это как раз то, что ему нужно.

Мы взошли на борт «Меконга» с нашими друзьями из Общества покровительства животным, чья помощь была весьма ценной. Собаки размещались по три-четыре в просторных выгородках, специально устроенных для них еще в

Мельбурне. Босс находился в обществе двух годовалых псов. Лежа в углу, он лишь приподнял голову и посмотрел на нас грустными глазами.

И не тогда, а позже, уже в вагоне поезда, увозившего нас из Марселя, я узнал Босса и понял, что это был Апалуток из Якобсхавна, лучшая собака моего друга эскимоса Габа.

Экспресс «Мистраль» катился в Париж: Марре и Прево возвращались домой после полутора лет отлучки. У их ног лежали Босс и щенок, принадлежавший Прево. Время от времени собаки поглядывали на них

из-под скамеек преданными глазами. Иногда Босс прижимал свою львиную голову к коленям Марре, и тот машинально гладил ее. Как бы для того чтобы Прево не ревновал, Босс клал свою крупную лапу ездовой собаки и на его колени, и Прево молча ее пожимал. Три друга смотрели на мелькавшие в окне деревья и зеленеющие поля сельской Франции.

В следующее воскресенье Босс добрался до конечного пункта своих странствий, освоился с новыми владениями, познакомился с новой хозяйкой, заранее его полюбившей.

Пса окружили заботой, лаской, уходом, как человека. Конец баталиям, пуржистым ночам, борьбе за выживание... Он познал мирную жизнь, и многие люди могли ему позавидовать.

Габа в Якобсхавне удивился и обрадовался, когда я рассказал ему о судьбе Апалутока...

Тимертсит и Экриди

Я уже упоминал, что в Арктике, этой безжалостной стране, царит закон сурового отбора, естественного или искусственного.

Люди здесь ежеминутно борются за свою жизнь и за ее продолжение. Всякое нарушение повседневной жизни грозит цепной реакцией явлений, конечный результат которой может быть драматичным или катастрофическим. Собаки должны помогать людям в этой борьбе, а не мешать им.

Если за один раз рождается четверо щенят, из которых три сучки

(а для упряжки нужна лишь одна), или если требуется только две собаки, эскимос уничтожает лишних щенят. Мы тоже поступаем так, но необходимость этого куда менее очевидна и, конечно, менее настоятельна. Эскимосы топят новорожденных щенят в море или в полынье. Я никогда не мог привыкнуть к этому, но был вынужден признать, что в условиях столь своеобразной среды — несомненно, самых суровых условиях на земле — такой поступок является нормальным. Более того, если вы предпочитаете другое выражение, он в порядке вещей. Во всяком случае,

он более нормален и менее жесток, чем гнусное поведение многих обывателей, которые, отправляясь в отпуск, выбрасывают собаку или кошку за дверцу машины, лишь только выедут на автостраду.

Эта борьба за продолжение рода свойственна в Арктике не только людям. Она является неотъемлемой, диктуемой инстинктом особенностью жизни тамошних животных. Это в равной степени относится и к собаке, хотя уже много тысячелетий, как она одомашнена, живет с человеком, помогая ему и пользуясь его помощью сама.

Из щенят, появившихся на свет в день нашего «возвращения в страну людей», две собачки стали моими повседневными спутницами, чуть ли не моими детьми. Их матерью была Сингарнак. Серо-рыжие, они были похожи, как всякие близнецы. Но чтобы отличить одну от другой, мне не требовалось привязывать к их хвостикам ленточки разного цвета: я быстро научился узнавать каждую по еле заметным отличиям, какие всегда бывают у близнецов: у одной мордочка была чуть-чуть темнее. И характеры их различались в степени достаточной, чтобы я мог распознать любую по некоторым особенностям

поведения.

Я назвал их Тимертсит и Экриди по именам воображаемых жителей, которыми гренландские эскимосы населили великую ледяную пустыню.

(Тимертситы – вечно голодные гиганты. Чтобы наесться вволю, когда захочется, они носят с собой, привязав к нижней челюсти, всю кухонную утварь, масляную лампу и котел, в котором варят медведей, тюленей, нарвалов, а иногда – всю нарту с людьми и собаками. Экриди – существа не столь огромного роста, но они тоже думают лишь о еде. Они более разборчивы и предпочитают

человечину. Похожи на голых людей, ходящих на четвереньках.)

Обе собачки очень много ели, как только такая возможность представлялась. С самого рождения их толкал к этому инстинкт полярных животных, создавая «рефлекс пищи». Инстинктивно подстраховывая себя на завтрашний день, когда пищи, возможно, не будет, они обжирались до того, что не могли ходить. У меня с тех пор побывало немало собак (и кошек тоже), но ни у кого я не замечал такой прожорливости; те, явно более одомашненные, утратили инстинкт борьбы за жизнь, целиком доверясь в

этом отношении человеку. У ездовых собак ничего подобного нет. Правда, человек всегда с ними, он их кормит, но все-таки они рассчитывают только на самих себя.

Наевшись, Тимертсит и Экриди лежились на мои колени брюшком вверх, совершенно круглым, до того оно было набито. Они моргали то одним, то другим глазом, зевали, высовывая язычки, и лизали мне руки. Хватали мой палец маленькими острыми зубками и покусывали; если я не реагировал — кусали сильнее. Палец солоноват, и лизать его так приятно!

Желая сесть на задние лапки, они были вынуждены расставлять их как можно шире, чтобы поместить между ними раздувшееся брюшко.

По мере того как они росли, я кормил их разваренной акульей печенью, мелко нарезанным акульим мясом или овсянкой на воде, но с тюленьим жиром, чтобы было вкуснее. Однако мои друзья-эскимосы советовали не класть много жира, ибо от него «щенячьи кишки дырятся». А порой после удачной охоты я давал им большие куски мяса, сочащиеся кровью.

Иногда в их животиках что-то

бурчало. Щенята посматривали на свое пузо, прислушивались, наклонив головы и насторожив ушки, потом кидали взгляд на меня, словно для успокоения.

Когда они спали лежа на боку, их лапки, неподвижные, как щепки, торчали над набитыми брюшками.

Из-за обильного питания они частенько позволяли себе кое-что лишнее на моем спальном мешке, облюбованном ими под местожительство. Я поспешно сбрасывал их наземь, но они спали так крепко, что ничего не замечали и продолжали дрыхнуть, периодически

всхрапывая как нельзя более
комично.

В сущности щенята эти были
довольно чистоплотны. Не
проявлялся ли и в этом
атавистический инстинкт волка,
одного из немногих животных,
умеющих сохранять нору опрятной и
постоянно ее чистящих?

Время от времени собачки
вставали, ковыляли в конец
коридора, ведущего в палатку, искали
привычное место, облегчались там и
возвращались, чтобы снова улечься
возле меня.. Но никто не учил их
этим хорошим манерам...

Мне никогда не надоедало наблюдать за ними, вести запись их поступков, отмечать быстроту реакции, даже если эти два чертенка утомляли меня, что порой случалось.

Они находили любой повод проявить любопытство или удовлетворить прожорливость, которая, как я уже сказал, объяснялась инстинктом сохранения рода. Благодаря мне у них всегда была еда, и даже больше, чем надо. Но длительная борьба предков за жизнь передала им по наследству навык набивать себе брюхо любой пищей, пока не почувствуешь, что вот-вот лопнешь. И все, что мало-

мальски напоминало съедобное,
должно быть незамедлительно
исследовано.

Однажды я ел
консервированную морковь,
сдобренную ромом, который мне дал
Шарко, узнав, что я не взял с собой
никаких спиртных напитков.
(«Забавное сочетание», — скажете вы
и будете правы. Но я чувствовал
иногда потребность приправлять
чем-нибудь острым свою пищу,
обычно однообразную и довольно
пресную.) Несколько капель я
пролил, и тотчас же Тимертсит и
Экриди принялись обнюхивать это
место. Они стали чихать не

переставая и в таком темпе, что не успевали переводить дыхание. Каждый раз они отфыркивались столь сильно, что стукались мордочками о землю.

За ними нужно было все время следить, чтобы они не переедали. Если я упускал это из виду, они могли отрыгнуть избыток съеденного тут же, на месте.

Обе они с самых юных дней умели выражать свои желания. Так, когда им нужно было выйти, они садились перед дверью и выпускали два-три жалобных вздоха, похожие на мяуканье, поглядывая при этом в

мою сторону.

Жили мы в самом тесном содружестве. Запомнился мне один зимний вечер. Притулившись на завалинке у окна своей хижины, лицом к фьорду, я вглядывался в темноту. Экриди и Тимертсит сидели у моих ног, насторожив ушки, и тоже смотрели.

Ни малейшего ветерка, тридцатиградусный мороз... Печка в хижине давно погасла, но все же я чувствовал спиной теплоту, проникающую через стенку.

Над припаем, далеко на востоке,

за горами, закрывающими вход во фьорд, зарождается северное сияние. Оно растет, бахромчатые складки покрывают все небо, вплоть до ледяной пустыни на западе, за горой Нартидок (Брюхатой горой). Эта движущаяся завеса – и плоть, и душа, и сердце ночи; словно живое существо, она шевелится, трепещет, как будто страдает, смеется, плачет. Иногда засыпает, делается неподвижной и вдруг пробуждается, щеки розовеют, синие очи расширяются... Устав играть своими переливами, оно умирает, чтобы тотчас же снова появиться где-то за припаем, не видным из-за гор у входа

во фьорд. И я восхищаюсь величием зрелища, неведомого большинству остальных людей.

Тимертсит и Экриди тоже как будто поражены красотой этого явления природы. Они следят за ним глазами с невозмутимой серьезностью. Время от времени то одна, то другая переводит взор на меня, желая убедиться, что я тоже чувствую эту красоту.

Две звезды, «аттит», уже поднялись над горизонтом; их появление предвещает восход солнца, а вместе с ним — радость и надежду. Уже больше месяца, как

солнце всходит ежедневно около полудня. Ндартсик – звезда, чей путь по небу заменяет полярной ночью движение солнца, – блещет высоко на юге. Льдины тихо трещат, шуршат, скрежещут, словно шушукуются между собой. Кроме них, никого не слышно, этот шорох везде. В глубине фьорда грохочет обвал: горы тоже хотят принять участие в разговоре льдин.

Но вдруг раздается голос, вначале отрывистый, как икота, затем напоминающий рыдание. Длинная нота непрерывно тянется, вибрируя, мало-помалу заполняет собою все. Не остается места ни для

чего, кроме этой жалобы: она
вездесуща, всепроникающая,
всеобъемлюща. Порой стихает, даже
умолкает, но возобновляется снова с
удвоенной, утроенной силой. Это
воют собаки, неразличимые в
темноте.

Тимертсит и Экриди слышат
этот зов и, обернувшись ко мне,
вопрошающе смотрят на меня, их
защитника. Что это за звуки, от
которых переворачивается все нутро,
сжимает горло, делается не по себе?

И вскоре они не выдерживают.
Задрав мордочки, закрывают глаза и
тоже начинают выть,

присоединившись к общему хору.

В этой пугающей, по-своему чарующей глуши я в полной мере оценил, какое место занимают в моей жизни собаки, мои повседневные спутники. Наверное, то же самое чувствовали и они, ведь они жили лишь благодаря мне и для меня, хотя их поведение целиком определялось могучим атавизмом и тем, что теперь называют окружающей средой.

Тимертсит и Экриди не отставали от меня ни на шаг. Когда я шел куда-нибудь, они бежали передо мной на таком расстоянии, чтобы я,

шагая, не задевал их задники, и все время оглядывались. Можно сказать, что они следовали за мной, находясь впереди. Когда я скрывался, они начинали визжать и искать меня везде. Выбегали из хижины и, если не находили меня, сейчас же кидались назад, чтобы посмотреть, не вернулся ли я за это время. Такое бегание взад и вперед продолжалось вплоть до моего прихода.

Лишь только слой снега стал достаточно плотным, я начал каждое утро выезжать на нартах. В начале ноября 1936 года настал великий день: вместе с Кранорсуаком, Тиоралаком и Кивиоком я впервые

запряг Тимертсит и Экриди.

Как только мы тронулись, Тимертсит без всякого стыда села на снег, глядя на меня и повизгивая, чтобы разжалобить. Пришлось дергать за постромку, чтобы она сдвинулась с места. Экриди, наоборот, с самого начала повела себя как нельзя лучше.

Когда мы спустились на озеро, Тимертсит, как будто уразумевшая правила игры, почти бесстрашно побежала по черному льду, а у Экриди закружилась голова, и она заскользила по льду брюхом, не зная, куда приткнуться.

На обратном пути обе мчались с остальными псами, как уже искушенные опытом ездовые собаки.

Впрочем, не так-то уж искушенные!

Через несколько недель я воспользовался тем, что метель, свирепствовавшая уже много дней, прекратилась и можно было выехать на собаках. Снег еще валил, но ветер стих. Над белым саваном, покрывшим землю и припай, сгустился туман. Я отправлялся на охоту и заодно также чтобы потренировать Экриди, а в особенности Тимертсит, которая,

когда бывала запряжена, иногда принималась за свое.

Быстрым, веселым галопом мы добрались до места охоты на акул. Вдруг Тимертсит отказалась бежать дальше. Обычная комедия! Несколько ударов бича по заду ни к чему не привели. Я схватил ее за шею и круп и толкнул вперед, но безуспешно. Пришлось сделать над собой большое усилие, чтобы остаться спокойным, видя такое непослушание.

Я укоротил ее постромку до длины руки, но и это не помогло. Мой друг Иозеппи подъехал на своих

нартах, чтобы выяснить, в чем дело. Пассивное сопротивление Тимертсит перешло в активное: она стала тянуть изо всей силы, но в обратную сторону, к нартам Иозеги.

– Поезжай вперед! – крикнул я ему. – Сделай большой круг мимо Игазагайика и вернись с северной стороны!

Когда Иозеги удалился на достаточное расстояние, я последовал за ним по проложенной им тропе. Тимертсит, охотно превращавшая работу в игру, рванулась как бешеная, стараясь догнать видневшиеся вдали нарты.

Тогда я незаметно свернул с тропы на юг. А Иозеппи, как я ему велел, направился на север, чтобы вернуться оттуда к хижине.

Тимертсит по-прежнему усердно тянула. Правда, она проявила некоторое беспокойство, вытягивала шею, настораживала уши и искала нарты на горизонте, но всетаки продолжала работать как следует.

Вдруг она остановилась, чтобы оглядеться. Бич просвистел над ее головой и дал понять, что так поступать не полагается.

На ходу я мало-помалу удлинял

ее постромки до тех пор, пока они не стали такой же длины, как и постромки Тиоралака, Кивиока, и все вошло в норму: Тимертсит наконец поняла, в чем ее обязанности.

Видя, как моя упряжка возвращается в полном порядке, Иозеппи покачал головой и сказал:

– Тебе не придется ее убивать.

Нет, нелегко быть собакой, родившейся на Великом Севере!

Умны или нет?

Эта неотвязная забота о пище, этот рефлекс «Ешь все, что есть, пока есть, что есть» присущи в Арктике, повторяю, как животным, так и людям. Это общее их свойство, доведенное до высшей степени, мне кажется весьма характерным для столь негостеприимных мест. Вильяльмур Стефансон говорил о «гостеприимной Арктике»; он утверждал, что люди могут в ней жить, и жить хорошо, пользуясь ее ресурсами. Это, конечно, не пустые

слова, но его оценка относительна. Если сравнить со страхом, чуть не ужасом, какой внушали почти всем полярным путешественникам до Стефансона страдания и опасности, подстерегавшие их в неисследованных местностях, Арктика действительно может быть названа «гостеприимной». Но если сравнить со странами, где климат умереннее, то термин «негостеприимный» может показаться чересчур мягким. Ледяные просторы, по-моему, ничуть не «дружественнее» или «гостеприимнее» песчаных (впрочем, я мало знаком с

последними).

Неуверенность в завтрашнем дне, которая, несомненно, заставляет и людей и животных непрестанно думать о пище, превратилась у вторых в наследственный инстинкт.

Поразительнее всего то, что рефлекс немедленной еды «Ешь все, что есть, пока есть, что есть» у людей, живущих в Арктике, как и у зверей, доминирует над рефлексом запасливости («Прибереги на завтра»). Что животные не делают здесь запасов впрок, может показаться естественным, хотя даже в значительно более гостеприимных

странах многие животные такие запасы делают. Но то, что люди — и какие люди! (я считаю эскимосов одним из самых умных, трудолюбивых и храбрых народов) — так беззаботны, показывает, до какой степени потребности текущего момента превалируют у них над заботой о будущем.

Что касается собак, притом любых, а не только полярных, то унаследованный инстинкт заставляет их иногда симулировать, будто они прячут излишнюю пищу. Замечали вы, как они это делают? Разрывают мордой землю, снег, камешки, а если почва скалистая, то притворяются,

будто роют ее. И почти никогда не возвращаются за «припрятанным».

Скотти Аллен, один из ветеранов Аляски героических времен, рассказывает по этому поводу удивительную историю об одной из лучших своих собак, Дубби. После ее смерти нашли множество тайников, устроенных ею при жизни. Во всех тайниках была копченая рыба, сало и даже консервы в коробках, но ни кусочка пищи, которая могла бы испортиться. Самый большой из тайников был обнаружен спустя пять лет после ее смерти; в нем нашли около 150 килограммов сушеного мяса! Скотти знал, что пес

припрятывает украденные продукты, но всякий раз, когда он пытался следовать за Дубби, та роняла свою добычу и как ни в чем не бывало удалялась с самым невинным видом.

Я люблю собак и уже доказал это. Думаю, что я их знаю. Но нужно быть честным и искренним, как если бы речь шла о собственных детях. И должен сказать, что собаки вообще животные умные, но не очень. Они гораздо умнее лошадей, но далеко не так умны, как кошки.

Впрочем, сначала нужно договориться о том, что такое ум. Значительно упрощая, можно было

бы определить его как способность устанавливать причинные связи. Обезьяна, которая подбирает палку, чтобы достать банан, находящийся вне пределов досягаемости, доказывает этим, что у нее есть ум; а когда собака повинуетя приказу «Тубо!», это только значит, что она хорошо выдрессирована. И не говорите мне, что есть животные умнее людей, например косатки или дельфины. Об этом ничто не свидетельствует. Самое большее, что тут можно, пожалуй, сказать, — это что их природная сообразительность развита лучше, чем у нас. А сообразительность у *homo sapiens*

развита не более, чем, например, у кроманьонца.

Впрочем, вернемся к собакам. Я никогда не замечал ничего такого, что привело бы меня к выводу о большом уме ездовых собак. У них есть инстинкт, они легко поддаются дрессировке, понятливы. Пусть мне не приписывают то, чего я не говорил; я не сказал, что собаки — животные глупые. Я только сказал, что они не особенно умны, менее умны, чем кошки.

У меня много доказательств того, что ум у собак есть, но находится на среднем уровне. Вот

одно из них, взятое из моего путевого дневника.

У некоторых моих псов намерзает лед между пальцами лап. Атеранги хромает, Тимертсит часто сходит с тропы и останавливается, чтобы выкусить лед. Когда ее постромка натягивается, она бегом возвращается на свое место. Иногда в раздражении кусает постромки, трется мордой о снег и начинает все сначала.

Чтобы не останавливать нарты, я сажусь на их край и подзываю ее. Она поворачивает голову, смотрит на меня и ковыляет ко мне. Сажаю ее на

колени и зубами выкусываю кусочки льда у нее между пальцами. Закрыв глаза, довольная, она не противится.

Через полчаса снова забегают сбоку нарт, кладет голову мне на колено и смотрит на меня. Между пальцами ее лап снова намерзли льдинки, и она просит удалить их...

Скотти Аллен по поводу ума собак рассказывает удивительные истории.

Одна из них произошла в окрестностях Доусона, в лагере из числа тех, что вырастали за одну ночь и столь же быстро исчезали.

Его спутник Джордж резал сало на чурбаке. Напротив него сидела собака из тех, что разводят местные индейцы, вытянув шею, поджав хвост, и не спускала с сала глаз. Каждый раз, когда Джордж отрезал ломоть, она пыталась поймать его на лету, и каждый раз Джордж пытался прогнать ее, замахнувшись ножом, и клялся, что отсечет ей голову, если она не перестанет. Сзади Джорджа сидел другой пес той же породы. Первая собака привела Джорджа в такое раздражение, что он отошел от сала, чтобы выгнать ее. Тотчас же вторая собака завладела салом. Первая догнала ее, схватила кусок с

другого конца, и обе скрылись в кустах, чтобы по-братски разделить добычу. Джордж вне себя встал на лыжи и гнался за ними целый километр до соседнего поселка, но так и не смог получить свое сало обратно.

Вторая история произошла с тремя собаками: они ловили рыбу совместно. Две из них – Нанни и Сиваш – кидались в пруд и плавали в нем, пугая рыб; рыбы выскакивали на отмель, где третий пес, Уайти, схватывал их и выбрасывал на берег.

А вот еще один случай одновременных, согласованных

действий. Во время поездки по тундре летом с двумя собаками, каждая из которых несла двадцатикилограммовый груз, Скотти вспугнул зайца, собаки погнались за ним. Скотти позвал их назад и снял с них вьюки. Тотчас же первая стрелой помчалась по следам зайца, вторая же заняла позицию на холме, где улеглась, положив голову между лапами, и прижав уши. С этого наблюдательного пункта она внимательно следила за погоней. Собака, преследовавшая зайца, сделала круг и вернулась почти к исходной точке у подножия холма. Тогда лежавшая там собака вскочила

и в свою очередь пустилась за добычей, между тем как первая заняла ее наблюдательную позицию. Этот маневр повторялся пять или шесть раз, пока заяц не стал проявлять признаки усталости. Тогда оба пса осторожно приблизились к обезумевшему, прыгавшему на месте зайцу и накинулись на него.

Рефлекс добычи пищи у эскимосских собак столь силен, что проявляется с первых же недель жизни. Пока щенок не приучился к повиновению в упряжке, он так мало отдает себе отчета в собственных силах, что дерется за кусок мяса со взрослым псом, сам еле держась на

лапках.

У меня было три щенка примерно одного возраста: уже упомянутые Тимертсит с Экриди и Итлувинак (Косомордый), сын Кивиок, моей лучшей суки, и внук Арнатак (Многомужницы) из той упряжки, какую мы получили в 1934 году в наследство от Линдсея. Я назвал этого щенка в память его тезки, вожака упряжки, погибшего от истощения в конце нашего перехода через Гренландию. Как и мать, он был храбр, привязчив, но неуклюж. — С первого же дня, как его запрягли в нарты, он тащил их не хуже ветерана, упорно, неутомимо, не отвлекаясь.

В этот день охота была удачной; собаки получили по доброй порции мяса и жира и наелись досыта. На камнях валялось еще несколько кусков жира, а на позвонках оставалось достаточно мяса. Три щенка завладели этой добычей. Пока они тянули ее каждый в свою сторону, остальные собаки, хоть и сытые до отвала, собрались вокруг. Припав головами к земле, готовые прыгнуть, как только я отвлекусь, они ждали. Инеро (Подлиза) и Тиоралак (Пуночка), искоса поглядывая на меня, потихоньку, с самым безразличным видом подползали к кучке из трех ворчащих,

копошащихся шариков. Итлувинак, постарше и сильнее, чем Тимертсит, хотел вырвать кусок мяса, в который та вцепилась, но она яростно защищала свою добычу и огрызалась, не спуская с нее глаз. Кончик морды, обычно белый, был измазан кровью, как и лапы и грудь.

Внезапно ситуация изменилась: Инеро, самый наглый, приблизился вплотную. Тогда все три малыша забыли о соперничестве и одновременно ополчились, оскалив зубки, против взрослого вороватого пса. Тимертсит расхрабрилась больше всех, ничуть не испугавшись огромной пасти, которая могла ее

слопать одним глотком. Надо защищать свою пищу, это важнее всего!

Когда остались одни позвонки — они щенятам были не по зубам, — я отдал их Вапс, чьи сосцы начали разбухать — признак щенности.

Прыжок... Одним махом Тиоралак схватывает кость и носится с нею по лагерю, преследуемый всеми остальными псами. На бегу, распластавшись, вытянув шею, пытается разгрызть кость мощными челюстями. Когда это ему не удастся и видя, что его настигает Аталик (Пятнистый), он изо всех сил

старается проглотить добычу целиком, судорожно извиваясь, подобно тому как это делает удав.

Беготня продолжается в лагере и по скалам. Тиоралак бежит впереди всех то по кругу, то спиралью, то по восьмерке, то зигзагами. На одном из поворотов его обгоняет Инеро, опрокидывает толчком и вырывает добычу, становясь в свою очередь объектом преследования: вся свора, воя, гонится за ним по пятам. Обиженный Тиоралак, поджав хвост и визжа, подползает ко мне. Я собираюсь его утешить, как вдруг он одним прыжком выскакивает из-за скалы, хватая кость, оспариваемую

собаками, и молниеносно
улепетывает.

Кранорсуак кидается вдогонку, но, поскользнувшись, падает. Ангинек пользуется случаем, чтобы наброситься на него и задать трепку. Ангинек – скверный пес; я не люблю его манеру пользоваться своей силой, чтобы притеснять более слабых. Кидаюсь к дерущимся собакам, которые, рыча и воя, катаются по камням. Освобожденный Кранорсуак присоединяется к погоне за костью, а я хватаю Ангинека, зажимаю его голову между колен и колочу по морде рукояткой бича: он давно заслужил эту взбучку. Он мотает

головой из стороны в сторону, пытаясь избежать ударов, и один из них попадает на мое правое колено... Наказав Ангинека, отпускаю его, и он тотчас же спешит на поле битвы, а я, прихрамывая, возвращаюсь в палатку.

Перед входным лазом нахожу Вапс, спокойно обгладывающую позвонки – предмет раздора, между тем как остальные псы исчезли из поля моего зрения, но я слышу, как они дерутся, сами не зная из-за чего...

Этот рефлекс добычи пищи у эскимосских собак, более

эгоцентричный и ярче выраженный, чем у волков, объясняется, по-моему, тем, что у них отсутствует семейный инстинкт, который у волков, наоборот, сильно развит. Эскимосская собака не убивает своих сородичей лишь для того, чтобы убить, но все же это случается. (Если побежденный противник сдается, эскимосская собака принимает его сдачу.)

Вечером после первой поездки на нартах с Тимертсит и Экриди мне показалось, что один из псов, Ангинек, черный с белым воротничком, заболел. Хвост у него был поджат, шерсть влажная и

свалявшаяся. Такое с ним бывало и раньше. Я освободил его и дал свежего мяса, которое он проглотил без всякого аппетита.

Ночью двум собакам моего друга-эскимоса Кристиана удалось сорваться с привязи. Волоча за собой цепочки, они набросились на несчастного ослабевшего Ангинека и буквально растерзали его. Утром я нашел его за хижинкой, в крови, окоченевшего. Брюхо, бока, горло были одной сплошной раной.

Через несколько недель, в начале января, произошел аналогичный случай. Одна из моих собак,

Цингарнак, уже несколько дней болела. Я взял ее у эскимосов во время одной поездки. Крупный и поджарый пес с длинными тонкими лапами, он и ростом, и рыжей мастью резко отличался от остальных псов своры, небольших и белых. Выяснилось, что он был в упряжке Линдсея, когда тот в 1934 году пересек ледяной купол Гренландии. Цингарнака отдали одному эскимосу, и я без труда выменял его на цветные бусы, ибо он пользовался плохой репутацией из-за трусости и драчливости. Он был ужасающе худ, шерсть слиплась от сала. Встретившись со своими

бывшими товарищами, входившими в мою упряжку, Цингарнак страшно обрадовался и тотчас же изъявил полную покорность ее вожаку Укиоку, который сразу его узнал. За несколько недель, сытый, ухоженный, обласканный, Цингарнак преобразился: шерсть стала шелковистой, позвонки уже не выпирали, словно зубья пилы. Он хорошо тянул нарты, хвост держал торчком. Я был доволен, что спас его, вдохнув в него жизнь; мы полюбили друг друга.

Этим утром он лежал неподвижно, как будто спал. Тиоралак и Невииарток, когда я их

отвязал, чтобы запрячь в нарты, подбежали к нему и долго обнюхивали, решив, что он издох. Заметив, что Цингарнак жив, они вцепились в него: один — в горло, другой — в брюхо и стали разбирать, как тряпку. Между тем они были однокашниками, а Невиарток отличался некоторым благородством: он, как вожак, зализывал раны, нанесенные противнику, которого одолел.

Мне стоило большого труда разнять их, и я попросил своих спутников-эскимосов пристрелить Цингарнака, чтобы сократить его страдания. Но прежде чем это было

сделано, обнаружилось, что он уже мертв.

В тот же день погибла одна из молодых собак эскимоса Микиди, по кличке Паро (Сажа). Хотя она была моложе Тимертсит, но тянула нарты так же усердно, как старые псы. Она тоже болела уже несколько дней и ежеминутно ложилась. Вероятно, проглотила что-нибудь несъедобное. Мы нашли ее утром, выйдя из хижины, задохшейся под четырьмя или пятью собаками, которые лежали на ней, сбившись в кучу: она служила им теплой подстилкой на снегу...

5. Скотти Аллен, чемпион

отти и Джек Лондон

огда в годы войны я жил в
на Аляске, и бывал по вечерам
туне «Северный полюс», где
ались старожилы, мы говорили
не о войне, не о японцах,
ивших Атту, крайний из
ских островов.

олтовня этих ветеранов за
ой пива или стаканом виски
а меня как магнит. Они были
поразительно похожи на всяких

других ветеранов и говорили о добром старом времени, начиная с золотой лихорадки конца прошлого века с последовавшим за нею процветанием Нома и кончая войной 1914–1918 годов.

Это были рассказы о баснословных богатствах, приобретенных за один сезон и проигранных за одну ночь; о беспощадной борьбе за то, чтобы получить (т.е. отобрать у законных владельцев) самые богатые участки; о поразительных гонках на собачьих нартах, когда ставками иногда бывали тяжелые мешочки с золотым песком...

Два имени, ставшие легендой, особенно часто упоминались «стариками», когда я навел разговор на собак и нарты, – имена двух людей, гремевшие на собачьих гонках, до сих пор ежегодно устраиваемых на Аляске, двух людей, с которыми доныне никто не мог сравниться. Одного звали Леонард Сеппала, другого – Скотти Аллен. Я был столько наслышан о них, что мне казалось, будто я с ними знаком. Но они умерли задолго до «моего времени».

Расскажу о Скотти Аллене, ибо его история показывает, чего можно добиться от хорошо выученных

ездовых собак, а также потому, что именно он – странное совпадение! – ввел их использование во Франции в годы первой мировой войны.

Он родился в Шотландии и носил имя Аллен Александр Аллен. По приезде в Америку его прозвали Скотти (Шотландец), а на Аляске спустя несколько лет – королем собачьих гонок. Он, как никто, умел обращаться с любыми животными; еще в молодости научился успокаивать их, подчинять своей воле. В наши дни он, возможно, стал бы учеником Конрада Лоренца [\[21\]](#) и, быть может, превзошел бы его.

Но вы думаете, что все еще не знаете, с кем имеете дело? Так вот слушайте.

Однажды пурга застигла его вместе с собаками и нартами далеко от всякого жилья и проложенных троп. Где-то в этих местах, близко ли, далеко ли, невидимая в вихрях снега, должна была находиться избушка, летний кров золотоискателей, покинутый на зиму, когда реки замерзают. Скотти знал, что она где-то есть, и даже видел ее однажды. Он решил укрыться в ней не потому, что ураган его пугал, а просто потому, что отсиживаться в избушке, даже покинутой, куда

лучше, чем позволять ветру
вцепляться тысячами костлявых
пальцев, градом кристалликов льда,
непрерывно барабнящих по лицу. Да
и псы заслуживали надежного
убежища. Скотти знал свою
выносливость, уже ставшую
легендарной, но знал также, что
собаки устают быстрее людей, ибо не
обладают их разумом и волей,
толкающими вперед. А без собак его
жизнь гроша ломаного не стоила.

Избушка, конечно, пуста, но, как
принято на Великом Севере, дверь ее
не заперта и распахнется при первом
же толчке. Он найдет там печку и
спички, вероятно, дрова, а может

быть, и продукты. Воспользуется ими, оставив список взятого, а потом уплатит владельцу золотым песком или долларами либо, если подвернется случай, пополнит запасы съестного и горючего. Нарушение этого закона часто наказывалось смертью.

Сидя на нартах, он ехал по реке Стюарт – сущий бульвар для собачьей упряжки, однако давно заброшенный след был засыпан слоем свежего снега толщиной в несколько футов. Избушка должна была находиться где-то тут, невдалеке, судя по тому, сколько времени собаки месили снег. И вот она показалась между

деревьями. Скотти изумился, увидев, что из трубы вьется дымок.

Он остановил собак, толкнул дверь, вошел. Перед огнем, куря трубку, удобно развалился какой-то человек, не заметивший его приезда.

Некоторое время оба смотрели друг на друга, затем Скотти подошел к огню погреть руки.

Занявший избушку первым был юноша лет двадцати. Выглядел он немного странно: румяное лицо, но острый, пристальный взгляд. После долгого молчания он не выдержал:

— Вы, часом, не золотоискатель?

— Не совсем, но хорошо знаю их братию.

Скотти был невысокого роста, уже в летах, но еще далеко не старый, хотя волосы рано поседели. У него тоже были живые, пронизательные глаза.

Молодой человек стал бомбардировать его вопросами: как живут золотоискатели в Даусоне, Клондайке, Номе? Как работают и развлекаются? Как умирают? Почему унция золотого песка?

Сущий экзамен! Разнообразие вопросов и интерес, проявляемый собеседником, забавляли Скотти.

– Вы пришли пешком? – спросил юноша.

– Нет, на собаках. Они за дверью.

Вопросы продолжали сыпаться один за другим; на этот раз они касались собак и их каюров.

– Да я вас знаю! – вдруг воскликнул молодой человек, заикаясь от волнения. – Вас знают все! Вы – человек с собаками, Скотти

Аллен!

Действительно, в краю золотоискателей Скотти пользовался, удивительной популярностью. В любое время года он со своей упряжкой странствовал по Северу, перевозя почту, товары, а иногда — раненых или больных.

— Я хочу написать о вас.

— Вы писатель?

— Не совсем... — Он смутился. — По крайней мере пока. Но скоро сделаюсь им и не забуду о вас.

— Как ваше имя? — спросил Скотти.

— Меня зовут Джек Лондон.

Став писателем, Джек Лондон действительно рассказал о странном и буйном мире пионеров, рыскавших по Аляске в погоне за золотом, а также о житье-бытье ездовых собак. И тень Скотти Аллена витает над его произведениями.

Вот почему вы наверняка знакомы со Скотти Алленом, ибо вы несомненно читали Джека Лондона. А если его книги вам не известны, поскорее заполните этот

непростительный пробел!

Скотти – друг животных

Вся жизнь Скотти Аллена была связана с животными. Никогда, без сомнения, ни один белый человек не имел такой власти над ними, в частности над ездовыми собаками.

Его имя неотделимо от одного из самых удивительных способов использования этих собак – от сногшибательных гонок по Аляске.

Такой необычайный пробег — коронное состязание на Севере.

Это марафонский пробег на расстояние свыше 650 километров на собачьих упряжках со всеми препятствиями, какие могут встретиться в этой стране, — от дико завывающей пурги при тридцатиградусном морозе до хрупкого льда, который проваливается под собаками, нартами и людьми, — вот что это такое.

Впервые организованное Скотти Алленом в 1908 году, это состязание как нельзя лучше отражало ту

важную роль, какую играют собаки в Арктике, где они до сих пор при нелетной погоде служат единственным средством связи.

Скотти уехал из Шотландии, чтобы доставить в Америку чистокровного рысака весом свыше тонны, чем немало гордился. Затем, чтобы заработать на жизнь, он сменил немало профессий в этой тогда еще стране пионеров, искавшей себя, где жизнь стоила недорого: в 1880-х годах в Америке, как известно, царила власть кольта.

Скотти женился. Началась золотая лихорадка. Он, не в силах

противиться желанию разбогатеть, покинул жену и детей, надеясь выписать их позже к себе, и уехал на Аляску – в Клондайк и Ном. Вскоре он понял, что его способности найдут себе здесь иное применение. Работая с Мак-Милланом, поставщиком «Компании Гудзонова залива», он познакомился с ездовыми собаками. Скотти обладал даром приручать животных, любил их, и они отвечали ему тем же. Скоро он увидел, какое нелегкое дело – управлять нартами, запряженными драчливыми псами, в местности, где малейшая ошибка часто карается смертью. Выпустишь из рук задок

нарт — и каюк: собаки умчатся, оставив тебя одного в бескрайней белой пустыне, где ты быстро замерзнешь. Снимешь ненадолго рукавицы — и пальцы обморожены, прежде чем заметишь это. Одного человека нашли мертвым перед кучей хвороста; рукавицы лежали рядом, спички были рассыпаны по снегу. Он не успел высушить хоть одну, чтобы зажечь костер...

На службе у Мак-Миллана, человека жестокого и эгоистичного, Скотти овладел профессией каюра: с восседавшим на нартах хозяином, закутанным в меха, он сновал взад и вперед поселками золотоискателей.

Шотландская кровь Скотти оказалась причиной инцидента, ставшего поворотным пунктом в его жизни.

Одна из собак упряжки принесла четырех щенят. Мак-Миллан велел их убить. Скотти отказался. Купец рассердился. Тогда Скотти взял щенят и, даже не потребовав расчета, ушел от ошеломленного хозяина.

Щенята, которых он унес, вошли впоследствии в его первую упряжку. У одного из них была рыжеватая шерсть и белый нос; Скотти назвал его Дубби и решил: вот кто принесет

всей упряжке счастье!

Пока щенята подрастали, Скотти, чтобы как-то прожить, поступил в местную полицию. Поскольку он виртуозно правил собаками, ему поручили перевозить почту и провиант от одного полицейского поста к другому. В первой же поездке в сопровождении повиновавшихся всем его приказаниям хороших псов, чьи повадки Скотти изучил, он поставил опыт, принесший ему огромное удовлетворение. Начался буран, пришлось остановиться на отдых. Он распряг собак, дал каждой по мороженой рыбине, а потом решил

поступить, как они: зарылся в снег, чтобы спать. Когда проснулся, ему сам черт был не брат: его больше не страшили ни метель, ни ветер.

В течение зимы Скотти систематически тренировал своих четырех собачек. Он избегал слова «муштровка», предпочитая «тренировку». Его псов звали Дубби, Джо, Бэйб и Турок. Они росли и становились все сильнее. Не будучи породистыми, они были созданы как раз для того, чтобы тащить нарты. Их довольно короткие лапы были снабжены утолщениями, не дававшими снегу смерзаться между пальцами. Широкая грудь,

мускулистый круп, густая шерсть — словом, настоящие эскимосские собаки!

Став хозяином хоть маленькой, но собственной упряжки, Скотти решил вступить на поприще золотоискателя. Соорудил плот, погрузил на него нарты, запас провизии и, крепко привязав собак, пустился на этой утлой посудине к стремнине Белой Лошади, которую может проскочить лишь опытный рулевой.

Каким-то чудом ему удалось достичь Доусона — преддверия Клондайка, места, весьма

популярного среди золотоискателей. Но, не найдя там ни одного свободного участка, он стал заниматься перевозом. К этому Скотти толкнул случай, показавший его власть над животными.

Однажды ему встретился мужчина, который изо всей силы хлестал двух лошадей, завязших в грязи, в окружении равнодушной толпы зевак.

– Хотите, – сказал Скотти, – я помогу им выбраться, пальцем не тронув?

Получив согласие, он подошел к

лошадям, ласково с ними заговорил, успокоил, приласкал, и через несколько минут они сами, без понуканий, вытащили повозку из рытвины.

Восхищенный хозяин предложил Скотти приобрести этих лошадей, и сделка была тут же заключена.

Но наступила зима, дороги сделались доступны лишь собакам. Скотти продал лошадей и с удовольствием вернулся к своим псам, уже ставшим большими и сильными.

Его упряжка была надежна и

хорошо тренирована, но ему нужна была пятая собака. Он купил вороватого пса, от которого владелец хотел избавиться, и за несколько недель наставил его на путь истинный.

Дубби, которого Скотти считал залогом своего успеха, был образцовым вожаком. Он командовал всей упряжкой, отличался справедливостью, наказывал провинившихся, а потом зализывал им раны.

Очень скоро Скотти Аллена завалили работой по горло. Золотоискатели постоянно нанимали

его для переездов с места на место и для доставки припасов. В любую погоду, при любом морозе – а температура опускалась до – 45 градусов – Скотти выезжал и перевозил все, что угодно. Когда нужно было везти людей – раненых или здоровых, он брал плату по весу, как за всякий другой груз. Он добирался куда угодно, был самым осведомленным человеком на всей Аляске, и его с нетерпением ожидали в лагерях и поселках, росших тогда как грибы: ведь он привозил последние новости.

Репутация каюра-виртуоза прочно установилась за ним в этих

краях и дошла до слуха молодого Джека Лондона, приехавшего за вдохновением на Великий Север.

Впрочем, у Скотти бывали и плохие времена. Случилось, что он потерял все свои сбережения и был вынужден приняться за поиски золота к северу от Нома, но успеха это ему не принесло. Надежда на приезд жены растаяла. Он очутился перед выбором: вернуться в США или остаться на Севере, и он принял самое важное решение в своей жизни. Аляска была создана для него, а он — для Аляски.

Однажды, чтобы избежать

объезда по суше, который занял бы несколько дней, Скотти решил переправиться через залив на плоту, ведь он научил своих псов не только не бояться воды, но и плавать по приказу. Во время переправы плот с грузом и собаками был унесен течением и чуть не попал в водоворот. Понукаемые голосом хозяина, собаки стали энергично грести лапами, и после двухчасовых усилий им удалось пристать к берегу. Когда он рассказывал об этом происшествии, ему верили, потому что он был Скотти Алленом; всякого другого сочли бы за беспардонного лжеца.

Слава Скотти, как и слава его псов, росла с каждым днем. Его приключения были овеяны легендой; еще более знаменитыми стали его собаки. А за ними стоял он, заставлявший их совершать чудеса, какие до того никому не удавались; такие попытки даже не делались.

Где-то в этой книге я писал, что собаки не умны, или, точнее, умнее, чем лошади, но менее умны, чем кошки. Однако животные одной и той же породы, как и люди, различны по степени развития ума. И Дубби, вожак упряжки, если верить тому, что рассказывал его хозяин, был, бесспорно, умен. Судите сами.

Однажды слишком тяжело нагруженные нарты, несмотря на отчаянные усилия Скотти, скатились по склону и налетели на дерево. Выброшенный из них Скотти потерял сознание. Когда он очнулся, то оказалось, что Дубби подтаскивает его к нартам. Разбитый, весь в ушибах, потеряв последние силы и увидев, что отдых в течение нескольких часов не помог, он был вынужден освободить собак, чтобы те добыли себе пропитание охотой, хотя и знал, что они могут убежать. Сам охотиться он был не в состоянии.

Ему удалось залезть в спальный

мешок. Он проснулся от теплого дыхания и прикосновения языка, настойчиво облизывавшего его лицо: Дубби вернулся вместе с остальными собаками и принес хозяину зайца-беляка, еще теплого.

Когда Скотти решил не гнаться больше за счастьем, а поехать за женой и детьми, с ним случилось другое происшествие, одно из приключений, чемпионом по которым он был.

На берегу замерзшего озера Лиамма, через какое нужно было переехать, чтобы не потерять несколько дней (после того как

решение было принято, он торопился), собаки, в том числе и Дубби, остановились и отказались бежать дальше. Скотти настаивал: сначала кричал, потом пустил в ход бич. Дубби нехотя подчинился, и опасный переезд начался. Внезапно раздался треск, словно выстрел, и Скотти, привалившись сквозь лед, разверзшийся под его ногами, оказался в полынье или, вернее, подо льдом. Ноги были на полметра погружены в обжигающе холодную воду, а голова осталась на поверхности. Минуты шли; он пытался уцепиться за лед, но руки и ноги начали замерзать. Он оказался в

ледяном плену и как будто был обречен на гибель, подобно многим «чечако». [\[22\]](#)

– Дубби! – закричал он.

Это был единственный шанс спастись: ухватиться за постромки или за нарты и выкарабкаться с помощью упряжки.

Но Дубби никак не мог сдвинуть нарты с места: его лапы скользили по гладкому льду. Скотти громко его подбодрял, но все призывы оставались тщетными. Упряжка во главе с Дубби ползком, медленно таща нарты, удалялась к берегу;

достигнув его, собаки понеслись вскачь. Скотти решил, что погиб. Но через несколько минут, показавшихся ему часами, он снова увидел нарты: обогнув опасное место, они подъезжали с другой стороны. Отчаянным усилием ему удалось ухватиться за их задок. Дубби, не ожидая приказа, рванулся вперед и вместе с другими псами выволок хозяина на лед. Так эта преданная собака еще раз спасла его.

Устроив семью на Аляске, Скотти бросил погоню за золотом и решил посвятить жизнь обучению собак. Глава исследовательской компании в Номе облегчил ему это

дело, пригласив на работу. Семье Скотти, в которой прибавился еще один ребенок, жизнь на Аляске начинала нравиться.

Скотти стал легендарной личностью. Он прослыл, как выразился Джек Лондон, «человеком с собаками».

Однажды к нему привели пса, чтобы под наркозом обломать зубы.

— Он привык убивать, — предупредил владелец. — Зовут его Джек. Он очень опасен. Ему непременно нужно вырвать клыки, как делают индейцы с волками. Но

никому это не удастся.

— Мне удастся! — сказал Скотти, оценив все достоинства великолепного пса.

Он начал с того, что, подходя к Джеку и не обращая внимания на его прыжки, спокойно ставил перед ним миску с едой, разговаривая в это время с другими собаками; при этом он держался на расстоянии большем, чем длина цепи, не заходя в опасную зону.

Дня через четыре ему удалось надеть на Джека сбрую и поместить в упряжке рядом с Дубби. Джек

тотчас же вцепился в Дубби, но тот пес, выдавший виды, дал отпор.

Тогда Скотти внезапно схватил Джека, опрокинул и держал его широко разинутую пасть под снегом до тех пор, пока собака не начала задыхаться; потом отпустил, отступил на несколько шагов и занял выжидательную позицию. Джек присел на задние лапы и кинулся на Скотти. Тот с поразительной ловкостью схватил его за сбрую, бросил оземь и снова погрузил его морду в снег. Потом отпустил и мягко заговорил:

— Ну, Джек, старина, будем

друзьями, ладно?

К изумлению присутствовавших, страшный пес пополз к Скотти, покорно повизгивая. Продолжая разговаривать с ним, Скотти погладил его по голове, и Джек завилял хвостом.

Он стал одной из лучших собак упряжки, самым знаменитым на Аляске псом.

Сначала замечательному дрессировщику помогал Дубби, бравший на свое попечение молодых собак; потом на помощь Скотти пришел его сын Джордж,

унаследовавший дарование отца.

Именно Джордж положил начало собачьим гонкам на нартах.

Ему не было и шести лет, когда он предложил школьным товарищам состязаться в езде на упряжках. Право участия имели лишь дети не старше девяти лет. Малыши только и думали об этих гонках, тренировались каждую перемену, использовали для этого все свободное время. Длина дистанции была около двенадцати километров. Соперники должны были сами изготовить себе нарты; кое-кто соорудил нарты даже из ящиков от

мыла, поставив их на полозья.

Джордж, избравший вожаком, к изумлению отца, полукровку Бальди, стал победителем этих гонок, что можно было предвидеть: ведь он вырос среди собак и весь пошел в отца.

Большие гонки на Аляске

Идея этих грандиозных гонок зародилась во время споров о

собаках. Никак не могли решить, чьи лучше? В сущности это было понятно: одни собаки превосходны для бега на короткие дистанции, другие славятся выносливостью; одни незаменимы при пурге, других не обогнать на льду, а остальные — хоть куда на свежем снегу! Разумеется, каждый считал, что его собаки гораздо лучше всех прочих; каждый утверждал, что это объясняется его способом питания, или дрессировки, или вождения, или всем этим, взятым вместе, ибо у каждого были свои секреты, которыми он ни с кем не делился.

Скотти Аллен, став центром

этого ежедневного нескончаемого спора, понял, что словами его не решить. Он понял также, что представляется случай организовать зрелище, где собаки будут «звездами».

Так был основан в Номе Собачий клуб, ставший центром, где определялась породистость и ценность ездовых собак Аляски.

Поскольку в Номе жил юрист Альберт Финк, знавший толк в собаках, то ему поручили разработать устав клуба. Этот устав горячо обсуждался на оживленных собраниях. Ведь дело шло не только

о том, чтобы создать клуб любителей псов (его уже давно заменяли салуны Нома), но прежде всего о том, как организовать гонки ездовых собак.

Правила гонок сформулировали быстро. Во-первых, все желавшие участвовать должны были быть членами Собачьего клуба; благодаря этому они все будут известны друг другу, а участие всяких жуликов и плутов исключалось. Каждая собака перед гонками должна быть зарегистрирована в клубе; условились, что во время состязаний гонщик может запрягать сколько угодно собак. Однако специальный пункт предусматривал, что гонщик

может выиграть состязание лишь в том случае, если финиша достигали (живыми или мертвыми) все его собаки, участвовавшие в старте. Этот пункт имел целью помешать гонщику бросить в дороге утомленного или раненого пса. Решили также, что каждая собака будет помечена краской и носить цвет, выбранный владельцем. Всякая упряжка, воспользовавшаяся подмогой при следовании по трассе, будет дисквалифицирована. Таким образом, исключались и жестокость и махинации.

Наиболее трудным было определение дистанции гонок.

Некоторые ратовали за тридцать или сорок километров, другие – за сто или полтораста. Но Скотти Аллен и кое-кто еще были сторонниками подлинных состязаний на выносливость под стать стране и климату – состязаний, на которых наглядно выявились бы все качества и людей и собак. В конце концов это мнение победило. Решили, что гонки будут происходить по маршруту Ном – Кандл – Ном длиной 650 км. Кандл – городок, расположенный у самого полярного круга. Трасса проходила по местности весьма разнообразного характера: прибрежные льды, горы, реки, ледники, тундра, леса,

всевозможные труднопреодолимые препятствия вроде известной долины Старой Смерти, зимой утопающей в снегу, а летом – в грязи. Победителем таких состязаний мог стать лишь человек особенный, обладающий собаками, из ряда вон выходящими.

Трудности были настолько велики, что эти гонки делались событием дня. Самое важное, по мнению организаторов, заключалось в том, что и людям и собакам надлежало готовиться долго и серьезно, отчего собачий род в конечном счете мог только выиграть.

Чтобы подогреть интерес к

гонкам, решили, что в течение зимы, начиная с октября, будет организовано несколько других на короткие дистанции, а большой пробег по Аляске состоится весной, в первых числах апреля. Такой выбор срока заставлял участников тренироваться в течение всей зимы.

Очень скоро эти гонки стали крупным финансовым предприятием, если учесть общую сумму заключенных пари. В некоторые годы она превышала десять миллионов долларов — долларов 1910 года!

В течение всего состязания город

не ложился спать. Кафе, рестораны, отели, салуны, всякие злачные места были битком набиты. Всюду были развешаны доски для пари, особенно в Собачьем клубе и торговом центре на Фронт-стрит – Елисейских полях Нома.

Разумеется, в этом краю, ставшем знаменитым благодаря золотой лихорадке, ставки делались и все призы выдавались золотым песком – единственным солидным в те дни мерилom ценностей.

Скотти Аллен, с чьим именем было связано возникновение этих грандиозных гонок, участвовал в них

восемь раз, трижды заняв первое место, трижды – второе и дважды – третье.

Он тренировался всю зиму и каждое утро в любую погоду выезжал на собаках. Свою личную тренировку дополнял прыжками через скакалку. В течение недель, предшествовавших гонкам, приучал себя спать как можно меньше, поскольку во время гонок каждый час сна был потерей.

«У меня не было удобств, какими пользуются атлеты на «той стороне» [\[23\]](#) , – говорил Скотти, – ни гимнастического зала, ни душа, ни затейливой диеты... Тем не менее я

мало-помалу становился костистым и выносливым, как индеец».

Его собаки проходили такую же суровую тренировку. Их питание было почти научно обосновано, время, затрачиваемое на сон, — под контролем. Лапы были предметом постоянных забот, так как лед мог их поранить. Даже за когтями следили и подрезали их не хуже маникюруши.

За месяц до состязаний режим питания собак изменяли. До этого их кормили тюленьим, моржовым и китовым мясом, а тут начинали давать им «гамбургеры» — добротную смесь из говядины, баранины и яиц.

Каждого пса ежедневно взвешивали и тщательно записывали все изменения веса. Взвешивали и пищу: некоторым собакам нужно было есть больше, чем другим. Пища для всей упряжки за три-четыре дня гонок обходилась в 135 долларов! «Гамбургеры» для кормления во время самих гонок заранее упаковывали и развозили вдоль трассы, чтобы раздавать во время остановок. Все это делалось, разумеется, в строгой тайне, чтобы избежать вмешательства не особенно щепетильных держателей пари.

У каждой собаки упряжь была сделана по мерке; и на каждой части

упряжки была обозначена собачья кличка. Чтобы защитить лапы и предохранить их от поранения острыми кромками льдин, для каждого пса сшили фланелевые мокасины. Однажды, когда трасса была особенно плохой, Скотти израсходовал восемь дюжин комплектов собачьей обуви.

Снаряжение собак – участниц гонок включало попонку из заячьих шкурок – защита от пурги и мороза – и кисейную сетку на случай поражения снежной слепотой, а для своего вожака Скотти смастерил даже противосолнечные очки, пригнанные по морде... Как видите,

было предусмотрено решительно все, чтобы упряжка могла добиться максимального успеха. Вся эта подготовка велась, повторяю, в строжайшем секрете, ибо у каждого участника был свой метод, свои приемы.

Когда наступали дни гонок, Ном превращался в Рио-де-Жанейро — сущий полярный карнавал! Хоть город засыпан снегом и отрезан от мира льдами Берингова пролива, улицы ярко освещены, по ним дефилируют парадные шествия. Перед лавками водружают флажки, обозначающие цвет каждой упряжки. В салунах гремит музыка, собаки

воюют. Белые и эскимосы щеголяют в мехах, соперничая друг с другом. Кроме завсегдатаев кабаков появляется немало случайных выпивох с непрерывными скандалами.

Конечно, в Номе видят лишь старт и финиш гонок. Но возбуждение растет с минуты на минуту благодаря известиям, передаваемым в главную ставку из двадцати шести телефонных пунктов, расположенных вдоль всей трассы. Их данные наносятся на огромную черную доску, перед которой собирается толпа, чтобы быть в курсе дел.

Сразу после старта лихорадка охватывает весь город. Ни одно событие в мире, как бы важно оно ни было, не может соперничать с интересом, вызываемым гонками. Кое-кто из болельщиков даже не умывается и не бреется все четверо суток, в течение которых идет состязание: они боятся отлучиться, так как ежеминутно заключают новые пари. А по окончании гонок эти болельщики выглядят куда более измученными, чем их участники... Гонщики могут ложиться спать, а для тех, кто держал пари, и для всех остальных праздничное торжество только начинается.

Новшество здесь заключалось в том, что об заклад можно было биться до самого последнего момента, а не так, как на лошадиных скачках, когда тотализатор закрывается сразу после старта. В Номе держали пари вплоть до прибытия первой упряжки. Можно было держать пари на то, сколько времени затратит какая-либо упряжка на какой-либо этап; могли быть и всякие другие комбинации. Вот почему заядлые любители пари не решались отлучаться даже на секунду: они рисковали многое потерять. И действительно, нередко за эти четыре дня проигрывались

целые состояния.

На гонках 1909 года Скотти Аллен – фаворит, на которого было поставлено сто тысяч долларов, – выступил с двумя упряжками. На первой он ехал сам, а вторую поручил некоему Перси Блэчфорду. У Скотти было восемь собак, у Перси – девять. Нечего и говорить, что все собаки, принадлежавшие Скотти, были хорошо тренированы и трасса была размечена метр за метром.

Для этих-то гонок Скотти и придумал собачьи попонки из заячьих шкурок, изготовил шесть дюжин комплектов собачьей обуви.

Нарты были очень легкими и весили лишь около пятнадцати килограммов – на десять килограммов меньше, чем самые легкие нарты соперников. Очень легкой была и упряжь – лишь четыреста граммов на собаку.

С самого старта участники состязаний попали в сильную пургу. Скотти был даже рад этому. «Считалось, что мои собаки, отморозившие себе бока на прошлогодних гонках, хуже перенесут пургу, чем маламуты или сибирские лайки. Но я был доволен: необходимо, чтобы с самого старта сомневались в ваших возможностях. Важнее всего хороший финиш!»

Скоро в Номе решили, что Скотти заблудился или ветер смел его упряжку на льды Берингова моря. Въехав в поселок Соломон, в сорока пяти километрах от места старта, Скотти с удовольствием услышал, как перед ним Перси понукает собак. Погода была ужасная; в бушующей мгле гонщики с трудом различали передок нарт. Из толпы, собравшейся на улицах Соломона, неслись советы остановиться и переждать пургу, но Скотти велел Перси ехать дальше, зная по опыту, что столь скверная погода часто бывает лишь на коротком отрезке пути.

Краткая команда обоим вожакам

– Киду и Бальди – и обе упряжки скрылись в вихрях снега.

Какая победа!

«Я был счастливейшим из людей. Никогда в жизни не испытывал такого счастья! – рассказывает Скотти. – Теперь я был уверен, что мои псы знают свое дело и сделают его хорошо. Головокружительная скорость! Еще никогда ни одна упряжка не бежала в такую пургу так быстро. Собаки не

сбивались с тропы, проложенной ими, когда мы развозили припасы по складам, и мчались словно на пожар, несмотря на порывы ветра, которые унесли бы всякую другую упряжку!

За Соломоном поднялась такая невероятная, неописуемая вьюга, что я не видел передних собак, а порой из глаз скрывался даже передок нарт.

Когда упряжка спустилась с берега, чтобы пересечь залив Топкок-Хилл, пурга перехватила ее и чуть не пригвоздила к откосу. Собаки заскользили по льду, с которого ветром был сметен весь снег. Эскимос, попав в такую передрагу,

крикнул бы: «стоп!» — и искал бы укрытие. Но я предвидел такую ситуацию. Моя обувь была снабжена шипами, позволявшими удерживаться на льду. Я пошел вперед, привязав ремень одним концом к своему поясу сзади, а другим — к средней постромке, между Кидом и Бальди. Перси тоже прикрепил к себе своего жоака, а потом ухватился за задок моих нарт. Определив курс, мы двинулись к другому берегу, который был не далее трехсот метров. По счастливой случайности мы выехали как раз на вешку, отмечающую почтовую трассу; из-под снега выглядывала лишь ее

черная верхушка.

Снова попав на колею, я поехал вперед, а Перси следовал за мною по пятам. Посмотрели бы вы, как мои молодые псы, бежавшие впереди, взбирались по холму Топкок в самый разгар пурги! Чудеса! И хотя путь шел вверх, они мчались так, что я с трудом переводил дух. Собаки были совершенно белыми от снега и льда, но ни на шаг не сбивались с тропы, несмотря на пургу. Я никогда не видел ничего подобного.

Очень довольный, я пробивался таким манером сквозь метель, но вдруг моя упряжка сделала поворот

под прямым углом. В снежном вихре я различил возле Бальди какого-то мужчину. Пока я пытался стряхнуть с ресниц облепивший их иней, этот парень схватил Бальди за ошейник и бегом повел всю упряжку в хижину рядом с тропой, а вслед за нами туда ворвалась упряжка Перси, и все сбились в одну кучу. Ну и теснотища! Семнадцать собак, двое нарт и три человека в лачуге, где с трудом уместилась бы ручная тачка!

— Черт вас дери, что это вы делаете? — заревел я, обращаясь к этому типу, из-за которого мы попали сюда. Я его знал — это был некто по прозвищу Кривой.

Он, запинаясь, со смущенным видом пробормотал, что пришел из лесу, с другой стороны холма, подгоняемый пургой, и испугался, что мы не совладаем с такой непогодой... Это была гнусная ложь. Решать, как поступить при подобных обстоятельствах, мог только я. Это была моя забота, мое дело, а не его!

— Вот я и встал на тропе и поджидал вас, чтобы помочь найти убежище! — добавил он.

Роль доброго самаритянина была так хорошо им разыграна, что Перси даже поблагодарил его. Но я отлично знал, что это был агент шайки

номских любителей держать пари, шайки, сделавшей крупные ставки на другие упряжки. Я догадался, что эта банда подкупила его, поручив задержать меня во что бы то ни стало. Вот почему я отнюдь не был с ним вежлив, распутывая сбрую своих собак.

— Открой дверь и выпусти нас!

Вместо того чтобы дать нам выйти, он загородил дверь и кинул на меня злобный взгляд. Вероятно, ему щедро заплатили за эту грязную работенку, и у него не было никакого желания потерять свои деньги.

Я размахнулся и щелкнул бичом над спинами собак, не беспокоясь о том, не заденет ли Кривого этот удар.

– Прочь с дороги, негодяй!

В бешенстве я снова щелкнул бичом, и его скво, ставшая было рядом с ним, струсила, а может быть, ей стало стыдно, и она распахнула дверь. Собаки ринулись вперед под завывания бури. Скво шепнула мне: «Нагурук!» (В добрый путь!)

Вырвавшись из западни, я громко окликнул Перси и убедился, что он последовал за мной. Мы вновь помчались сквозь пургу с быстротой

пушечных ядер.

Пурга свирепела все пуще и пуще. Я не мог различить колею; более того, не видел ровно ничего. Пришлось целиком довериться Киду и Бальди, которые упрямо рвались вперед. Когда ненадолго прояснялось, я смутно различал во мгле их напрягшиеся фигурки, согнутые спины, низко опущенные головы, крепкие лапы. Крохотные, но смелые огоньки жизни в необъятной пустыне, насквозь продуваемой вьюгой... Исконный волчий инстинкт помогал им отыскивать для меня потерянную колею, а гордость и отвага, таившиеся в собачьей крови,

заставляли мчаться сквозь слепящую метель.

Вне себя от радости, я крикнул Перси:

– Нажимай, парень! Все будет хорошо!

– Да уж не отстану! –
послышалось в ответ.

Но худшее было впереди: переправа через реки, покрытые неокрепшим льдом; береговой припай – гроза и для людей, и для собак; глубокий снег, в котором упряжки тонут целиком и «гребут»,

выкарабкиваясь на поверхность; на возвышенностях — ледяные струги, сущие ножи чуть не метровой высоты, следующие друг за другом, как волны бушующего моря; а помимо всего этого пурга, которая сечет, хлещет, обессиливает, изнуряет, парализует волю. Пробиться сквозь нее — выше физических и моральных возможностей человека. Все, что можно сделать, — это уцепиться за задок нарт и постараться не упасть; в остальном надо целиком положиться на собак. Особенно на Кида и Бальди, двух молодых псов; для них это было первым испытанием такого

рода. Они знали свое дело, от них зависело добраться до леса — ближайшей цели. Не требовалось кричать им ни «Маш!» (вперед), ни «Ха!» (влево), ни «Джи!» (вправо), а только «Нажмите, голубчики!» и «Молодцы, детки!». Они не сбивались с тропы. Скотти досталось сверх всякой меры, больше, чем он мог предполагать. Но его переполняло чувство счастья не потому, что он выигрывал гонки, а потому, что не ошибся в своих собаках и убедился, что на них можно рассчитывать.

«Я знал местность на зубок, знал каждый метр трассы. Но в этот

момент не было ни трассы, ни местности – лишь чудовищная пурга, образующая из ветра и снега вязкую смесь, которая крутится вихрем, ослепляет, душит. Оба моих компаса были ни к чему: поднеся их к глазам, я не мог разглядеть даже циферблат».

Да, бывают моменты, когда чутье и инстинкт собак значат больше, чем ум и изобретательность людей.

Вдруг упряжка свернула с тропы и понеслась на холм. Перси закричал: «Гиблое дело! Мы сошли с дороги, нас сносит к морю!» Скотти чувствовал, что нарты поднимаются

по склону; появились проплешины, свободные от снега, заструги как лезвия ножей. У него начала сильно мерзнуть одна щека. Брезент, прикрывавший нарты, развязался, хлопал по ветру и мог улететь, но Скотти не решался снять рукавицы, боясь потерять их. Пурга пробралась сквозь щели его одежды, даже там, где их, казалось, совсем не было, и жгла тело, как остриями раскаленных иголок. Затем они полетели вниз; люди, собаки и нарты смешались в одну кучу, зарывшись в глубокий, но рыхлый сугроб. Скотти подумал, что здесь они и застрянут, гонки проиграны бесповоротно, и, не

имея понятия, в какую сторону ехать, не решался отдать никаких приказаний; но собаки во главе с Кидом и Бальди гурьбой пустились дальше.

Нарты снова начали подниматься вверх. Перси заорал: «Все пропало!» Но он не понял намерений Кида и Бальди, направившихся по косогору. Ветер стал дуть не в лицо, а сбоку, подхватил нарты и помчал вниз по склону, скорее напоминавшему обрыв.

«Я думал, что падение никогда не прекратится. Собаки катились

кубарем, спутав постромки и скуля, а вместе с ними катился и я, вцепившись в задок нарт. С минуты на минуту я ожидал, что они ударятся в скалу и превратятся в кучу щепок. Но вот падение кончилось, мы остановились и опять оказались на дороге!»

Поразительное чутье позволило передним собакам миновать опасную, незамерзшую часть реки и укоротить путь почти на три километра, прямиком по холмам... Ни одному человеку, как бы опытен он ни был, не удалось бы в такую вьюгу проделать это так блестяще.

Двигаясь теперь по глубокому снегу, укрытые лесом от ветра, обе упряжки достигли наконец постоянного двора Чарли. Хозяин его страшно удивился: ведь из Нома сообщили по телефону, что выюга унесла и Скотти и Перси к морю... Лишь одна упряжка из сибирских лаек удержалась на тропе, но, не устояв перед пургой, повернула обратно, в Топкок. Скотти мог гордиться своими псами: они в труднейших условиях пробежали больше ста километров за восемь часов без перерывов на отдых и еду с небывалой скоростью — четырнадцать километров в час!

Благодаря Киду и Бальди Скотти и Перси, единственные из четырнадцати участников, добились таких поразительных результатов.

Они отдыхали у Чарли 5 часов 20 минут и, как только пурга стала утихать, отправились дальше.

Прибыв в Кандл, распрягши собак, покормив их, вытерев и уложив, Скотти погрузился в кропотливое изучение телеграфных известий, поступавших с трассы. Все упряжки выбыли, за исключением сибирских лаек Гузака, которыми управлял Терструп. Ему, несмотря на огромные трудности, удалось

пробиться. Его ждали с минуты на минуту, что выводило его вперед, так как он выехал после Скотти. Собаки Терструпа пробежали двести пятьдесят километров без отдыха и все же были в отличном состоянии.

Хорошенько все рассчитав, Скотти пришел к выводу, что если отдохнет семь часов, то сможет победить при условии, что на обратном пути не произойдет никаких неприятных инцидентов.

Как было предвидено, Терструп прибыл в хорошей форме. К всеобщему удивлению, он потребовал от контролеров сразу же

отметить путевой лист, так как хотел немедленно выехать назад, в Ном, к финишу гонок.

Эта новость произвела эффект разорвавшейся бомбы. В Номе потеряли головы и с боем пробивались на телефонную станцию, чтобы известить Скотти. Первый звонок был от его приятеля: тот в непечатных выражениях заклинал Скотти сейчас же пуститься в путь: если Скотти не выиграет, то разорит его дотла, ведь он поставил на него две тысячи триста долларов! Поскольку Скотти не отвечал, то болельщики в Номе попытались убедить его жену

повлиять на мужа, угрожали другу, у которого Скотти остановился, и требовали, чтобы тот заставил его немедленно продолжать путь.

Но Скотти знал: чтобы выиграть гонки, его псы должны отдохнуть, ведь они измучились в борьбе с пургой. Поэтому, несмотря на мольбы и угрозы, он не уступал. Он выедет лишь после того, как его собаки поспят семь часов, ни на минуту раньше!

В Кандле решили, что Скотти собирается наглядно изобразить басню о зайце и черепахе. Скотти был зайцем, чересчур

самоуверенным, а черепаха Терструп медленно, но неуклонно двигалась к победе.

В назначенный час Скотти поднял собак, запряг их и выехал в сопровождении верного Перси. Хорошо отдохнувшие псы очень быстро набрали высокую скорость, с тем же упрямством преодолевая и при обратном рейсе все препятствия: трещины, глубокий снег, лед, пургу; ничто не мешало им бежать. На середине дороги они нагнали упряжку лаек. Скотти оказался умнее: Терструп и его собаки переутомились, недостаточный отдых давал себя знать.

Через 82 часа 2 минуты 24 секунды после старта Скотти первым достиг Нома под общие овации; за ним следовал Перси. Они заняли первое и второе места и выиграли десять тысяч долларов золотыми двадцатидолларовыми монетами, два кубка и золотые часы.

Терструп приехал лишь на следующее утро... Вот что пишет об этом Скотти Аллен:

«Когда я сравнил маленькую кучку людей, ожидавших Терструпа, со вчерашней толпой (которая встречала Скотти и носила его на руках), то вся обуревавшая меня

радость от победы на гонках испарилась. Передо мной был человек, которому пришлось много хуже, чем мне: он провел в дороге на семь часов больше, практически без еды и без надежды на победу. Не будь у него железного характера, он никогда не закончил бы гонки».

6. Еще несколько гонок

Большие гонки 1911

года через Аляску

а этот раз победа далась и Аллену относительно легко. 1911 году было иначе. По его собственному признанию, те гонки были самыми трудными как физически, так и морально в его жизни.

Постыжение «через всю Аляску», которое называли, стало известно всей Америке. И снова Норм превратился в дом буйных сумасшедших.

Для участия записалось шесть упряжек: Скотти Аллена, разумеется, Джона Джонсона (побившего рекорд скорости на прошлогодних гонках), Фэя Делезена, Кока Хилла, Чарли Джонсона и Тедди Исто.

Собаки были все как на подбор, с внушительной родословной: три упряжки сибирских, чистопородных и три местных, аляскинских.

Имея таких опасных соперников, Скотти углубился в расчеты, ибо победа зависела от количества минут, какое можно было выиграть для отдыха или для дороги.

В Топкоке он изучил, за какое время его конкуренты покрыли расстояние от Нома до Соломона (около сорока пяти километров) сквозь пургу, вихри снега, по льду и предательским наледям. У Скотти ушло 3 часа 15 минут, у Джона Джонсона – 3 часа 30 минут, у Делезена – 4 часа 7 минут, у Хилла – ровно 4 часа, у Чарли Джонсона – 3 часа 58 минут, у Исто – 3 часа 38 минут.

Скотти был удивлен медлительностью Хилла и Делезена. «Я не понимал, что с ними? Думал, что они вот-вот оторвутся от прочих. Поэтому меня не поразило, когда в

пункте Хэвен я увидел Хилла, который, после того как засекли его время, тотчас же отправился в Кандл. Но представьте себе мое удивление, когда я узнал, сколько Хилл затратил на перегон Телефон – Хэвен; он на 25 минут побил мой рекорд на самом трудном участке трассы: наледи, подъем на ледник «Горб», потом Долина смерти...»

Скотти чуть не дал себя перехитрить. Лишь взвесив все сроки, убедившись в том, что все его расчеты правильны, он не поддался панике – пропустил Хилла вперед и заставил себя дать собакам отдых, в котором они нуждались.

В Кандле Хилл опережал Скотти на четыре часа. Скотти прибыл туда предпоследним. Здесь он повернул обратно; за ним ехал только Фэй Делезен.

«Я предпочел бы видеть его впереди. Фэй – один из лучших, его упряжка превосходна, и он вел гонку в правильном, продуманном, рассчитанном темпе».

Вот данные об этой первой половине гонок, обозначенные в полночь 10 апреля 1911 года на большой доске в Номе:

«Из Кандла сообщают: Скотти

Аллен — три собаки по приезде отвязаны. Две в плохом состоянии, одна в очень плохом.

Джон Джонсон в хорошем состоянии. Одну собаку привез на нартах. Три остальные довольно утомлены на вид.

Фэй Делезен — собаки на своих местах. Состояние упряжки лучше, чем у других. Ни одной раненой, все резвы и держатся на ногах. Гонщик, видимо, в хорошей форме.

Кок Хилл — все собаки в постромках, кроме одной, чуть-чуть нездоровой, вторая утомлена.

Остальные в хорошем состоянии.

Чарли Джонсон – по приезде одна раненая собака на нартах, прочие в порядке.

Септ Кримминс (каюр – Тедди Исто) – одна собака на нартах с отмороженными лапами; это произошло при переправе через речку. Остальные собаки в норме».

Жители Нома толпились перед этими сообщениями, прикидывали, каковы шансы соперников, жестоко спорили и часто меняли ставки.

В двухстах километрах от Нома

Скотти опередил упряжку Исто. Еще через тридцать километров, у Бостонского ручья, он нагнал Хилла, остановившегося, чтобы дать собакам передохнуть. Хилл подошел к трассе, когда Скотти проезжал мимо, но не для того, чтобы пожелать успеха, а чтобы посмотреть, в каком состоянии упряжка Скотти. Хилл отдыхал уже два часа. Еще через три километра Скотти поравнялся с обоими Джонсонами. Они выглядели утомленными, и он без труда обогнал их. Проехав еще восемь километров, Скотти остановил упряжку перед заброшенной хижинкой, куда завез

продукты и где имелся телефонный аппарат. Не теряя ни минуты, он накормил собак, дал им возможность отдохнуть, а сам вновь занялся расчетами.

Скотти решил дать собакам поспать пять часов, а затем закончить гонки, не делая перерывов на отдых и еду. Ему казалось, что бороться придется с Хиллом, чья упряжка резва и на нескольких этапах превзошла его в скорости.

Лишь только он покинул хижину и вновь пустился по замерзшей реке, как услышал крики Хилла, понукавшего собак позади него.

«Я не терял ни секунды. Он был сзади, на излучине. Я выпряг двух псов помоложе и привязал их к задку нарт. Мой вожак Ириш был приучен бежать во главе упряжки на подъемах и в трудных местах, а на спусках выскальзывать из сбруи и прыгать на нарты, чтобы сохранить силы как можно дольше.

Когда Хилл нагнал меня, я притворился, будто толкаю нарты сзади; на самом деле я их придерживал.

— Это ты, Скотти? — спросил Хилл.

– Это я. Как дела, Кок?

– Могли бы быть получше. А у тебя?

– Тоже идут неважно. Собаки устали, я тоже. Занимай колею.

– Нет, поезжай впереди. Доедешь быстрее меня!

– Не думаю.

Через несколько минут Хилл промолвил:

– Ну что же, Скотти, я, пожалуй, займу колею. Полагаю, что смогу

ехать быстрее.

– Еще бы, Кок! Разумеется!

– Сожалею, что ты в неважном состоянии, Скотти. Валяй, старина, не унывай!

– Не беспокойся, доеду как-нибудь. До свидания, Кок, счастливого пути!

– До свидания, Скотти! Увидимся в Номе. Нельзя, чтобы сибирячки выиграли. Постараюсь их догнать. Пока!»

В Каунселе, расположенном на

двадцать восемь километров дальше, Хилл опережал Скотти на тридцать семь минут; в Тимбере, еще через двадцать четыре километра, — на сорок четыре минуты. Если учесть, что один выехал на полчаса раньше другого, то Скотти нужно было на последних ста километрах наверстать целый час и сорок минут.

Его друзья и те, кто на него ставил, были в полном смятении. Их охватила паника, тем более что Фэй Делезен прибыл в Тимбер по пятам за Скотти, между тем как предыдущей ночью отставал от него на три часа.

Начиная от Тимбера, на протяжении двадцати четырех километров шел спуск, во время которого Ириш мог восседать на нартах как паша и беречь силы для финального рывка.

В Топкоке Скотти уже отыгрывал у Хилла тридцать две минуты на последних двадцати пяти километрах. Двойные рационы и отдых, предоставленный собакам, оправдали себя. Перед ним виднелись упряжки Хилла и Чарли Джонсона, с трудом взбиравшиеся по склону холма.

У подножия этого холма Скотти

запряг Ириша в голове, перед Бальди и Пристом. Чтобы облегчить собак, он бежал рядом с ними по склону километра три; но не успел задок нарт перевалить через гребень, как Скотти вскочил на их полозья.

В сугробе он увидел одну из рукавиц Джонсона, сорванную ветром. Он остановил нарты, поднял рукавицу и, обгоняя Джонсона, бросил ее гонщику. В благодарность – угрюмое ворчание.

Затем настал черед Хилла.

«Кок – хороший парень и все гонки провел отлично. Я предпочел

бы сделать все, что угодно, лишь бы не обгонять его. Но это пришлось сделать, чтобы выиграть состязание. Если бы он, обернувшись, огрел Ириша бичом или обругал меня на ходу, мне было бы легче... Обгоняя, я спросил Хилла, как дела. Он оставил вопрос без ответа. Потом я подумал, что при таких обстоятельствах это был глупейший из всех вопросов, какие можно было задать».

Скотти выиграл эти состязания, пройдя 656 километров за 80 часов 45 минут 49, 5 секунды, опередив Кока Хилла на два часа, Чарли Джонсона – на три, Фэя Делезена на целых пять часов. Что касается

Джона Джонсона, он остался в Сэфети из-за снежной слепоты.

Большие гонки 1910 года через Аляску

Не все гонки по Аляске были выиграны Скотти Алленом. На такой длинной дистанции обычно при чрезвычайно тяжелых метеорологических условиях и люди и собаки рискуют жизнью, и удача не всегда оказывается на стороне того, кто подготовлен лучше всех.

Во время гонок 1910 года Скотти действительно чуть не сломал себе шею из-за несчастного случая.

Эти гонки выиграл Джон Джонсон со временем 74 часа 14 минут 37 секунд – рекорд состязания. Вторым был Фокс Рамсей (76 часов 19 минут 19 секунд). Скотти пришел третьим, за 76 часов 33 минуты 27 секунд, отстав больше чем на два часа от занявшего первое место.

В старте участвовало тринадцать соперников с отличными упряжками. Как всегда, царила лихорадка, пари заключались на значительные

суммы. Погода была ясная, стоял мороз, ехали быстро.

Скотти вел упряжку из десяти собак, самых резвых, какие у него когда-нибудь были. Дистанцию Ном – Кандл, около 335 километров, он прошел за 19 часов 46 минут, то есть с необычайной скоростью – около семнадцати километров в час.

Скотти стал суперфаворитом. Он чувствовал себя в форме. Будучи далеко впереди, смог отдохнуть в Кандле больше, чем остальные. Обратный путь обещал стать простой прогулкой, казалось, дело было в шляпе.

С вершины высокого холма, где дул сильный ветер, он выехал на карниз, образовавшийся в течение зимы из наметенного буранами снега; на этом участке таких карнизов было много. Вдруг его собаки заметили, что упряжка Фокса Рамсея перевалила через гребень, и рванулись как бешеные. Не успел Скотти шевельнуть пальцем, как произошла драма: карниз рухнул. И гонщик, и собаки, и нарты полетели вниз с высоты более пятидесяти метров, катясь кувырком. Они должны были разбиться в лепешку на дне оврага.

Однако, когда Скотти,

наполовину оглушенный, пришел в себя, он констатировал, что цел — невероятное везение! — и ничего у него не сломано. Кое-как он поднялся и занялся собаками. Пять псов было невредимо, два совсем плохи и, видимо, должны были закончить пробег, лежа на нартах; да и три остальных тоже нуждались в лечении.

Хотя Скотти был изрядно помят, весь в ссадинах и синяках, ему ценой невероятных усилий удалось втащить нарты на лыжню. Он запряг пять здоровых собак, положил двух раненых на нарты. Прочие могли бежать сами, хромя, и Скотти

предоставил им свободу следовать за нартами. Сам он с трудом шевелил плечом, и голова у него страшно болела. Решив, что в сущности отделался легко, он погнал собак по лыжне.

Но еще до приезда в Топкок Скотти почувствовал, что продрог до костей, ведь при падении его одежда порвалась. Начали мерзнуть ноги; в таких условиях продолжать гонки было невозможно, и он зашел в первое попавшееся иглу. Там на скамейке сидели старые эскимос и эскимоска.

— Мокасины! — крикнул Скотти.

— Пару мокасин! Эскимосы безучастно смотрели на него, не двигаясь с места.

Видя, что словами ничего не добьешься, Скотти (его глаза успели привыкнуть к полумраку, царившему в иглу) стал сам искать обувь, но ничего не нашел.

Наконец старуха как будто проснулась. Поднявшись, подошла к нему и уставилась в упор.

— Твоя — Скотти?

— Да, да! — ответил он нетерпеливо.

– Твоя голодный?

– Нет! Ноги мерзнут. Моя хотеть муклуки!

– Плохо, шибко плохо. Нету муклуки.

– Это твой муж?

– Да. Но лишние муклуки нету.

– Твоя брать пять долларов. Моя брать муклуки (мокасины) твоего мужа. Через два месяца моя вернуть муклуки. Ладно?

Услыхав это, мужчина,

протестуя, поджал ноги, обутые в муклуки. Но Скотти сунул в руку его жены пятидолларовую кредитку. Они поладили. Когда женщина стаскивала с мужа обувь, Скотти держал старика за руки, чтобы помешать его сопротивлению. Поспешно напялив мокасины, он под брань и проклятия хозяина кинулся к выходу, но старуха удержала его за руку.

— Моя давать парка. Шибко холодно. Твоя замерзать, Скотти! — Сняв с себя парку, она протянула ее гонщику. Выйдя из иглу, Скотти сразу привлек внимание эскимосов, сбежавшихся на него поглазеть. Мужчина в женской парке —

комичнейшее зрелище!

К двум часам ночи у Скотти стали появляться галлюцинации. Все тело у него страшно болело и ныло. Ему казалось, что лыжня ведет спиралью прямо на небо. Он постарался взять себя в руки и смотреть не по сторонам, а только на трассу. Но несколько раз ему пришлось останавливаться и закрывать глаза, чтобы избавиться от видений.

На постоялом дворе Тимбер он как следует подкрепился, накормил собак и внимательно их осмотрел, а через два часа тронулся в

дальнейший путь. О происшедшем с ним несчастном случае уже знали в Номе, и шансы его стали котироваться ниже. Стало известно, что выиграть гонки он уже не может и, без сомнения, даже не будет в состоянии их закончить.

В восемь часов утра, измученный донельзя, он чуть не спасовал в ста километрах от финиша. Но большой выигрыш во времени, накопленный в первой половине гонок, еще оставлял ему надежду быть в числе претендентов на три призовых места.

За тридцать километров до

финиша глубокой ночью он вдруг заметил перед собой огонек и подумал, что какой-то приятель спешит ему на помощь. Но ведь это запрещалось правилами гонок! Скотти сердито велел ему убраться прочь с дороги, но огонек продолжал мерцать перед ним до самого контрольного пункта на мысе Ном, где Скотти врезался в толпу, ругая оболтуса, из-за которого его могли дисквалифицировать.

Один знакомый подошел и спросил, кого это он так отчитывает.

– Перед тобой никого нет! Тебе померещилось. Держись и

заканчивай гонку! Ведь твои дела не так уж плохи, можешь рассчитывать на второй приз!

Эта новость подстегнула Скотти как бичом, ведь он думал, что занимает место в хвосте!

После мыса Ном перед Скотти вновь замаячил огонек. Видимо, он был совсем измотан, раз у него появилась такая галлюцинация. Лишь в пяти или шести километрах от финиша, в форте Дэвис, огонек исчез, но, по словам Скотти, на этом последнем отрезке пути он был почти без сознания. И все-таки пересек финишную черту с пятью

здоровыми собаками, двумя на нартах и тремя привязанными к нартам, что вполне соответствовало правилам. Скотти совершенно не помнил, когда и где он привязал трех поранившихся собак, которые большую часть пути бежали рядом с нартами.

Он пожелал сам позаботиться о своих псах, категорически отказавшись поручить это кому-нибудь другому, и проделал все, что в этом случае полагалось.

Поспав четыре часа, Скотти вскочил и стал одеваться с целью продолжать гонки, сразу не

сообразив, что уже прибыл в Ном. И в течение нескольких часов он не верил, что с его собаками произошла катастрофа, и думал, что ему рассказывают небылицу.

Вальди из Ном

Ежегодно на Аляске устраивали и другие гонки, на гораздо более короткие дистанции. Так, гонки «Соломондерби» происходили по маршруту Ном – Соломон – Ном протяженностью всего 105

километров. Это расстояние в конце зимы пробегали меньше чем за шесть часов. Скотти считал это состязание лишь тренировкой перед большими гонками. В 1910 году он выступил на нем со своей упряжкой, самой резвой из всех, какие у него когда-либо бывали, с двумя замечательными жожаками — Кидом и Бальди. При одной из пробежек Скотти уложился в пять с половиной часов.

Кид был замечательной собакой, помесью маламута и сеттера; в нем сочетались физические и психические достоинства обеих этих пород. Ему было два с половиной года, и Скотти считал его одной из

лучших ездовых собак во всем мире.

Как-то утром он нашел Кида мертвым в конуре: пес висел в петле на перекладине. Как это произошло, не известно. По общему мнению, злодеяние совершил один из соперников.

Известие о происшедшем распространилось с быстротой молнии. До этого никто не решался ставить пари против Скотти и его упряжки. Он считался фаворитом из фаворитов, и его участие сулило верный выигрыш. Но как только узнали о гибели Кида, болельщики начали ставить против Скотти.

Ставки доходили до двух к одному.

Теперь Скотти мог рассчитывать лишь на Бальди, но тот, к несчастью, никогда не был единоличным вожаком и очень нервничал. Его пугала толпа на старте. Вообще он боялся громкой музыки, выстрелов, шума. Бальди был чувствителен, как оперная примадонна.

По жеребьевке Скотти вытянул первый номер, самый плохой, ибо у того, кто едет первым, нет никого впереди, чтобы возбудить у собак желание догнать. Бальди так нервничал, что рванулся вперед на десятую долю секунды раньше

сигнального выстрела. Однако старт все же засчитали.

Проехав сорок километров, Скотти услышал, что один из полозьев трещит. Он перегнулся с нарт посмотреть, в чем дело, и очутился в сугробе. Когда он очнулся, Бальди облизывал его лицо, по которому струилась кровь. Оказывается, нагнувшись, Скотти ударился об одну из железных вешек, расставленных вдоль трассы. Капюшон парки и ее мех смягчили удар, но железо распороло одежду, сильно оцарапало щеку и поранило голову. Если бы обморок продолжался дольше, если бы Бальди

не помог ему прийти в себя, Скотти наверняка замерз бы.

Умный Бальди заметил, что нарты стали легче, когда хозяин упал с них. Он повернул упряжку назад, чтобы подъехать к Скотти, распростертому в снегу, стал лизать и согревать его... Для ездовой собаки поведение необычайное, быть может единственное в своем роде.

Скотти, почти без сознания, сильно пораненный, кое-как добрался до нарт, с трудом вскарабкался на них и уцепился за стойки. Бальди, видя, что хозяин держится крепко, тронулся в путь

быстрым аллюром.

Увидев радиовышку Сэфети, Скотти вынул из кармана путевой лист и убедился, что на нем нет отметок. Значит, он не проезжал через Соломон. Бальди изменил направление и вез его опять в Ном... Скотти остановил упряжку и повернул обратно. Ему было настолько не по себе, что большую часть пути он сидел на нартах. Его белая парка вся была покрыта замерзшей кровью.

В Соломоне приезд Скотти произвел сенсацию. Все собрались вокруг нарт. Хотели его перевязать,

но он отказался: замерзшая кровь вполне заменяла повязку. Скотти потерял не так-то много времени, и у него еще были шансы одержать победу.

На мысе Ном, в двадцати пяти километрах от финиша, ему повстречался врач, посланный властями Нома, предупрежденными из Соломона.

— Привет, доктор! — крикнул Скотти, проезжая мимо. — Увидимся в Номе!

Конечно, Скотти получил первый приз, к большой радости

оставшихся ему верными держателей пари. Бесспорно, этим он обязан Бальди, удостоенному нашивками вожака первого ранга, несмотря на то что Бальди тогда только начинал свою легендарную карьеру; на Аляске пес скоро стал известен под кличкой Бальди из Нома.

Действительно, Бальди из Нома был необыкновенным псом. Он доказывал это много раз, но особенно ярко в тот день, когда Скотти во время поездки заметил, что Бальди почти не в состоянии бежать. Его тело утратило гибкость из-за длительного напряжения в сильный мороз и метель. Было

очевидно, что у него сильно болят все мышцы. На очередном привале Бальди запихнули в спальный мешок, чтобы он не мерз, когда его повезут на нартах. Но, увидев, что на его место во главе упряжки ставят другого пса, Бальди вырвался из спального мешка, соскочил с нарт и в таком виде, прихрамывая, занял свое место. Затем он сделал попытку заставить других собак бежать, но безрезультатно, так как они привыкли следовать за ним, только когда он был запряжен. Скотти, огорченный всем этим, но вместе с тем восхищенный мужеством своего пса, вернул его на место вожака.

Бальди тронулся с места, сначала медленно, огромным усилием воли переставляя наполовину парализованные лапы. Затем его бег ускорился, силы стали нарастать, мышцы разогрелись, и он снова помог хозяину победить.

Бальди сделался знаменитостью, национальным героем. В награду Скотти дал ему свободу, т.е. позволил сопровождать себя в городе. Поклонники и поклонницы Бальди пылали таким энтузиазмом, что при встрече с ним каждый пытался отрезать на память прядь его шерсти; не мудрено, что вскоре он принял довольно печальный вид: точь-в-точь

плешивая собака!

Однажды Скотти даже взял его на сессию законодательного собрания Аляски, но Бальди, который терпеть не мог толпы, удрал и пропадал трое суток. Скотти подобрал для него подругу – маламутку по кличке Ласка. Она, наоборот, очень любила, когда на улицах Нома ею восхищались. Чтобы победить неприязнь Бальди к многолюдству, она брала в зубы его поводок и выводила на прогулку под умиленные взоры всех жителей.

Депутаты от Аляски даже подарили знаменитому псу золотой

ошейник, на котором было выгравировано: «От Ласки – Бальди».

Когда знакомишься с биографией Скотти Аллена, больше всего поражает обилие перебывавших у него «из ряда вон выходящих» собак. Это лишний раз доказывает, что ценность собаки часто, если не всегда, зависит от ее хозяина, от полученных ею воспитания и дрессировки, иными словами – от среды (ведь точно так обстоит дело и с людьми).

Одну из этих несравненных собак звали Дубби (мы уже

упоминали о ней). Она тоже прославилась настолько, что Альберт Финк (юрист, составивший правила «Большой гонки через Аляску»), встречая ее на улицах Нома, снимал перед нею шляпу!

Дубби, как и Бальди, пользовалась полной свободой и могла гулять, где хотела. Во время поездки на нартах она бежала впереди собак, чтобы увлекать их за собой и отыскивать путь, если в этом встречалась надобность. Она бесподобно умела находить тропу, даже если последняя была покрыта слоем снега. Однажды Скотти со своей упряжкой во главе с Дубби был

застигнут пургой в 150 километрах к северу от Нома и искал хижину, где можно было бы укрыться от непогоды и где, как он знал, имелись съестные припасы и дрова.

Бушующая стихия заставила его сделать привал и дать собакам возможность спрятаться в снежных норах. Вьюга могла длиться несколько недель, а продуктов хватило бы лишь на два дня. Этот срок удалось растянуть до пяти дней. Так как пурга не утихала, а дальше ждать было невозможно, он решил вновь пуститься на поиски хижины. Не оставалось ни грамма пищи ни для себя, ни для собак, а мысль о

том, что можно принести одну из них в жертву и накормить остальных, у него не возникала. Оставался единственный выход — как можно скорее найти ту хижину.

Дубби, будучи, как обычно, на свободе, бежала перед упряжкой. Заметив на горизонте огонек, Скотти велел ей свернуть в эту сторону, но она заупрямилась и продолжала бежать в избранном ею направлении. Приказания, проклятия, ругань — ничто не помогало. Скотти был в бешенстве, ведь в этой отчаянной ситуации мелькнувший огонек казался единственным якорем спасения.

После долгого бега упряжка, которую вела Дубби, остановилась, и собаки принялись лихорадочно рыться в снегу. Скотти подошел, по-прежнему сердясь на них, но заинтересованный их поведением. Вдруг Дубби исчезла в прорытой ею норе. Это оказался туннель, ведущий к хижине, совершенно погребенной под снегом.

Что касается огонька, это, как Скотти потом легко догадался, была звезда, очень низко стоявшая над горизонтом и замеченная им в минуту затишья. Так Дубби еще раз проявила поразительный инстинкт, единственный в своем роде.

Все аляскинские старожилы и даже индейцы знали Дубби. Когда Скотти удалился от дел, он взял ее к себе домой. Его дети приучили ее охранять котенка по кличке Техас. Когда Дубби выходила с ним на улицы Нома, ни одна собака не осмеливалась на враждебный выпад против котенка.

Когда Дубби умерла, известие об этом появилось в самых крупных американских газетах под заголовком: «Кончина величайшей аляскинской собаки».

Именно благодаря Скотти Аллену и его легендарным собакам

«Большие гонки через Аляску» до сих пор пользуются в США известностью. Это состязание способствовало тому, что в Америке узнали об арктических собаках, стали изучать и улучшать их породы.

7. Война 1914—1918 годов

Сверхсекретная миссия

описал жизнь Скотти Аллена, льку то, что в ней связано с ами, весьма показательно. о не следует думать, что и — некий зарубежный ный герой, не имеющий ого касательства к нам, цузам. Мы должны быть арны ему за то, что он сделал ашей армии в годы, когда мы нуждались в помощи, — в годы й мировой войны.

Он выполнил для нас сверхсекретную миссию вполне в его духе, так как дело шло о собаках и нартах.

В начале 1915 года представитель французского правительства был послан в Ном, чтобы уговорить Скотти поставить собак для фронта. Высшее французское командование испытывало большие затруднения с транспортом зимой в глубоких снегах Вогезов. Было нарушено снабжение самыми необходимыми боеприпасами, в том числе для тяжелого оружия, хотя использовали все: лошадей, ослов, мулов, автомашины и людей. Тогда подумали о ездовых собаках и сразу же о Скотти Аллене, ведь слава его гремела на весь мир.

В августе 1915 года ответственным лицом за это дело назначили капитана Моффле, который жил на Аляске до войны. Ему поручили набрать четыреста собак и доставить их на театр военных действий с полным снаряжением. Капитан Моффле после тяжелого ранения приходил в себя в Канаде и остался в Монреале, чтобы организовать приемку собак, а его помощник, лейтенант Хаас, также знакомый с Арктикой, отправился в Ном. Приехав в Сиэтл, он послал Скотти шифрованную телеграмму с просьбой безотлагательно приобрести сотню

собак со снаряжением. Переписка велась шифром не столько с целью соблюдения военной тайны, сколько для того, чтобы цены на собак не вздулись.

Скотти, перенесший незадолго до того воспаление легких, уже несколько месяцев не выходил из дома, и, когда он стал посещать эскимосские селения, это никого не удивило. Его радушно принимали как старого друга, каким он и был, и заводили оживленные разговоры о собаках, о нартах, о гонках.

Когда лейтенант Хаас прибыл на борту «Сенатора», осталось лишь

собрать закупленных собак. На другой день после его приезда были уже готовы сто шесть собак с нартами, упряжью и двумя тоннами сушеной рыбы.

Все население Нома высыпало на улицы смотреть на это зрелище. Шли горячие споры о том, как Скотти их поведет: подобное затевалось впервые. Чтобы отвести столько псов к месту погрузки попарно, требовалось около пятидесяти человек. Но Скотти придумал другой способ. Он взял канат длиной немногим более ста метров с 53 кольцами, укрепленными на расстоянии 1,6 метра друг от

друга. Когда баржа, которая должна была перевезти собак с набережной на пароход, стоявший в бухте на якоре, оказалась при отливе на сухом месте, Скотти привязал собак попарно к кольцам, а впереди, чтобы обеспечить контроль, поставил 28 собственных псов (все — потомки Бальди).

Ничего подобного никогда не видели: сто шесть псов, запряженных попарно с помощью каната длиной более ста метров!

Если бы канат лопнул или соседние собаки передрались между собой, это окончилось бы бедой. Но

бежавшие впереди во главе со Спотом были на высоте. Гигантская упряжка тронулась в путь. Собаки тащили тяжелую повозку, запряженную двумя лошадьми, чья забота была не везти, а придерживать повозку. В повозке – добрый десяток весело визжащих девушек, чьи крики и смех действовали на псов возбуждающе.

Несмотря на старания кучера заставить лошадей идти как можно медленнее, несмотря на противодействие самих лошадей, которых собаки прямо-таки волокли, несмотря на затянутые до отказа тормоза, небывалая упряжка

двигалась так быстро, что кучер испугался, стал кричать и жестикулировать под смех толпы и визг девушек. Но погрузка на баржу прошла в конечном счете без всяких осложнений и заняла только три часа.

Америка еще не вступила в войну, и этот собачий отряд был, безусловно, первым ее войсковым соединением, участвовавшим в ней (ведь собаки-то были американские!). Поэтому Скотти был вынужден держать все в секрете. Даже своей жене он не мог сказать, что уезжает во Францию. Интересующимся он говорил, что

едет по делам в Квебек, а зимой навестит семью в Калифорнии.

Плавание до Сиэтла продолжалось девять дней без всяких происшествий. Из Ванкувера поезд должен был доставить собак в Квебек — тяжелый путь длиной в три тысячи километров.

Два пульмановских вагона были переделаны специально для собак, у каждой было свое место. Пересадка с парохода на поезд прошла без затруднений. Были предусмотрены частые остановки поезда, чтобы дать псам возможность пробежаться — необходимое условие для сохранения

их здоровья.

Особенно боялся Скотти нескромности журналистов, поэтому пошел на хитрость: когда поезд приближался к Монреалю, он соскочил на ходу и взял в предместье такси, чтобы провести в городе день спокойно.

Велико было удивление Скотти, когда вечером он услышал громкие выкрики продавца газет, размахивавшего свежим номером:

— Все о Скотти Аллене и его волках, которые растерзают немцев!

Он купил газету. На первой странице было помещено интервью, якобы данное им. Между тем он не беседовал ни с одним журналистом и не давал никакого интервью!

«Прочтя первые строки, — рассказывал он впоследствии, — я почувствовал себя лучше и даже рассмеялся. Интервью было превосходное. В нем говорилось о моей жизни на Северо-Западе и на Аляске, о воспитании собак и о моем путешествии с ними на войну. Все — чистая правда и, вероятно, интересно для читателей. Откуда этот тип из «Стар» выудил столько сведений обо мне, я так никогда и не узнал. Но это

интервью, которого я никогда не давал, было куда лучше всех печатавшихся раньше».

В Квебеке Скотти встретился с Моффле, тот сообщил последние инструкции: требовалось четыреста собак, а не сто. Итак, нужно было найти еще триста.

Скотти тотчас же бросился на поиски, разослал телеграфные запросы во все фабрики Северной Канады, от Сен-Лорана до северного берега и Лабрадора. Меньше чем за две недели им было закуплено 350 собак, 60 нарт и пять тонн галет, изготовлена упряжь для всех псов.

Собак устроили в парке на территории выставки. Рядом находился полигон, где испытывались боеприпасы для канадской армии. Канонада гремела непрерывно, так что земля дрожала. Реакция животных была различной: одни молча прижимались к земле, другие пытались вырыть норы, чтобы спрятаться; большинство же принималось подвывать. Но через два дня они уже привыкли к грохоту, а некоторым псам он, видимо, даже нравился.

Главной заботой Скотти было подчинить собак весьма суровой дисциплине. В частности,

требовалось отучить их от воя. Ни один капитан не взялся бы перевезти воющих собак через зону, где действовали немецкие подводные лодки.

Скотти поднялся на борт судна, предназначенного для обеспечения этого рейса, и обсудил с его капитаном условия плавания. Капитан хотел, учитывая возможный вой собак, поместить их на нижней палубе. Скотти воспротивился: там невыносимая жара, воздух будет портиться. Собак нужно поместить на верхней палубе и ежедневно ее мыть. Там они смогут дышать свежим воздухом.

Скотти обещал, что псы будут вести себя скромно, тихо, как и подобает воспитанным животным. Но капитан знал повадки ездовых собак и не представлял себе, чтобы кто-нибудь мог заставить их молчать. Однако Скотти настолько великолепно проявил свое умение убеждать, что капитан согласился взять собак на борт «Помераньена». 450 «волков» сдержали обещание, данное за них хозяином, и не подавали голоса в течение всего плавания — достижение невероятное.

На палубе было поставлено 170 клеток вплотную друг к другу с двухметровым проходом между

рядами. Клетки прикрепили к палубе, чтобы их не снесло за борт в случае шторма. Собаки были на привязи, но могли передвигаться, насколько позволяла длина цепочек. 70 клеток имели перегородки и предназначались для двух собак каждая, в остальных ста помещалось по три собаки.

Предвидя возможные потери во время столь длительного пути, Скотти приобрел больше собак, чем ему поручили (он вез 450 псов), но погиб только один, съев отравленную крысу.

У «Помераньена», старого

пузатого корыта, капитанский мостик торчал на столбиках посередине корпуса. Перегруженный — осадка на четверть метра ниже максимально допустимой для открытого моря, он плавал словно бревно и в штормовую погоду изрядно зачерпывал воду.

Когда на широте Ньюфаундлендской банки внезапно налетел шквал, крепление части клеток позади капитанского мостика не выдержало, и клетки затеяли дикую пляску по палубе. Скотти боялся, что потеряет половину собак. Однако, кроме поломки нескольких клеток и ссадин, полученных парой

псов, потерь не было. Поранившимся оказали медицинскую помощь, клетки починили и прикрепили к палубе попрочнее, а их обитателей водворили обратно. У собак, промокших и продрогших до костей, не было ни желания, ни сил даже скулить.

Команда была далеко не первоклассной, за исключением офицеров: ни один из «моряков» не умел даже вязать узлы!

Ежедневно британское адмиралтейство сообщало капитану шифром курс: нужно было идти зигзагами, чтобы избежать встречи с

немецкими субмаринами. Ночью судно скользило бесшумно, без огней: все иллюминаторы затемнены, двери закреплены, чтобы не хлопали, и маскировались шторами. Порой замечали огни; были ли это рыбачьи суда или подводные лодки? Вахтенные нервничали и поднимали тревогу из-за пустяков; однажды ночью было три сигнала «Тревога!» без всякого повода. Лишь только пароход вошел в опасную зону, собаки каким-то чудом притихли. До этого иногда слышалось рычание, лязг цепочек. Теперь псы не ложились с наступлением темноты и не возились

в клетках. Капитан не мог прийти в себя от удивления и заметил: «Слепой сказал бы, что на палубе ни одного пса». Для Скотти, горячо любившего собак, это было лишним доказательством их изумительного чутья. Его особенно волновала судьба четырехсот пятидесяти привязанных собак в случае, если судно будет торпедировано.

После двух недель плавания, похожего на рыскание вслепую, два минных тральщика встретили «Помераньен» и эскортировали его до Гаврского рейда. Там к нему подошел тяжело пыхтящий полицейский катеришко, и хриплый

голос зарычал в рупор:

— Если вы не собираетесь на тот свет, то отведите вашу чертову лоханку в безопасную зону!

Эта зона была обозначена буями, поддерживавшими противолодочную сеть. На другое утро команда увидела в самой середине «безопасной зоны» торчавшие из воды мачты и дымовую трубу грузового судна, потопленного немецкой субмариной.

С чисто военной точностью ровно в десять часов утра два катера взяли «Помераньен» на буксир и отвели к набережной. Тотчас же был

подан железнодорожный состав, и шесть «журавлей» принялись за работу. К полудню все было закончено; собак и людей поместили в здании бывшей бойни, где царил тошнотворный запах.

Организованность, четкость и быстрота разгрузки поразили Скотти. Он пошел проститься с капитаном судна. Тот искренне признался, что был не прав, когда при отплытии так пессимистически высказывался о собаках, и выразил восхищение тем, как Скотти их вымуштровал и держал в руках.

Они обменялись рукопожатием.

Капитан отправлялся в 37-й рейс через зону, где шныряли подводные лодки. Когда Скотти заметил, что не завидует ему, капитан рассказал следующий анекдот.

Как-то шотландцы захватили немецкого шпиона. Его, как полагается, приговорили к расстрелу, и одному шотландцу было поручено отвести осужденного к подножию холма, где ожидал взвод, чтобы привести приговор в исполнение. Немец пожаловался, что ему приходится шлепать по грязи. «Ха! — ответил шотландец. — А я? Вы спуститесь вниз, и вам не нужно будет топать обратно. А я вынужден

всю грязь, облепившую мои башмаки, тащить наверх».

На Вогецском фронте

Еще на борту судна каждый пес получил «удостоверение личности» — медную бляху, на одной стороне которой были выбиты его номер и кличка, а на другой — номер упряжки и номер места в ней. На сбруе каждой собаки также были указаны ее номер, кличка и номер упряжки, в которую она входила. Нарты были

помечены номерами упряжек. Скотти предвидел все, хорошо зная, какой беспорядок возникает, если запрячь пса в первые попавшиеся нарты.

Он сформировал шестьдесят упряжек по семь собак, а два десятка собак оставил в резерве. Каждая упряжка состояла из головного вожака, правой крайней, левой крайней, правой центральной, левой центральной, правой задней и левой задней собак. Это был простейший способ запрягания, учитывавший неопытность французов.

В дни золотой лихорадки Скотти

встречался с французами, эмигрировавшими на Аляску. Все это были парни хлипкие, небольшого роста, всегда взволнованные, нервные и болтливые, но говорить они могли, лишь когда руки у них были свободны. И он ожидал, что у него возникнет немало трудностей с пятью десятками альпийских стрелков, предоставленных в его распоряжение, но был приятно удивлен, увидев спокойных, серьезных, добросовестных молодых людей. Впрочем, впервые встретившись с собаками, они поначалу стали смеяться. Так вот каких зверюшек прислали с другого

континента, чтобы выполнять работу, непосильную и для лошадей, и для мулов, и для людей!

Прежде всего Скотти велел им выкрасить белой краской столбы лагерной ограды и на каждом поставить номер — от первого до шестидесятого. К каждому столбу он привязал нарты с соответствующим номером, а на нарты положил упряжь, имевшую тот же номер. Наконец, лейтенант Хаас, уже ездивший на собаках по Аляске, объяснил со слов Скотти, что означают цифры на собачьих бляхах. Через час шестьдесят упряжек были запряжены в шестьдесят нарт без

всякой неразберихи и ошибок — успех, достигнутый благодаря организаторскому таланту Скотти.

Начались тренировки. До обеда практиковалась одна половина упряжек, после обеда — другая. Альпийские стрелки, нисколько не боясь, учились обращаться с собаками, а собаки постепенно привыкали к новым хозяевам. А Скотти всегда был наготове: лишь только какой-нибудь пес начинал ворчать или огрызаться, его тут же отводили в конуру. Такая жесткая дисциплина содействовала установлению самого строгого порядка; удалось избежать того, чего

Скотти больше всего боялся, — что всех собак перемешают.

Однажды ему пришлось съездить в Гавр, чтобы перед близящейся отправкой на фронт пополнить запас снаряжения — ремней, цепочек, карабинов. Покупки заняли больше времени, чем предвиделось. Подъезжая к лагерю, Скотти услышал страшный шум. Он мог иметь лишь одно происхождение: псы передрались. Скотти поспешно въехал в ворота и с испугом увидел посередине двора огромную груду визжащих, рычащих, грызущихся между собой собак, которые дали себе волю и спешили

отыгаться за слишком долгое хорошее поведение. Это была куча мала, но высотой с человека! Каждый пес старался вскарабкаться на самый верх, чтобы получить преимущество над остальными. Для этого он с разбега вскакивал на них, вцеплялся зубами в одного из находившихся ниже и всячески пытался сбросить его. Тот в свою очередь разбегался, вскакивал на кучу, из которой был изгнан, и веселая возня возобновлялась — веселая для тех, кто был сверху, но находившимся в самом низу приходилось туговато.

Как и те французы, которых

Скотти знавал в дни золотой лихорадки, солдаты кричали, жестикулировали, пинали псов ногами и хлестали бичами, но это только разжигало их еще больше. Вероятно, они думали, что солдаты тоже участвуют в свалке и находят в ней такое же удовольствие. Во всяком случае псы прекрасно отдавали себе отчет в том, что их новые хозяева полностью утратили контроль над положением.

Понадобилось сначала избавиться от стрелков, еще более возбужденных, чем собаки, и подвергавшихся опасности быть искусанными. Но Скотти не говорил

по-французски, а из солдат лишь несколько знали десяток английских слов. Скотти бросился к ним и потребовал, чтобы они немедленно развели псов по конурам.

– Твоя видеть, собака убежать, твоя привязать собака! – кричал он, невольно пуская в ход тот ломаный английский язык, каким говорят с туземцами.

Затем он стал посередине двора и, воспользовавшись минутным затишьем в рычащем хоре, щелкнул бичом и заорал знакомое псам «Э-гей!».

Они слышали и узнали его голос. Тотчас же ситуация изменилась: собаки, бывшие сверху, разбежались по конурам, подстегиваемые меткими ударами бича, заставлявшими их визжать от боли. Визг пострадавших посеял панику среди остальных, и куча драчунов растаяла, как снег на солнце. Вскоре на поле брани осталось лишь десятка три псов, не подававших признаков жизни. Потом они отдышались, кроме четырех, но и те в конце концов очнулись благодаря заботливому уходу солдат. Великое сражение закончилось без всяких жертв.

На другой день состоялся отъезд на Вогезский фронт.

По прибытии туда собак разделили на два отряда по две сотни с лишним голов в каждом.

Сначала собак использовали для подвозки боеприпасов на несколько вершин Вогезов, занесенных снегом. Ворчливому генералу, командовавшему этим участком фронта, были знакомы лишь те классические транспортные средства, о каких он получил понятие в военном училище; но, несмотря на свойственный всем офицерам скептицизм, он вскоре был

вынужден признаться, что еще не видел столь эффективного средства для зимних перевозок.

Первым подвигом арктических собак была перевозка за четыре дня девяноста тонн боеприпасов на батарею, снабжение которой люди, лошади и мулы пытались наладить в продолжение целых двух недель, но так и не смогли доставить туда ни единого снаряда.

Затем с помощью собак было проложено тридцать километров телефонного кабеля и восстановлена связь с пунктом, отрезанным немцами. Разведывательные

самолеты установили местонахождение этого пункта, но не могли оказать поддержку застрявшему там отряду. Благодаря телефонной связи и воздушной разведке удалось помочь отряду выйти из окружения и достичь линии фронта.

Альпийские стрелки стали хорошими каюрами и, несмотря на картечь, так увлекались спортивной стороной дела, что порой забывали про войну... Три пса, сыновья Бальди, были награждены военным крестом.

По окончании войны эти героические собаки доживали свой

век, благоденствуя в роли домашних псов.

8. Профессиональные секреты

Поездки

Техника использования ездовых собак для полярных исследований развивалась и распространялась

главным образом в промежутке между двумя войнами. Во время войны 1914–1918 годов собачьими упряжками пользовались, по большей части не будучи убежденными в их достоинствах; часто предпочитали живую силу людей, а также исландских пони. После войны 1939–1945 годов механические средства передвижения полностью вытеснили собачьи нарты [\[24\]](#) : гусеничные машины малой, средней и большой мощности (легкие тракторы весом от двух с половиной до пяти тонн, тяжелые вплоть до сорокатонных), аэросани, самолеты, вертолеты.

Но ничто никогда не заменит того чудесного чувства товарищества, взаимной преданности, какое испытывает настоящий каюр, отлично знающий своих собак, от которых он зависит, как и они от него, своих повседневных товарищей, на которых он может положиться, как и они на него. Ничто не заменит опьяняющей поэзии езды на нартах, когда микроскопические кристаллы льда блещут под солнцем в сухом и морозном воздухе Заполярья подобно золоченым гирляндам на елке.

Чтобы полностью насладиться редкостными впечатлениями, какие доставляет езда на собаках,

поезжайте одни (но с такими собаками, которых вы знаете и которые вас знают). Чтобы ехать быстро и с полной отдачей сил, поезжайте одни; при групповой поездке скорость не превышает скорости самых медленных нарт.

Для длительного рейда вроде перехода через ледяную пустыню Гренландии, мне кажется, лучше всего такой состав отряда, как при нашем переходе в 1936 году: четыре человека, трое нарт; количество собак различно в зависимости от расстояния. Тогда один из участников — запасной и помогает другим в случае нужды или идет впереди,

чтобы разведать трассу, определить направление и т.д. К знаниям, умениям и психологической устойчивости участника путешествия на собачьей упряжке через такую ледяную пустыню, как Гренландия, предъявляются те же требования, что и при всякой другой поездке, точно так же как для хождения на лыжах по этому ровному плато нужно не больше профессиональных умений, чем для обычного хождения на лыжах по пересеченной местности.

Если же маршрут пролегает по холмам, припаю, фьордам, обнаженным участкам земли или по

леднику (что имеет место в большинстве случаев), необходимы весьма многообразные знания. Нужно уметь определять, достаточно ли прочен лед, чтобы выдержать вес нарт и ваш вес с учетом того, на лыжах вы или нет. Толщина льда в верховье фьорда и в его устье различна: из-за притока с земли пресной воды лед в верховье отличается от льда в устье, образовавшегося из соленой морской воды. Весной надо уметь «почуять», где находится лед, подточенный снизу течением или подтаявший сверху от солнечных лучей, отраженных торосами (обычно это

бывает у окончности мыса). Надо знать еще многое, о чем я охотно рассказал бы, но это заставило бы пуститься в подробности, конечно, интересные, но чересчур пространные для этой книги.

Вы правите собаками

Любой человек, имеющий шоферские права, может сесть за руль автомашины, будь то «ситроен»,

«роллс-ройс» или «ягуар». В зависимости от того, каковы у него рефлексы, насколько он осторожен, есть у него опыт или нет, он не попадет в аварию и будет водить машину более или менее долго.

Совсем иначе обстоит дело, когда правишь собаками, запряженными в нарты. В этом случае к человеческим качествам предъявляется больше требований.

Во-первых, следует иметь крепкое здоровье и быть очень выносливым. Ездить на собаках – это не значит спокойно сидеть на нартах и покрикивать псам на понятном им

языке: «Вперед, направо, налево, стой!» При езде на собаках приходится часто на ходу спрыгивать с нарт, хвататься на лету за их задок, удерживаться, балансируя, на их полозьях, тормозить резким толчком ноги, откидываться всем корпусом назад или в сторону, чтобы удержать нарты в равновесии при спуске. А иногда надо толкать или тянуть их вместе с собаками, приподнимать резким рывком.

Хотя соответствующие физические данные и важны, к ним нужно добавить и другие, приобрести которые куда труднее.

Владеть бичом, делая точные и ловкие движения им, притом рассчитанные на психологию собак, так же трудно, как ловить рыбу спиннингом. Быть может, после целого года тренировки вы приобретете ловкость и точность. Но если вы не имеете понятия об умственных способностях собак вообще, не знаете каждую свою собаку в отдельности, то вам придется иметь дело с проблемами, которые встанут перед вами в самый неподходящий момент, и вы почувствуете себя совершенно беспомощными лицом к лицу с ними.

Есть существенная разница между психологическими особенностями каюра – мастера своего дела и просто хорошего каюра. Эту разницу можно сравнить с разницей между инструктором лыжного спорта, чье педагогическое умение заключается в советах «Делай, как я!», и таким инструктором, который анализирует ваши ошибки и промахи, объясняет ясно, точно, что вы должны делать.

Хороший каюр должен обладать следующими психологическими качествами: во-первых, терпением, во-вторых, терпением, в-третьих, терпением, в-четвертых, спокойным

характером, в-пятых, спокойным характером, в-шестых, спокойным характером.

Остальное (по линии психологии) – дело опыта, который необходимо приобрести: подавать команды как можно реже – лишь в случае, если без них не обойтись и если они могут быть сразу выполнены; никогда не орать, командовать вполголоса; не ласкать собак на промежуточных остановках, ни на кратких, ни на длительных, и приберегать излияния нежных чувств до окончания дневного пробега.

Не балуйте псов, не потакайте

им. Собаки как дети, быстро все понимают и, как дети, сумеют использовать ваши слабости.

Повторяю: ездить на нартах вовсе не означает комфортабельно восседать на них и беззаботно предоставлять собакам везти вас.

Я рассказал, как совершил с товарищами переезд на собаках через ледяную пустыню Гренландии. Теперь я выразился бы иначе: «перешел пешком, с собаками», потому что многие говорили нам: «Ах, это, наверное, было приятно!» А когда мы просили объяснить, как они представляют себе этот

пятидесятидневный путь, они говорили о «прогулке» или «поездке», во время которой, очевидно, мы, укутавшись в теплые одежды, лежа на застланных мехами нартах, словно в люльке, катили, подобно русским боярам, на тройках зимой, как показывают в некоторых фильмах.

Вот, к примеру, выдержки из моих записей 1936 года. Я вторично зимовал тогда с эскимосами на восточном берегу Гренландии, в Кангерсетоатсиаке (по-эскимосски в «не очень большом фьорде») на севере Ангмагссаликского района, единственный белый среди двадцати

пяти человек. Наша хижина была построена на мыске у входа во фьорд. За нею были долины и озера. Мы ходили туда на лыжах, чтобы охотиться на куропаток или переправляться на другой конец фьорда к северо-западу от нашего островка. На этой лыжне я тренировал свои упряжки, когда лед фьорда делался непрочным. Однажды после обеда произошло вот что (даю запись от 26 ноября 1936 года):

«Лыжня идет вниз между скалами от перевала до первого озерка. После довольно длинной крутой тропинки нарты выезжают на

бугор, за которым крутой поворот. Слева – скала высотой свыше трех метров, справа – обрыв, до дна – метров двенадцать. Лыжня огибает скалу, потом спускается под прямым углом налево, в узкий проход, который нельзя прозевать: здесь нарты на полном ходу наклоняются направо, и тотчас же собаки тянут их налево, устремляясь в узкий проход. Значит, нужно как можно скорее перегнуться налево, налечь всей тяжестью тела на левый полоз нарт, чтобы они не перевернулись, и сразу же быстро откинуться, а то ударишься головой о скалу, нависшую в начале прохода.

Совершая этот спуск впервые, я, как и все мои спутники-эскимосы, искусственно затруднил собакам бег, подвязав одну из передних лап каждой. На другой день, уже зная лыжню, я позволил им бежать свободно.

Сегодня они взбежали на бугор галопом и одна за другой исчезали в проходе. Изо всех сил откидываюсь налево. Так, все в порядке! Нарты сохранили равновесие. Проезжаю бугор. Нарты слегка скособочились в сторону собак. Это ничем не грозит, так как сейчас нарты выпрямятся, и меня здорово тряхнет. Пытаюсь нагнуться еще больше внутрь кривой.

Вот и ожидаемый толчок, но он так силен, что я слетаю с нарт не в силах удержаться. Нарты с размаха ударяются о скалу и останавливаются. Все постромки лопнули.

Я быстро поднимаюсь, так как Кристиан – эскимос, мой спутник и друг – недалеко (он осторожен и надел своим собакам путы). По другую сторону прохода между скалами мои псы несутся вскачь одни по тропе, ведущей прямо к хижине. Остановить их невозможно, крики бесполезны. Случись такое на припае, положение было бы серьезным и даже опасным.

Возвращаюсь на буксире нарт Кристиана».

Лагерь

Чтобы войти в роль человека, решившего сделать привал, и сделать его в удобном месте, где можно найти хворост для огня и деревья для других надобностей, попробуйте при этом представить себе, что вы много часов бежали рядом с нартами; что иногда вы тянули или подталкивали их, помогая собакам; что вы

доведены до изнеможения и что тридцатиградусный мороз с «легким, освежающим ветерком» обжигает вам грудь; что от дыхания намерзают сосульки на ваших бровях, ресницах, усах, давно небритых щеках и одежде. Вы остановились на ночлег до захода солнца, так как умны и знаете правила игры. Итак, вы решили сделать привал. Но прежде чем улечься отдыхать, вам придется провести несколько довольно неприятных часов. Ведь для того чтобы разбить хороший лагерь, нужно много времени и труда, а на морозе, на ветру терпеливо, медленно и основательно что-нибудь

делать — значит обрекать себя на немалые страдания.

Вот вы выбрали два дерева, между которыми можно натянуть палатку. Но прежде чем сделать это, надо хорошенько отряхнуть с деревьев снег, иначе, когда вы затопите печку, свалившиеся с веток пласты снега засыпят и печку, и палатку, и все остальное. Затем нужно с помощью лыжных палок разгрести слой чересчур рыхлого снега, лежащего на земле сверху, либо, если он слишком глубокий, плотно его утрамбовать.

Пока вы распрягаете собак, ваш

спутник нарежет тонких веток и раскидает их по снегу, как теплоизолирующую подстилку для спальных мешков.

Затем вы вместе ставите палатку. Боковые растяжки прикрепляют к кустам, если они есть, или к кольям, которые вы натешете и воткнете в снег параллельно бокам палатки. Если снег чересчур рыхлый, вы естественным способом оросите колья, чтобы они примерзли к снегу. Пока вы будете собирать и ставить колена труб для печки, ваш товарищ, снова вооружась топором, нарубит хворост и заготовит топливо: огонь в печке нужно разжечь как можно

скорее.

Надо иметь достаточно дров, чтобы хватило не только на ночь и на утро, но и на то, чтобы сварить пищу вам и собакам. Затопив печку, вы ставите на нее набитые снегом котелки, чтобы получить воду, и с этого момента все будет хорошо: сколько бы вам ни пришлось еще трудиться снаружи, на морозе, на ветру, в сгущающейся темноте, вы сможете заходить в палатку погреться. А ведь работа только начинается.

Вы разведете неподалеку костер из длинных сучьев и, чтобы

приготовить пищу для собак, повесите над ним котелок, набив снегом и положив нарезанную кусками рыбу.

Когда вода закипит, добавьте рис и жир. Через двадцать — двадцать пять минут снимете котелок с огня, чтобы варево остыло (собаки никогда не едят горячее, иногда — теплое, а большей частью — холодное). Теперь надо снова набить снегом и котелок, и обе алюминиевые кастрюли, так как из тающего снега, даже если его утрамбовать, получается очень мало воды. Если повезет и отыщется лед, вода будет скорее. А если очень сильно повезет, достанете воду из-

подо льда реки или озера. Иногда достаточно выстрелить отвесно в поверхность льда, чтобы из дырки заструился ручеек.

За это время ваш спутник подгребет снег к стенкам палатки, чтобы она прочнее держалась и ветер не проникал внутрь. Он нарежет зеленых веток и выстелет ими круглые ямки, вырытые им в снегу каблуками или с помощью лыжных палок. Это спальные места для собак, по одному на каждую. Он снимет с собак обувь, чтобы высушить ее у печки. Вы поможете ему, если у вас останется время, растереть собак в случае, когда

пробег был длительным, проверить их лапы, удалить лед, намерзший между пальцами, заняться лечением ран. Вот тогда-то можно дать волю своей любви к псам и вознаградить себя за то, что вы воздерживались проявлять ее в пути.

В палатке уже стало жарко, как в бане. С верхней веревки свисает все, что нужно просушить: рукавицы, собачьи мокасины, верхняя одежда дежурного повара, полотенца, носки. Все, что только можно повесить, мокрое или сухое, вешается на эту веревку или на стенки палатки.

Когда снег в кастрюлях растает,

дежурный повар бросает в них картофельные хлопья, сухой лук, суп в порошке. Все эти обезвоженные продукты разбухнут, мало-помалу принимая натуральные форму и объем, и, когда вода (присматривайте за тем, чтобы ее было достаточно!) закипит, они готовы к варке. Тогда кладут куски оленьего или тюленьего мяса, или зайца, или куропатки – словом, что найдется. После часа или полутора часов стряпни у каждого из вас будет наконец, чтобы наполнить желудок, по доброй миске «похлебки моей бабушки», которую вы обильно сдобрите солью (вы потеряли, потя в дороге, много

соли), перцем и другими пряностями, если они у вас имеются. Вместе с галетами, разогретыми на печке, и чаем, долго настаивавшимся во второй кастрюле, это будет ваша главная трапеза за весь день. Если чувствуете потребность, добавьте в чай полстакана рома, пригоршню сахара и станете счастливейшим из людей. А если вы – старый волк, то не повредит и кусок масла, брошенный в чай.

Если вы слишком устали и сон вам дороже пищи, то ограничьтесь одним котелком кипятка для чая и бросьте на сковородку два брикета (один для себя, другой для товарища)

замороженной похлебки, сваренной раньше на досуге из фасоли, шпика, тертого сыра, масла и приправ, — нечто вроде густого супа, замороженного и нарубленного кусками по одному или полтора килограмма.

Когда желудок будет полон и вам станет жарко, придется снова обуться и натянуть верхнюю одежду, так как пора кормить собак.

Вот уже прошло около двух часов после того, как вы остановились на привал. Псы немного отдохнули, и пища будет ими лучше усвоена. Если вода

имеется в пределах досягаемости, дайте им напиться, а если вы образцовый хозяин собаки и воды поблизости нет, то натопите и остудите им воды, так как вода для них лучше, чем снег.

Пока ваш товарищ (или вы сами — почему бы и нет?) моет посуду (когда воды в обрез, с помощью снега) и наводит порядок, то есть убирает все разбросанное в палатке и вокруг нее, вы кормите собак. Это не такое уж легкое дело. В случае если вы заядлый собачник, то берите с собой столько мисок, сколько у вас собак, и каждая получит по полной миске еще теплой похлебки.

Несомненно, ваши собаки будут в самой лучшей форме, если давать им вареную и теплую пищу, нечто вроде супа – и еда и питье в одно и то же время. Но в некоторых случаях это невозможно, например при путешествии, подобном переходу через ледяной купол Гренландии. При езде на небольшие расстояния достаточно брать сырую мороженую рыбу (два килограмма), лучше всего лосося – он жирнее и питательнее.

На Аляске считают, что стряпать для собак экономичнее, чем везти сырой продукт, и это вовсе не с точки зрения стоимости еды, а с точки зрения того, сколько можно увезти ее

на нартах. Так, пятьдесят килограммов рыбы плюс пятьдесят килограммов риса плюс двадцать пять килограммов жира, сваренные вместе, эквивалентны двумстам килограммам сушеной рыбы.

Если ваши псы приучены к тому, что каждый получит свою порцию без борьбы за нее и без риска, что ее стащат, то они будут накормлены без спешки, рычания и драк. После этого каждая собака устроится на ночлег в своей ямке, выстланной ветками, причем долго будет возиться в ней и устраиваться удобнее, по своему вкусу.

Если вы опытный каюр, то научите одного из псов стеречь нарты. Он один останется на свободе, если вы имеете обыкновение привязывать собак на ночь, ляжет на нарты, ничего на них не тронет и никому, кроме вас, не позволит подойти к ним.

Так закончится день. Вы вернетесь с товарищем в палатку. Там тепло, на печке клокочет кастрюля с чаем, зажжете трубки и, помолчав, начнете рассказывать друг другу всякие истории...

За приключениями – с собаками или без них

Ну а в наши дни, когда машины заменили животных?

Если вы душой с теми, кто некогда покорял полюсы, вам станет жаль доброго старого времени, когда лишь собачья упряжка давала возможность охотиться, ездить друг к другу в гости, заниматься исследованиями. Вам станет жаль, что уже миновала та пора, когда каждый вечер, невзирая на усталость,

подчас в разгар бурана, приходилось кормить собак и заботиться о них. Вы будете вспоминать характер и повадки всех псов, каких вы знали, будете говорить о них как о дорогих покойных друзьях.

Если вам ближе по духу те пионеры, чьи достижения оказались возможными благодаря самолетам, большим и малым, вертолетам с обычными моторами или газотурбинными или, наконец, благодаря мотонартам, гусеничным и другим тракторам, хотя эти механические средства передвижения позволили отодвинуть сроки вашего отказа от активной

деятельности, но тем не менее вы с грустью вспомните о собаках, которых больше нет, чьи верность и привязанность скрашивали трудности полярных путешествий.

И вместе с тем вы должны признать, что дух приключений не исчез вместе с собаками, ибо этот дух никогда не умрет в сердцах людей, особенно в сердцах тех, кто верит в задуманное и живет мечтой о нем.

Послесловие

«Друзья по риску» – пожалуй, нельзя сказать удачнее о ездовых собаках. В самом деле, верой и правдой служили они человеку в наиболее суровых частях нашей планеты, на Крайнем Севере и на Крайнем Юге, безропотно делили с ним тяготы, скромные будничные радости, иногда славу и, конечно, всегда риск. Не счесть тонн и километров, «освоенных» за тысячелетия лохматыми тружениками. Умелое их использование позволило совершить многие географические открытия и в Арктике, и в Антарктике, и много

человеческих жизней было спасено в пургу, морозной полярной ночью преданными четвероногими друзьями — яркие примеры тому читатель нашел в этой книге. Не случайно собаки, упряжь, сани еще недавно по всему Заполярью были главной темой мужских разговоров, а хороший передовик, вожак, считался бесценным сокровищем. Теперь сюда пришла техника — самолет и вертолет, вездеход, трактор, мотонарты, и собачья упряжка сдает позиции. Книга Поля-Эмиля Виктора поэтому и гимн «друзьям по риску», и своего рода памятник им.

Автор книги — известный

французский исследователь и писатель — совершил несколько больших и трудных путешествий в полярные страны. О них-то, этих путешествиях, он и рассказывает здесь ярко и правдиво. Поль-Эмиль Виктор повествует о своих спутниках — европейцах и эскимосах и, конечно, о четвероногих помощниках, дает серию запоминающихся портретов собак и как бы раскрывает перед читателем внутренний мир великолепного Укиока, сентиментального Кранорсуака, коварной Арнатак, вспоминает случаи захватывающие, волнующие, иногда забавные. Так

мог написать лишь человек, наделенный талантом тонкого наблюдателя и натуралиста. Автор не просто пишет о собаках – искренне разделяет с ними их радости и страдания. Поэтому-то каждый, кому не чужды тяга к путешествиям, любовь к природе и животным, тот, кто знает и любит собак, не останется равнодушным, прочтя эту книгу.

Поль-Эмиль Виктор пользуется большой популярностью не только во Франции, но и далеко за ее пределами; немалую роль в этом играют его душевная щедрость и большое обаяние. Многие советские

полярники лично знакомы с ним, были гостями в его не совсем обычном жилище, устроенном на старой барже. Они хорошо помнят тот живописный уголок Парижа, где причалена баржа, замечательную библиотеку, собранную гостеприимным хозяином, стены жилища, увешанные картинами и сувенирами из многих стран мира, столярный верстак, за который встает Поль-Эмиль в часы досуга, и, конечно, его самого – седовласого, спортивно подтянутого, его такт и проницательность, неиссякаемое чувство юмора.

Поль-Эмиль Виктор – полярник

по призванию. Еще в детстве он зачитывался описаниями путешествий в полярные страны и готовился сам стать полярным исследователем. Хорошо представляя себе, насколько широких знаний потребует от него избранная профессия, он заканчивает Инженерную школу в Лионе, а кроме того, становится дипломированным этнологом и филологом. В 1934 году Поль-Эмиль организует свою первую этнографическую экспедицию на восточное побережье Гренландии. Спустя два года он вновь на этом острове и вместе с тремя спутниками на собачьих упряжках

пересекает Гренландский ледниковый щит, а зиму проводит вместе с эскимосами, ведет тот же образ жизни, что и коренные жители Гренландии. Во Францию Поль-Эмиль возвращается с большой коллекцией одежды и утвари эскимосов (сейчас ее можно увидеть в Антропологическом музее в Париже), с чувством глубокого уважения к народу, который не только сумел выжить в полярной пустыне, но и создал из того малого, что дает человеку здешняя природа, столь удивительные предметы материальной культуры.

В 1938 и 1939 годах Виктор

проводит свои исследования в Лапландии и одновременно разрабатывает план организации большой трансарктической экспедиции, мечтает о знакомстве с Советской Арктикой, с населяющими ее коренными жителями – ненцами, нганасанами, чукчами. Начавшаяся вторая мировая война помешала осуществлению задуманного плана. Поль-Эмиль Виктор назначается помощником военно-морского атташе Франции в Скандинавских странах, а после оккупации части своей родины гитлеровцами вступает в армию США и служит на Аляске – вначале инструктором по подготовке

полярных подразделений военно-воздушных сил, а затем командует поисково-спасательной эскадрильей, действующей на севере Американского континента и на Алеутских островах.

С 1947 года по поручению правительства Поль-Эмиль Виктор становится организатором и руководителем французских полярных экспедиций. К середине 1970-х годов им было снаряжено сорок таких экспедиций. В них приняли участие около двух тысяч человек; полевые партии преодолели за это время на тракторах, вездеходах и мотонартах, преимущественно в

Антарктике, более трехсот тысяч километров, совершили важные географические открытия, собрали ценные научные материалы, опубликованные затем в сотнях статей и многих книгах. В последние годы Поля-Эмиля Виктора все больше привлекает литературный труд.

В наши дни собачью упряжку сменяет механический транспорт. Ее все реже видишь теперь в Заполярье, а во многих промысловых поселках и на советском и на зарубежном Севере ездовых собак уже не встретишь вовсе. Содержание собак становится слишком дорогим, а

отдача недостаточна, чтобы четвероногих помощников можно было использовать как тягловую силу на повседневных, будничных работах. Судите сами: каждой собаке нужно дать в сезон работы ежедневно килограмм мяса или два килограмма рыбы (либо соответствующее по калорийности количество пеммикана). Упряжка — она обычно состоит из десяти — двенадцати собак, — следовательно, съедает в день не меньше десяти килограммов мяса или двадцати килограммов рыбы. А в месяц? А в год? А какова же отдача? Предельная нагрузка на собаку составляет тридцать — сорок

килограммов, на упряжку – триста – четыреста килограммов. Предельная скорость этих «рысаков» – около двадцати километров в час, средняя скорость по крайней мере вдвое меньше. Конечно, перевозка грузов и людей на вездеходе или мотонартах обходится дешевле. И тем не менее век упряжек вовсе не кончился!

Немало охотников все-таки предпочитают использовать на Севере не мотонарты, а собак. Это транспортное средство не нуждается в запасных частях, в горючем, не выйдет из строя и не подведет в дальней поездке, как это случается с техникой. Кое-где пользуются

упряжкой егеря, поскольку такой вид транспорта они считают самым пригодным для выслеживания браконьеров. Но не это самое главное. На наших глазах начинается новый этап в полярных путешествиях. Несмотря на то что попасть к полюсам Земли теперь можно относительно легко на самолете, сюда вновь организуются экспедиции «классического» типа. В 1964 году норвежец В. Стайб с пятью спутниками предпринял (правда, неудачную) попытку достижения Северного полюса с помощью упряжных собак. В 1968 году английские путешественники Уолли

Херберт и трое его товарищей совершили трансарктический переход от северного побережья Аляски до Шпицбергена через Северный полюс, и транспортным средством в этой экспедиции были собаки. А через десять лет, в 1978 году, используя упряжку, осуществил свое удивительное путешествие по льдам Северного Ледовитого океана в одиночку японец Уэмура Наоми.

Арктика, как и Антарктика, открывает перед путешественником возможность испытать свои силы — физические и духовные, выявить их пределы, удовлетворить свойственное человеческой натуре

стремление к подвигу. Наверное, поэтому полярные страны манят к себе людей смелых, сильных, мужественных. Поэтому не кончается век экспедиций сюда «классического» типа, использующих как основное транспортное средство собачьи упряжки.

Поль-Эмиль Виктор образно и ярко рассказал в этой книге о гонках упряжек на Аляске в прошлом. Ну а теперь, в наши дни, можно ли увидеть здесь заиндевевших каюров, толпы болельщиков у финиша гонок, такой же накал страстей? Оказывается, можно!

Ежегодно в конце февраля, когда стоят самые сильные морозы и санный путь наиболее устойчив, в Анкоридже – крупнейшем городе Аляски – проходит «Пушной фестиваль». Он проводится с размахом, длится несколько дней и собирает уйму народа. На улицах в это время теснятся и сами горожане, и приезжие из иных частей Аляски, из других штатов, из Канады, даже из-за океана. В программе фестиваля хоккей и выступления танцоров – эскимосов и индейцев, меховые аукционы, избрание «мисс Аляски». Но главный «гвоздь», конечно, гонки собачьих упряжек. Это и

спринтерские заезды на дистанцию в двадцать пять миль, и марафонские многодневные пробеги. О гонках много пишут местные газеты. Разгораются споры, и заключаются пари. Болельщики пытаются предугадать развитие событий. Шелестят банкноты. Худеют и толстеют бумажники.

– Маш! Маш! (Можно перевести и «вперед!», и «пошел!».) Свистят и щелкают длинные кожаные бичи. Скрипят сани, шуршит снег под их полозьями, под множеством собачьих лап. Упряжки срываются со старта и, промчавшись по центральной улице Анкориджа,

исчезают в облаках снежной пыли.

Проходят часы либо дни томительного ожидания (и о том, что делается на трассе гонок, болельщикам сообщают теперь радио и телевидение), и вот упряжки уже на финишной прямой. Решающий этап гонок. Собаки тяжело дышат раскрытыми ртами. Каюры стоят на задках полозьев, и капюшоны их парок обросли инеем. Щелкают бичи, заключаются последние пари. И вот он, победитель! Что-то вроде круга почета. Наконец команда «Воу!» (Стой!). Она, наверное, сейчас особенно по душе обессиленным «рысакам».

Наиболее трудная и длинная трасса современных гонок на Аляске – Анкоридж – Ном. Она проходит и лесами и горами, а протяженность ее составляет 1049 миль (около 1700 километров). В 1975 году чемпион преодолел этот путь немногим более чем за 18 дней. Но рекорды совершенствуются. В 1976 году упряжка Рика Свенссона прошла по трассе за 14 дней 18 часов 52 минуты и 25 секунд (американцы любят точность!). Через год же собаки Ричарда Меки промчались по ней на секунду быстрее.

Участвуют в гонках и женщины. В 1975 году со страниц газет долго не

сходилили имя и портреты победительницы гонок Рокси Брукс; своей популярностью она на время затмила даже самых известных кинозвезд. Но, вообще-то говоря, женщина-машер (каюр) не такая уж здесь редкость. Еще в 1916 году прославилась американка Майхоф, завоевавшая звание чемпиона на гонках упряжек в поселке Руби, стоявшем на Еловом ручье, притоке Юкона. В последние годы проводятся даже североамериканские чемпионаты женщин-машеров. Они проходят ежегодно в середине марта в Фэрбенксе – втором по величине городе Аляски.

Словом, ездовые собаки, хотя они почти перевелись в аляскинской «глубинке», сохранились и даже процветают в крупных поселках – в Фэрбенксе и его окрестностях, в долине Юкона. Здесь есть клубы любителей ездового собаководства: «Хаски-клубс» (хаски – местное название завезенных из Сибири лаек – поджарых, темпераментных, быстрых), «Малемут-клубс» (малемуты – аборигенные эскимосские собаки – крупные, сильные, но флегматичные и тихоходные трудяги), а разведение представителей этих пород и торговля ими, так же как и гонки

упряжек, превратились в дело популярное и прибыльное. Впрочем, не только прибыльное. А разве слабо выражено в собачьих гонках истинно спортивное начало? Разве не захватывающее это по своей красоте и динамизму зрелище?

В приложении к французскому оригиналу своей книги Поль-Эмиль Виктор дает подробные советы по использованию упряжных собак. Поскольку в русском переводе книга появляется без приложения, необходимо хотя бы коротко сказать о том, как запрягают этих животных. Существуют два основных способа упряжки — цуговая и веерная. В

первом случае собак располагают вдоль длинного куска ремня, веревки или стального троса попарно или «елочкой», либо одну за другой, в «колонне по одному». Так ездят у нас, в Восточной Сибири, на севере Северной Америки и в Гренландии. На севере Западной Сибири и в Европейской части СССР чаще пользуются веерной упряжкой, когда собаки бегут рядом, в одной шеренге. И тот и другой способы имеют свои преимущества и недостатки. В первом случае собаками управляют голосом, во втором – вожжой. Езда цугом требует собак более «высокой квалификации», лучше обученных,

чем при езде веером, она не так маневренна (нельзя, например, повернуть нарту круто в сторону), зато экономнее расходует собачьи силы. При цуговой упряжке на нарту можно положить больше груза, легче проехать по морскому льду, среди торосов, по дну узких оврагов, по глубокому, рыхлому снегу. В цуговой упряжке до тех пор, пока собаки не выдохлись, они трудятся особенно увлеченно и азартно и к своей работе относятся словно к интересной игре. Каждая из них преследует и изо всех сил старается догнать предыдущую. Исключение составляют лишь собаки передовой пары или

передовая: их удел — спастись от преследования (остановиться и завязать драку «правила игры» не позволяют: каюр здесь выступает в роли строгого судьи).

Санная упряжка — наиболее распространенная форма использования собак при перевозке человека или груза. Но иногда они несут службы иначе. Зимой поодиночке или парами животные буксируют лыжников, летом кое-где их запрягают в колесные повозки или волокуши, а чаще они переносят грузы во вьюках. Известны случаи использования собачьей упряжки даже для пахоты.

Одну из глав своей книги Поль-Эмиль Виктор посвящает участию ездовых собак в первой мировой войне на французско-германском фронте. Необходимо, однако, сказать, что собачьи упряжки наряду с современной военной техникой гораздо шире применялись Красной Армией, особенно в годы Великой Отечественной войны. В общей сложности тогда были «мобилизованы» десятки тысяч собак, и многие из них несли ездово-санитарную службу — вывозили с поля боя раненых, подвозили на передовую патроны и другие военные грузы, наводили и снимали

телефонно-телеграфные линии. Примеры успешного несения упряжными собаками военной службы многочисленны. Упомяну лишь о двух. В 1942 году только на одном участке Западного фронта отряд нартовых собак перевез за месяц 1239 раненых и доставил на передний край 327 тонн боеприпасов. Вожатый – младший сержант Полянских прошел со своей упряжкой путь от Дона до Праги, вывез с поля боя 726 раненых, в том числе 72 офицера, и подвез в боевые порядки 29 тонн различных грузов. [\[25\]](#)

Уместно сделать и ряд других

замечаний. В главе I автор называет английского мореплавателя Уильяма Эдуарда Парри первым европейцем, применившим (в 1822 году) собачью упряжку в арктическом путешествии. На самом же деле этот вид транспорта широко использовался в России уже в начале XVIII века участниками Великой северной экспедиции. С. Челюскин, В. Прончищев, братья Д. и Х. Лаптевы прошли на собачьих упряжках многие тысячи километров, совершив при этом поистине научный подвиг – описание северных берегов Сибири и отображение их на картах.

придерживается точки зрения одного из создателей науки о поведении животных – К. Лоренца – об участии в происхождении некоторых пород домашних собак от шакала. Однако в настоящее время считается установленным, что единственным родоначальником собак был волк (к этому мнению позже начал склоняться и сам Лоренц), а разнообразие пород этих животных – результат лишь осуществлявшихся человеком многовекового искусственного отбора и целенаправленной селекции.

В своей книге автор называет

типичной сибирской упряжной собакой ненецкую лайку, что ошибочно. Ненцы — преимущественно оленеводы, используют в качестве транспортных животных лишь северных оленей. Лайки, которых они разводят, — маленькие, похожие на шпица собаки, несущие только пастушью службу (они помогают пастуху в управлении оленьим стадом).

В целом же эта книга, несомненно, найдет у советских читателей высокую оценку. Те же из них, кому случалось использовать собачьи упряжки, я думаю, вполне согласятся с автором,

утверждающим: «Ничто и никогда не заменит чудесного чувства товарищества, взаимной преданности, которые испытывает настоящий каюр, хорошо знающий своих собак, от которых он зависит, как и они от него, своих повседневных товарищей, на которых он может положиться, как и они на него». Эти читатели оценят книгу Поля-Эмиля Виктора особенно высоко.

С. Успенский

Оглавление

Пролог

1. Завоевание полюсов

Покорители полюсов

Друзья по риску

Великий Нансен

Пири, адмирал флота США

Кук, полярный капитан Дрейфус

Несколько виртуозов

Слова Амундсена

Собаки и пони

Амундсен и его псы

Южный полюс

2. Арктические собаки

Эскимосская собака

Как она выглядит

Наши собаки в Альпах

Неудачная классификация

Злые собаки?

Удивительная история

Нуйатсока

Великолепный Укиок

Сентиментальный Кранорсуак

3. Переход через Гренландию

Тысяча и один белый горизонт

Закон Арктики

Пурге нет конца

Три собаки

4. Несколько рассказов о собаках

Печальная история Кренерака

Элен и Апалутток-Босс

Тимертсит и Экриди

Умны или нет?

5. Скотти Аллен, чемпион

Скотти и Джек Лондон

Скотти – друг животных

Большие гонки на Аляске

Какая победа

6. Еще несколько гонок

Большие гонки 1911 года через
Аляску

Большие гонки 1910 года через
Аляску

Вальди из Нома

7. Война 1914–1918 годов

Сверхсекретная миссия

На Вогезском фронте

8. Профессиональные секреты

Поездки

Вы правите собаками

Лагерь

За приключениями — с собаками

или без них

Послесловие

Виктор П.-Э.

В 43

Ездовые собаки – друзья по риску: Пер. с франц./ Послесл. С. М. Успенского. – М.: Мысль, 1980. – 159 с.

1 р.

ББК 28.685+26.89(88)

ИБ № 994

ПОЛЬ-ЭМИЛЬ ВИКТОР

Ездовые собаки – друзья по риску

Заведующий редакцией О.Д.
Катагощин

Редактор С.Н. Кумкес

Младший редактор М.В. Кретьова

Художественный редактор Е.М.
Омельяновская

Технический редактор О.А.
Барабанова

Корректор Г.М. Шпиленко

Сдано в набор 20.12.79. Подписано в
печать 20.05 80. Формат 84х 1 081/32.

Бумага газетная. Литературная
гарнитура. Высокая печать. Усл.
печатных листов 8,4. Учетно-
издательских листов 8,61. Тираж 100
000 экз. Заказ № 1151. Цена 90 к.

Издательство «Мысль». 117071.
Москва, В-71, Ленинский проспект,
15.

Ордена Октябрьской Революции и
ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография
имени А.А. Жданова
Союзполиграфпрома при
Государственном комитете СССР по
делам издательств, полиграфии и
книжной торговли. Москва, М-54,
Валовая, 28.

[\[1\]](#) «Торри Кэньон» – танкер, в 1968 г.
переломился пополам у берегов Ла-Манша,

при этом в море вылилось свыше 100 тысяч тонн сырой нефти.

[2] Р.Ф. Скотт предпочел собакам пони, а также очень несовершенный в те времена механический транспорт. – *Ред.*

[3] А. Дрейфус – французский офицер, ложно обвиненный в шпионаже (1894). Автор намекает на то, что Фредерик Кук, утверждавший, что он первым достиг Северного полюса, был несправедливо обвинен во лжи. – *Ред.*

[4] Давление пони на почву порядка 1000 г/кв. см; давление ездовой собаки – менее 250 г/кв. см.

[5] Должен сказать, что я никогда не замечал этого «вкуса говядины». По-моему,

собачатина отдает мокрой псиной. Но в конечном счете это вполне съедобное мясо.

[6] Она должна была служить также для обнаружения окиси углерода в воздухе.

[7] Холм Круа-Русс у Лиона служит передним краем морены, а Гро-Кайу – валун из этой морены.

[8] Кинология – наука о собаках.

[9] Ныне ордена Ленина Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт.

[10] В течение первых же месяцев этой зимовки (осенью 1936 года) погибло семь моих собак, в том числе трое – от болезни. У меня осталось тридцать три

собаки, из которых двенадцать я использовал в качестве ездовых, пять отдал жившим со мною эскимосам, а шестнадцать собак были слишком молоды для участия в рейде.

[\[11\]](#) Воображаемые существа, большей частью чудовища, которыми эскимосы населяют всю окружающую среду и которые без их ведома воплощают силы природы, как враждебные, так и благоприятствующие людям.

[\[12\]](#) Квартал в средневековом Париже, местопребывание калек, профессиональных нищих.

[\[13\]](#) Нидерландский живописец XVI века.

[\[14\]](#) Индландзис – датское слово, вошедшее в ходячую географическую терминологию. Оно обозначает всякий ледяной купол, в частности гренландский. Его значение – «внутренние льды». Чаше пишут «Инландзис».

[\[15\]](#) Кроме меня, наш друг – датчанин Эйгиль Кнуд, в дальнейшем посвятивший свою жизнь исследованию Земли Пири на севере Гренландии, Робер Жессен и Мишель Перез, уже зимовавшие со мною на восточном берегу в 1934/35 году.

[\[16\]](#) В. Стефансон (1879–1962) – канадский исследователь Арктики, см. его книгу «Гостеприимная Арктика» (М., 1948).

[\[17\]](#) Организованная, как и все последующие, Управлением французских

полярных экспедиций под руководством автора. Если считать экспедицию Дюмон-Дюрвиля (1840 г.) первой, то в 1974 г. на Земле Адели зимовала 24 Французская антарктическая экспедиция.

[\[18\]](#) Он назвал открытую им землю именем своей жены. Официальная заявка на Землю Адели была сделана Францией лишь между 1925 и 1930 годами по предложению майора Шарко.

[\[19\]](#) Надо (франц.).

[\[20\]](#) П.-Э. Виктору было поручено вести научные исследования как в Арктике, в частности на ледяном куполе Гренландии, так и в Антарктике, особенно на Земле Адели во французском секторе Антарктического континента.

[\[21\]](#) Конрад Лоренц – австрийский зоолог и зоопсихолог, один из основоположников этологии – науки о поведении животных. – *Ред.*

[\[22\]](#) Чечако («нежные ночи») – прозвище новичков на Аляске.

[\[23\]](#) Так называют на Аляске Канаду и Соединенные Штаты.

[\[24\]](#) Только некоторые английские экспедиции еще применяют их, да и то лишь в часы досуга.

[\[25\]](#) Шерешевский Э.И. и др. Ездовое собаководство. М. – Л., 1946.